

~~26.894~~

12

Социальные
престоры

1963

27.12.33

29.1.11.

27.2.121

26.891

PL

Сибирские ПРОСТОРЫ

Литературно-художественный
Сборник Тюменского
Литобъединения

ТЮМЕНСКОЕ
НИЖНЕЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1
1963 (9)

ТЮМЕНСКОЕ
НИЖНЕЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
С 1892
АИИП ✓

Р 2
К-60

Рукописи до одного печатного листа не возвращаются

Редакционная коллегия:

**И. Г. Истомир, П. Е. Кодочигов, Г. И. Курбатов (редактор),
К. Я. Лагунов, Л. В. Полонский, А. Ф. Черняев, Ф. А. Чурсин.**

Технический редактор Л. Т. Овечкин.

Адрес редакции: г. Тюмень, ул. Дзержинского, 29.
Телефон 6-22.

Подписано к печати 22/V-63 г. Формат 60×84¹/₁₆.
11,45 печ. л. Уч.-изд. л. 10
РД 00584. Тираж 3000. Заказ № 801. Цена 50 коп.

Типография № 1, Тюмень, Первомайская, 11

Тюменскому отделению Союза писателей РСФСР

Промышленный и сельский областные комитеты Коммунистической партии Советского Союза сердечно приветствуют молодую организацию тюменских писателей — новый отряд литераторов Советской России — и желают им больших творческих успехов в благородном деле коммунистического воспитания трудящихся.

Создание отделения Союза советских писателей — крупное событие в жизни области, оно сыграет большую роль в дальнейшем развитии культуры, творческом росте тюменских писателей.

Партия призывает советских писателей активно участвовать в формировании духовного облика человека будущего — строителя новой жизни. Своим пером поэты и писатели должны звать трудящихся на активную борьбу за коммунизм, воспитывать людей в духе коммунистической идеиности, братской дружбы, прививать им высокие нравственные качества, нетерпимость к проявлениям буржуазной идеологии и морали.

Хлеборобы, рыбаки, геологи и животноводы, лесорубы и

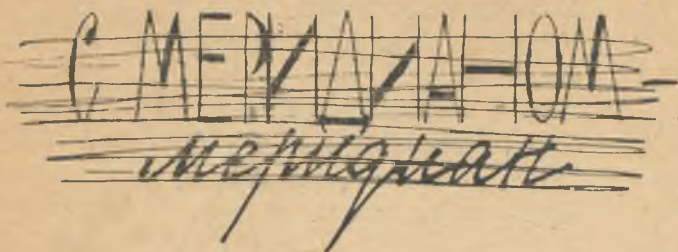
машиностроители, речники и железнодорожники, строители и охотники — все трудящиеся области ждут от тюменских писателей правдивых и ярких произведений, раскрывающих красоту подвигов людей нашего края, способствующих расцвету жизни и культуры народов Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов.

Писатели должны выступать страстными пропагандистами нового, передового, вселять бодрость и энергию в сердца тех, кто упорно осваивает богатства тюменской земли, быть активными бойцами за дело партии и народа, за коммунизм, бережно хранить и развивать лучшие традиции социалистического искусства, коммунистической партийности и народности, высокой революционности и гражданского пафоса.

Промышленный и сельский областные комитеты партии выражают твердую уверенность, что тюменские литераторы будут высоко нести знамя социалистического реализма, создавать новые произведения, достойные великих свершений советского народа — строителя коммунистического общества, будут верными помощниками партийных организаций в борьбе за всемерное развитие производительных сил области.

Сельский обком КПСС.

Промышленный обком КПСС.

РАДУГА НАД ГРАНИЦЕЙ

На границе травы скошены,
В далях—желтое жнивье.
Чудо-мостом переброшена
Радуга через нее.
На востоке и на западе
Запах сена.
 щебет птиц.
Эти птахи,
 эти запахи
Путешествуют без виз.
А у нас в пути таможенники
Проверяют паспорта.
Что в них ищут —
 ничегошеньки
Непонятно, ни черта!

Сам таможенник улыбается,
Улыбнулся,
 словно свой
(Это нас, мол, не касается),
С автоматом часовой.
У ребят с Оки да с Ладоги,
Да с Оби —
 сердца чисты.
Пусть встают, народы радуя,
Между странами, как радуги,
Дружелюбия мосты.

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ МАРШ

Молодое,
 торжественное,
Поющее гимны и песенки,
Фестивальное шествие
Перепоясало Хельсинки.
Что там
 гирлянды цветочные,
Украшавшие
 все столетия,
Если западные
 и восточные
Дети,
 словно одно соцветие.
Вот идет
 юность Болгарии,
Вслед,
 на «б», —
 делегат Боливии.
Он один,
 а соседей — армия.

Сразу видно,
 кто сиротливее.
 Девушками затевается
 Танец «Хоро»
 в честь друга-боливца.
 Он смущен,
 но на танец решается
 И походит уже на счастливца.
 Целый рой мотыльков —
 над японцами,
 Голубок Пикассо—
 над французами.
 Пусть же воздух под солнцем
 не стронцием
 Будет полон,
 а щебетом,
 музыкой!
 Этот марш
 освистан фашистами,
 И матерыми,
 и желторотыми.
 Но куда до него
 их шагистике,
 Совершаемой
 взводами,
 ротами.
 Он на Хельсинки
 не кончается,
 Он на всей земле продолжается.
 И цветами его закидывают,
 Мостовые под ним
 качаются,
 Монумены ему
 завидуют.

Язык твой,
 верно,
 не притуплен,
Видать, отвык от сквозняков.
А кем он да за сколько куплен —
 Ответь-ка без обиняков?
По залу — молнией смятенье.
Но как спокоен был поэт!
Неуловимое мгновенье —
И выстрелом гремит ответ:
— Да, я подкуплен, без сомнения.
Я рад —
 великая цена:
Таким, как я —
 какие деньги! —
Вся Куба в руки отдана!

НЕГР НА ТРИБУНЕ

Негр в белоснежной одежде,
С белыми,
 как кипень, зубами.
С глазами,
 полными белого огня.
Черные кулаки,
 словно гири,
Черные скулы,
 как скалы.
Слова его,
 будто булыжники.
Негр в белоснежной одежде
Говорил
 о черной своей судьбе.

МАЛЬЧИК, ПРОДАЮЩИЙ «КОКА-КОЛА»

Стадион немеет перед голом.
Только мальчуган,
 русоголов,
Занятый продажей «Кока-кола»,
Не считал офсайдов и голов.
Там,
 внизу,
 вратарь ловил «пенальти»,
У ворот защитники —
 стеной.
Только мальчик,
 шустрый финский мальчик,
Был к чужим опасностям
 спиной.
Кажется, из камня и бетона.
Самая огромная в стране
От оваций чаша стадиона
Пошатнулась,
 будто на волне.
А мальчишка бегал,
 озадачен,
Пересчитывая медяки,
Не взглянув, —
 чей промах,
 чья удача,—
Подавал бутылки в две руки.
Лишь однажды по лицу,
 как рыбка,
Неожиданна и несмела,
Юркнула недетская улыбка —
Чья-то милость
 сдачу не взяла.
Я не пылко отношусь к футболу,

Но на матче здорово «болел»
За мальчишку,
 что не перед голом,
А перед подачкою немел.

ДО ВСТРЕЧИ, ДЖОН!

Я подумал:
 ну, как есть—пижон.
Пестр,
 как полдень южного базара.
Но, оказывается,
 ты, Джон,
Замечательный техасский парень.
Твой отец погиб,
 и у меня
Ран не вынес,
 умер в сорок пятом.
Да к тому ж домой с войны
 родня
Не вернулась —
 дядя и два брата.
Ты слова отличные нашел,
Хоть коверкал их неимоверно.
Я сказал:
 «Ван Клиберн — хорошо!»
Ты воскликнул:
 «Пауэрс—скверно!»
Знать бы мой тебе язык,
 мне—твой,
Мы б еще поговорили лучше.
Соглашаюсь:
 возвратясь домой,
Сядем за учебники,
 изучим.

У тебя любимый штат —
Техас,
У меня Сибирь —
родное место.
Приглашай —
хочу побыть у вас,
Приезжай —
в Сибири интересно.
Нам друг к другу
в гости ездить, Джон!
Потому расстались,
не прощаясь.
Я пожал рабочую ладонь,
Я почувствовал ее шершавость.

К. Лагунов

ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕКУ

Документальная повесть

«Человек человеку — друг, товарищ и брат».

(из Программы КПСС).

1. ВСТРЕЧА С ГЕРОЕМ

Давно я задумал написать большой очерк о молодом герое нашего времени. Несколько раз судьба сталкивала меня с замечательными парнями и девушками. Но только задумка моя так и оставалась невыполненной.

Осенью прошлого года я закончил работу над большой книгой. У меня появилось свободное время, и я решил всерьез заняться сбором материала для очерка.

Мой поиск начался с шестой школы рабочей молодежи города Тюмени.

День выдался на редкость погожий, светлый, теплый и тихий. Прошитый лучами яркого солнца воздух казался золотистым. Вероятно, этот обман зрения объяснялся еще и обилием желтых красок, которые осень щедрыми мазками раскидала вокруг.

В такой день не хочется лезть в переполненный людьми душный и тряский автобус. Приятно пройтись пешком.

Чем дальше я уходил от центра с его асфальтом, витринами, скверами, тем ниже, бледнее и пустынное становился город. Немощные, кривые улочки, узенькие деревянные тротуарчики, вросшие в землю домики.

Однако и здесь, на окраине, горделиво возвышались большие многоэтажные дома, — построенные и строящиеся. Позолоченную синь неба буравили ажурные стрелы башенных кранов. С глухим рокотом ползали по дорогам катки, приминая черный дымящийся асфальт.

Город жил, город рос, город строился, и от этого становилось радостно на душе. Вот сейчас, сию минуту хотелось сделать для людей что-нибудь доброе и красивое.

Школа не порадовала меня своим видом. Тесно, пыльно, неуютно. В такую школу вряд ли захочется пойти после семи часов работы у станка.

По образованию я историк, потому и отправился на урок истории в 7 «А». «Посижу, послушаю. Авось и посмотрю героя будущего очерка», — подумал я, переступая порог класса. Он был маленький и душный. Столы тесно сдвинуты. За ними сидели пять парней и две девушки.

Мое появление не произвело на них никакого впечатления. Они вразной ответили на мое «здравствуйте» и продолжали заниматься каждый своим делом.

Я облюбовал стол, за которым с книгой в руках сидел темноволосый парень.

— Можно к вам присесть?

— Угу, — промычал парень, не поднимая головы от книги. И только дочитав параграф до конца, он вскинул на меня строгие, внимательные глаза.

Мы познакомились.

— Глячков Дмитрий, — отрекомендовался парень. — Дизелист с судостроительного. — И снова потянулся было к книге.

Я поспешил задать ему вопрос, другой, третий. Дмитрий отвечал нехотя. Ему уже тридцать. Третий год учится в вечерней школе.

— Трудновато, конечно. Поздно взялся за ум. Но ничего. Буду тянуть до победы. Кончу восьмилетку — поступлю в вечерний техникум. Через семь лет получу диплом техника. Не стыдно будет и в коммунизм входить...

Работал он хорошо. И, видно, крепко любил свое дело: рассказывал о нем увлеченно и горячо.

Зазвенел звонок. Дмитрий оборвал рассказ на полуслове, извинился и снова склонился над книгой.

С треском распахнулась дверь. В класс вошел молодой человек. Первое, на что я обратил внимание, были большие темные очки, за которыми оставались невидимыми глаза вошедшего. Он не спеша прошел к столу, положил на него толстую папку с молнией-застежкой и сел. На правом лацкане серого пиджака блеснул ромбик вузовского значка.

Молодой учитель еле уловимым, заученным движением руки подтолкнул вверх очки, поправил аккуратный узелок галстука. Расстегнув папку, извлек оттуда толстую серую тетрадь, пошелестел страницами. Найдя нужную, прикрыл ее ладонью. Низким ровным голосом спросил:

— Кто сегодня отсутствует?

Поднялась невысокая девушка в красной кофточке и перечислила фамилии отсутствующих учеников.

— Остальные здесь?

— Здесь, Виталий Данилович.

— Хорошо. Садитесь. Начнем.

И урок начался. Он проходил по всем правилам методики: Сначала опрос учащихся, потом изложение нового материала, закрепление его и, наконец, задание на дом. Словом, это был обычный урок, и только учитель оказался не обыкновенным.

Он был слепой.

Я слушал его ровный, неторопливый голос, а сам, не отрываясь, смотрел в худощавое, волевое лицо с высоким лбом и крутым подбородком.

В жизни мне довелось многое повидать, но такое я увидел впервые...

Вот так я познакомился с Виталием Аникиным. Его судьба глубоко взволновала меня, и я решил рассказать читателям об этом мужественном и гордом человеке, о людях, которые сделали его героем повести.

2 ВЫСТРЕЛ

Большелобый мальчуган крепко прижался спиной к бревенчатой стене. На нем белая рубашонка и черные штанишки с ляпочками крест-накрест. Глаза у мальчика

широко раскрыты. В них застыло выражение восторженно-го удивления.

На обороте поблекшей фотографии написана дата: — 27 августа 1939 года.

Мальчик в белой рубашонке — четырехлетний Витя Аникин. Он только что вернулся из пионерского лагеря, переполненный необыкновенно яркими впечатлениями. На всю жизнь запомнился ему большой костер на лесной поляне. Освещенные пламенем мальчики и девочки водили веселый хоровод. Вместе с ними пел и танцевал маленький Витя. В красном зареве большого костра все казалось необыкновенно ярким и удивительным.

Начальником пионерского лагеря был Витин отец — директор сельской школы, коммунист Данила Михайлович Аникин.

Друзья любовно называли его «непоседой». И справедливо — он и минуты не дарил праздному безделью. Все время в движении, в заботах, в труде. То он выступал с докладом перед колхозниками, то выпускал «боевой листок» на ферме, а то проводил читательскую конференцию в деревенской библиотеке. Да, много дел было тогда у сельского коммуниста Данилы Михайловича Аникина.

Когда началась война с белофинами, политрук Аникин ушел на фронт.

Вернувшись, он вновь стал учить деревенских ребятшек грамоте, рукоделию и песне. А еще он учил детей беззаветно любить Отчизну-мать и ненавидеть ее врагов.

Больше всего на свете коммунист Аникин ненавидел фашизм. Потому он и оказался в числе первых, кто грудью заслонил Отечество в страшные июньские дни сорок первого года.

Ух, как гордился своим отцом шестилетний Витька. Когда сверстники затевали игру в войну с фашистами, мальчишка привязывал к поясу деревянную саблю-самоделку и безапелляционно говорил:

— Буду комиссаром полка. Как папка...

Далеко от фронта раскинулись земли тюменщины. Здесь не слышно было орудейного гула, не видно тревожных всполохов пожарищ. Не падали бомбы, не выли сирены. Но и в далекой от фронта Сибири клокотала война. И раны ее не зажили до сих пор.

Пройдись по городам и селам, войди в любой дом и ты увидишь выцветшие фотографии солдат, не вернувшихся

с поля боя. До сих пор старухи-матери и безвременно увядшие солдатки бережно хранят в заветных местах по-луистлевшие листки «похоронных» и извещений о без вести пропавших.

Многие тысячи детей выросли без суровой отцовской ласки. И хотя ныне они сами стали отцами-да матерями, а все не забылась тяжелая утрата, не сгладились в памяти горькие сиротские годы.

Нет, война не обошла стороною Сибирь, потому что сами сибиряки никогда не стояли в стороне от жизни, не хоронились от борьбы за светлое будущее своего народа, не щадили себя в боях за Родину.

Не миновала война и семью Аникиных. Они осиротели в сорок втором. На руках Марии Тимофеевны осталось пятеро детей. Мал мала меньше.

Когда старшей Гуте исполнилось 17 лет, она уехала в город и стала разнорабочей на оборонной стройке. Бросил школу тринадцатилетний Анатолий. Он пас скот, пахал землю, водил трактор.

В войну они жили на частной квартире в деревне Колодцы Крутинского района. Пять человек ютились в одной комнатке, обставленной самодельной мебелью. Единственным украшением голых стен было хозяйское ружье. Оно висело в изголовье облупившейся кровати.

Ружье сюда повесил хозяин дома, вернувшись с охоты в воскресный день июня — первый день войны. С тех пор оно неподвижно провисело на этом месте почти четыре года.

А в январе сорок пятого в доме затеяли генеральную уборку, и ружье со стены переключало в угол.

Здесь его и обнаружили Витька с братом, вернувшись из школы. Витьке тогда было десять, а брату пошел тринадцатый. Надо ли говорить, как они обрадовались возможности подержать в руках настоящее боевое ружье.

Мальчишки долго вертели берданку в руках, ощупывали каждый винтик. А потом старший скомандовал:

— Становись к стенке! Ты — фашист. Я — партизан. Именем народа приговариваю тебя к расстрелу.

— Сначала ты становись, а я буду партизаном, — заупрямился Витя.

— Нет, ты, а потом я, — настаивал брат.

Они заспорили. Все-таки верх одержал старший.

Витя стал под дуло ружья. Брат взвел курок, прокри-

чал несколько слов о беспощадной мести врагам и нажал спусковой крючок.

Сухо шелкнул боек.

— А! Ты еще сопротивляешься! — войдя в азарт, закричал «партизан» и снова нажал на «собачку».

Потом братья поменялись ролями, и теперь уже Витя стал расстреливать «предателя».

Скоро ребятам надоела игра с ружьем. Они положили его на стол и принялись за уроки. Братья всегда готовили уроки за этим столом, сидя друг против друга.

Задумавшись над задачей, Витя не заметил, как брат взвел курок и, не поднимая ружья со стола, нажал на спусковой крючок.

Что-то кроваво-красное и жгучее так хлестнуло Витю по лицу, что он вместе со стулом повалился на пол.

Ошалев от ужаса и боли, мальчишка тут же вскочил на ноги. Густой туман застилал глаза. Что-то горячее и липкое текло по щекам. Витя судорожно провел ладонью по залитому кровью лицу. Тряхнул головой. Туман перед глазами не рассеивался. Вытянув перед собой окровавленные руки, мальчик шагнул и наткнулся на угол стола. В пропахшей порохом тишине повис отчаянный вопль:

— Ма-ма! Ма-моч-ка!!

Совсем рядом послышался топот ног. Он повернулся лицом к приближающимся шагам.

— Витя! — сдавленно вскрикнула мать.

— Мама! Где ты? Почему я тебя не вижу!!

3. АННА ГРИГОРЬЕВНА

Высокое окно распахнуто настежь. Под окном раскинула ветви цветущая черемуха. В темной зелени густой листвы ярко белели большие гроздья цветов. Теплый ветер слизывал с них тонкий волнующий аромат и заносил его в комнату.

Мальчик навалился грудью на подоконник и жадно вдыхал настоящий на черемухе воздух. Его тонкие ноздри нервно вздрагивали, губы беззвучно шевелились. Бледное, болезненное лицо вскинута вверх. На тонкой, круто выпнутой шее четко прочерчена пульсирующая сонная артерия.

Запах цветущей черемухи, видимо, волновал мальчиш-

ку. Он дышал глубоко и часто. Маленькие пальчики левой руки нервно барабанили по подоконнику. По бледному худому лицу с закрытыми глазами все время блуждали какие-то тени.

— Черемуха, — шепчет он, вытянув руку в окно. — Черемуха.

— Фьють-фью-фью-ю-ю-ю! — просвистела над головой невидимая птичка.

Витя вздрогнул. Склонив голову набок, вслушался в птичий посвист. «Вроде бы скворец», — подумал он.

По узкому белому лицу ребенка крадется робкая улыбка. Она ширится, растет, озаряя все лицо.

Тяжелые шаги за спиной спугнули улыбку. Лицо мальчика напряглось, заострилось. Он оттолкнулся руками от подоконника, повернулся к нему спиной. Шаги простучали мимо. Голова мальчишки поворачивалась вслед за удаляющимися шагами. Он силился угадать, кто сейчас прошел мимо него, и не смог. От этого расстроился, помрачнел.

— Витя! Витенька!

Это мамин голос. Мальчик востепенулся. Вытянув руки, рванулся навстречу ее шагам.

— Осторожней, деточка. Здесь табуретка.

Она схватила его за руки, притянула к себе.

Он прижался лицом к ее груди, тонкими прозрачными руками обхватил шею матери и вдруг заплакал.

— Ну, ну, — ласково гладила она его по стриженной, вздрагивающей голове. — Успокойся. Я за тобой приехала. Сейчас поедем домой. Тебя все ждут. И Гутя, и Люда, и Анна Григорьевна. Она все время о тебе спрашивала. Вот сейчас соберу твои вещички и поедем...

Он скоро успокоился. С нетерпением поджидал, когда мать закончит сборы и все формальности, связанные с его выпиской из больницы.

И вот он в телеге. Усевшись поудобнее, прижался спиной к теплому боку матери и замер, чутко вслушиваясь в знакомый с младенчества дорожный шум. Время от времени он спрашивал мать:

— Где мы едем?

— В рощу въезжаем.

— Она зеленая?

— Зеленая, сынок, нарядная...

— А сейчас?

— К мосту подъезжаем.

— Река блестит на солнышке?
— Еще как, будто зеркало.
— А почему не слышно, как она плещется?
— Далеко еще. Вот подъедем ближе и услышишь.
— Слышу! Слышу! — радостно кричал он через минуту. — Вот на мост въехали. Верно ведь?..

У ворот родного дома его встретила целая ватага ребятишек. Он узнавал друзей по голосам. Здоровался с ними по-мужски за руки. Мальчишки наперебой рассказывали ему немудрящие ребячьи новости, звали с собой на рыбалку и за ягодами.

Вечером к нему пришла Анна Григорьевна. Она учила его с первого класса. Малыши любили свою молодую учительницу и относились к ней с родственной теплотой и почтительной непринужденностью. Родители учеников считали Анну Григорьевну отзывчивым и душевным человеком. Она запросто входила в любой дом, и хозяйки всюду принимали ее как дорогого, желанного гостя, и чаем напоят, и сокровенными мыслями поделаются, а иногда и всплакнут, жалуясь на одолевшую хворь или на мужнину неверность.

Витя, наверняка, узнал бы свою учительницу по походке. У нее была своя, особенная походка. Легкая и стремительная. Она вроде бы и не шла, а летела. Грудь вперед, голова гордо вскинута, маленькие ноги едва касаются земли.

Мальчик непременно узнал бы свою учительницу по походке, да подходя к их дому, Анна Григорьевна вдруг замедлила шаги. И вместо привычного торопливого цокота каблучков Витя услышал незнакомую поступь. Звякнула щеколда, проскрипели половицы в сенях, но в комнату никто не входил. «Кто это?» — встревожился мальчик, настороженно прислушиваясь. С легким тиском растворилась дверь, и вдруг комната наполнилась дробным перестуком каблучков.

Витя вздрогнул, столкнул кошку с колен, торопливо приподнялся.

— Это я, Витя. Здравствуй.

— Здравствуйте, Анна Григорьевна, — радостно отозвался мальчик.

Она подошла к нему вплотную. Положила маленькую пухлую ладошку на мальчишечью голову.

— Садись, Витя.

Он сел. А она стояла подле, гладила его по голове и приговаривала:

— Вот как ты вырос. Совсем большой. Мы без тебя очень скучали. Расскажи, как ты лечился? Тебя не обижали там?

— Нет, что вы. Там все такие добрые и ласковые. Особенно тетя Лена — наша медсестра. Она мне уколы делала. Совсем-совсем не больно, как комар куснет. Я тоже соскучился без вас. Всю дорогу мамку торопил... — Он вдруг умолк, а когда вновь заговорил, голос у него был жалкий и натянутый — вот-вот оборвется. — Я когда ехал сюда, все думал. Вдруг это только приснилось. А на самом деле я такой же, как и раньше. Как все: Гошка, Петька, Андрюша. Закрою глаза ладошкой — до-о-лго не открываю. Вот думаю, открою и все увижу. И небо, и лошадь, и маму...

— Не горюй, Витя. Ты ведь мужчина. Главное в жизни — не раскисать, не терять веру в победу. Сейчас у нас знаешь какая медицина! Ого! Чудеса творит. И мертвых воскрешает. В Одессе есть знаменитый профессор — глазник Филатов. Он делает такие сложные операции, что совсем слепые начинают видеть. Вот немножко оправишься, окрепнешь, и мы напишем ему письмо. Я уверена, он вылечит тебя, обязательно вылечит...

— А почему вы плачете?

— С чего ты взял? Я и не думаю плакать...

— Неправда. Мне на щеку упала ваша слезинка. Горячая такая..

— Я сейчас... — задыхаясь, проговорила учительница и выбежала из комнаты.

На крыльце она дала волю слезам. Плакала долго и горько. Уговаривала себя, ругала и все-таки плакала, размазывая слезы по лицу.

С трудом поборов приступ слабости, Анна Григорьевна насухо вытерла глаза и вернулась к расстроенному мальчику.

— Не обращай на меня внимания, — виновато сказала она. — Я женщина, а женщины—народ слабый. Чуть что, сразу ревут. — Улыбнулась сквозь слезы. — Хочешь, почитаю тебе книжку? Где-то здесь я видела сказки Андерсена. Нашла. Садись рядом. Вот так. Теперь слушай. Это очень интересная сказка о малюсенькой девочке Дюймовочке.

Волшебная сказка скоро захватила мальчика. Он позабыл обо всем на свете. Бледные, худые щеки его покраснелись. Он то и дело улыбался, а однажды расхохотался так задорно и громко, что Анна Григорьевна не выдержала и тоже рассмеялась...

С тех пор она стала приходить к нему каждый день. Читала книги, рассказывала сказки и разные интересные истории. А иногда, прервав чтение на полуслове, принималась расспрашивать его о чем-нибудь, и между ними начинался задушевный разговор обо всем на свете. Во время этих разговоров мальчик преображался на глазах. Он охотно откликался на вопросы, живо реагировал на каждое замечание учительницы, весело смеялся.

Однажды он встретил ее словами:

— А мне тетя купила гитару. Я уже немножечко умею играть. Плохо только. Хотите послушать?

— Ну, конечно.

Витя снял со стены инструмент. Удобно пристроил его на коленях. Тонкими, белыми пальчиками провел по струнам. Вслушался в тихий перезвон. Скользя левой рукой по грифу, прижал струны, и в комнате глухо прокатал стройный аккорд. Еще один, еще и вот поплыла нехитрая мелодия популярной в то время песенки.

Она похвалила его игру, а потом предложила пойти поиграть с ребятами. Когда Витя ушел на улицу, Анна Григорьевна заговорила с его матерью:

— Скоро осень, Мария Тимофеевна. Ребятишки пойдут учиться. Надо, чтобы и Витя учился. Давайте напишем в Омскую школу слепых, может быть...

— Нет-нет. И не думайте, — женщина сердито замахала руками. — Я его от себя никуда не пущу. Он совсем ребенок. Слепой и слабый. Кому такой нужен? Подождем год-другой. Подрстет, окрепнет. Тогда можно подумать и об Омске. А сейчас... нет. И не уговаривайте меня. Бесполезно.

— Поймите же, — настаивала Анна Григорьевна, — ему надо учиться. Обязательно. Только тогда он будет чувствовать себя настоящим человеком. Равным среди других.

— Что случилось, то случилось. — Мария Тимофеевна решительно поднялась со стула, давая понять, что не хочет продолжать этот разговор. — Теперь из него ученого все равно не сделаешь. Только загубишь парнишку.

Пусть пока музыке учится. Бог даст, соберемся с силами, купим ему гармошку, а, может, и баян. Слух у него хороший, он с детства к музыке тянется.

Слепой гармонист. Анна Григорьевна не раз видела их на деревенских гуляньках, в придорожных чайных, в переполненных вагонах поездов. Они почти всегда были пьяны, неопрятны и наглы. Правда, она знала и других слепых музыкантов. Они выступали по радио и в концертах. Это были музыканты-профессионалы, люди музыкально образованные, а значит — грамотные. «Надо его учить. Во что бы то ни стало».

И молоденькая учительница решила бороться за счастье мальчишки из далекой глухой деревеньки Колоды, от которой до ближайшей железнодорожной станции и за сутки не доберешься.

Сначала она пыталась уговорить мать и тетку мальчишка. Но те уперлись и ни в какую. «Сейчас голодно. И зрячий-то не знает, как прожить, а больной малец вовсе погибнет».

Споры с ними становились все ожесточеннее. И однажды выведенная из терпения тетка взорвалась:

— Ты, Анна Григорьевна, в чужую жизнь не суйся. За добро твое, за ласку к парнишке — спасибо, а как ему дальше жить — решать будут родные. У него, слава богу, есть мать и родственники. Думаешь, мы не понимаем, что надо ему учиться? Понимаем. Да только пока время не подошло. Пусть дома живет. Встанет на ноги, наберется сил, а там видно будет. И добром тебя прошу, в чужое дело не вступай.

Горькая обида захлестнула учительницу. На глаза навернулись непрошеные слезы. Но сдержала себя Анна Григорьевна, ни слова не сказала. Только закусила побледневшую нижнюю губу, прикрыла ресницами повлажневшие глаза и ушла. «Пусть делают, что хотят», — решила сгоряча.

Когда горечь обиды развеялась, снова одолели тревожные мысли. «Пропадет мальчишка. Позабудет все, что знал. Потеряет интерес к учебе. Уверует в невозможность иного пути кроме музыканта-самоучки. И погибнет... А я? Неужели я допущу до этого?»

С тех пор она редко навывалась к Аникиным. Да и то лишь тогда, когда кроме Вити, в доме никого не было. Зато он стал почти каждый день навещать Анну Григорьевну.

евну. И всякий раз, встречаясь с ним, учительница обязательно заводила разговор об учебе. Анна Григорьевна прочитала мальчику «Как закалялась сталь» и «Овод», рассказала о Николае Островском, Алексее Маресьеве и о Николае Бирюкове. А сколько она прочла ему рассказов и статей об инвалидах недавней войны, которые с железным упорством одолели тяжкий недуг и вышли на широкую жизненную дорогу, став в ряды строителей и борцов. Безногие водили самолеты, комбайны и тракторы, безрукие работали дикторами, слепые читали лекции, писали книги, защищали диссертации.

И молодая учительница добилась своего. Витя «заболел» мечтой об учебе. Теперь они вдвоем «наесли» на родственников.

Кто знает, чем бы все это кончилось, если б на помощь к ним не пришел старый друг семьи Аникиных — Павел Семенович Кузнецов.

4. ПАВЕЛ КУЗНЕЦОВ

Он появился неожиданно, как майский снег.

Аникины сидели за обеденным столом, когда хлопнула входная дверь и от порога послышался громкий, веселый басок:

— Дорогим хозяевам — поклон.

Голос был знакомый, и все сразу повскакивали с мест, заспешили навстречу нежданному, но желанному гостю.

— Паша, это же ты? — в голосе Марии Тимофеевны радость и смятение.

— Да вроде я, Маруся, иль не признала?

— Как не признать. Только что с тобой? Ох, боже... Паша...

— Спокойно, Маруся. Без паники и без слез. Факт уже свершившийся. Был офицером Кузнецов — стал инвалидом. Фашисты на память зарубку оставили. Твоего Данилу под корень срубили, а меня слепым сделали...

— Господи... — Мария Тимофеевна зажала ладонью разрываемый рыданиями рот.

Гость нахмурился. Повел по сторонам незрячими глазами, раздул широкие ноздри. А через минуту прежний веселый голос загремел в скорбно притихшем доме.

— Чего же вы молчите, ровно на поминках? Хоронить

меня вроде бы рановато. Я не спешу на тот свет, и на этом делов непроворот. Проводите-ка меня к столу. Вот спасибо. А теперь знакомьте с Витей. Ты здесь, братишка?

— Здесь, дядя Паша.

— Иди сюда. Будем знакомиться. Жаль, что не вижу, каким ты стал. О, здоров парень. Ишь как вымахал. Орел.

Говоря это, Кузнецов пробежался пальцами по Витькиным плечам и голове, похлопал ладонью по спине, потом привлек мальчика к себе, крепко обнял. Не снимая большой, тяжелой руки с его плеч, обратился к хозяйке:

— Ну, Мария Тимофеевна, рассказывай, как живешь? Что новенького? Да ты не хлопочи, Маруся. Сыт я.

— Чайку стаканчик.

— Чайку можно.

Когда все напились чаю и вдоволь наговорились с дорогим гостем, Кузнецов и хозяйка остались наедине.

— Сердит я на тебя, Маруся, — ворчливо начал Павел Семенович. — Какая беда с Витькой приключилась, а ты мне ни слова. Не веришь, значит, в старую дружбу? Я об этом через других людей прослышал. Ну да ладно. Что надумала с парнем делать?

— Так что поделаешь... От судьбы не уйдешь. Раз уж случилось такое, куда денешься. Хотим гармошку ему купить. Он жадный до музыки и слух у него хороший. Пускай учится. Всегда на кусок хлеба заработает.

— А грамота?

— Какая уж там грамота... — и заплакала.

— Э-э, — Павел Семенович укоризненно покачал головой. — Да ты, я вижу, судьбу хочешь разжалобить, все слезы льешь. Зряшное дело. Послушай-ка, что я надумал. В Омске есть школа слепых. Я справлялся. Переполнена она и все прочее, да не об этом речь. Собирай Витьку. Поедем устраивать его в школу.

Мария Тимофеевна хотела возразить, но Кузнецов опередил ее. Повысив голос, строго сказал:

— И не полерешничай. Я все равно своего добьюсь. Друг мой Данила никогда не простит мне, если я из-за твоих слез оставлю парня на захирение. Уяснила?

— Голодно там, — Мария Тимофеевна всхлипнула. — Да и как он один-то, слепой. Совсем ведь ребенок. Хилый и больной. Подождать бы, пока подрастет. А так... Пропадет...

— Эх, ты, — в голосе Павла Семеновича укор и обида, — а еще комиссарова жена. Ты кому не веришь, в ком сомневаешься? В своей власти или в своем народе? Власть у нас правильная, а народ — золотой. Они не дадут пропасть мальчонке, не дадут.

— Тетка тоже против, — выложила Мария Тимофеевна последний козырь.

— Наплевать, — отрубил Павел Семенович. Встал. Держась рукой за кромку стола, прошелся вокруг него. Заговорил спокойным деловым тоном. — Я погощу у вас пару дней. Ты подготовь его документы. Метрику, справки из школы и об отце. Вот, пожалуй, и все. С этими документами я толкнусь куда надо, а потом дам знать. Витька-то где?

— Гуляет. Позвать его?

— Не надо. Мы еще наговоримся. Ребята не обижают его?

— Что ты...

— Видишь? А говоришь пропадет...

Витя и не подозревал, что в эти минуты решается его судьба. Он стоял на краю крутой ледяной горы. В лицо дул свежий ветер, осыпая мальчишку легкими колкими снежинками. Неразлучный друг Гошка тронул его за плечо.

— Садись, Вить.

Мальчики сели на санки с коваными полозьями. Мгновенье — и сани покатались вниз. С каждой секундой они неслись все быстрее и быстрее. Казалось, еще миг — и легкие саночки оторвутся от земли и взмоют ввысь. У Вити захватило дух. Он жался спиной к сидящему сзади приятелю, который ловко управлял летящими салазками. Но вот санки побежали тише. Скоро они съехали с ледяной дорожки и под полозьями закрипел снег.

— Приехали! — весело закричал Гошка.

Друзья проворно соскочили с саней. Гоша подхватил Витю за руку, и они стали карабкаться в гору. Там выстроилась целая очередь салазок. Не сговариваясь, ребята пропустили Витины санки вперед, и вот он снова стремительно летит с горы. На сей раз «полет» окончился неудачно. Гошка зазевался, санки перевернулись, и друзья покатались кувырком. Их звонкий счастливый смех потонул в вихре задорных ребячьих голосов.

Только вечером, когда ранние зимние сумерки при-

таились за окном, Витя пришел домой. Румяный, засыпанный снегом и очень счастливый.

— Нагулялся? — ласково потрепал его по голове Павел Семенович.

— Еще как!

— От тебя за версту морозом пахнет. Не застыл?

— Не-ет! Знаешь, какая там гора. Высокая! Летишь, как на самолете. А вы летали на самолете?

— Приходилось.

— Хорошо?

— Вот полетишь и сам узнаешь.

— Я не полечу, — голос мальчика потух.

— Полетишь, — уверенно гудит Павел Семенович. — Поступишь нынче в школу, потом двинешь в институт. Выучишься и полетишь.

— А мама?

— Что мама? Она радешенька, что ты надумал учиться. Пошла документы собирать..

Через день Павел Семенович уехал, а в доме Аникиных поселилась радостная надежда. Все жили ожиданием. Но больше других волновался Витя. Он каждый день спрашивал почтальона, нет ли письма от дяди Паши. Время шло, а письма все не было. В маленьком сердце зародилось сомнение. Потом там поселились уныние и грусть.

— Взбаламутил мальчишку и укатил, — негодовала тетка. — Одна школа на несколько областей. Так там и ждут нашего Витьку.

— Не унывай, Витя, — говорила при встрече Анна Григорьевна. — Раз он обещал — сделает. Давай-ка лучше повторять то, что в школе проходил. Таблицу не позабыл?

— Нет.

— Помножь-ка двенадцать на шесть.

Мальчик сморщил лоб, задумался...

Шли дни. Вот уже ребяташки принялись клеить флажки и фонарики из цветной бумаги, а Витя с друзьями поехал в лес за елкой. Потом пришел февраль-бокогрей, и в небе все чаще стало показываться солнце. Непроглядной белой вьюгой налетел на землю март. Завыл метелями, загудел в проводах и трубах, намел высокие сугробы и, обессилев, тихо уполз прочь.

И сразу дохнула теплом весна. Заплакали крыши звонкой капелью. Солнышко стерло с окон алмазные узоры

Деда Мороза. Почернел, осел снег, растекся лужами на солнцепеках. Обнажились бугры с бурой прошлогодней травой. На дорогах плясали воробьи. По ночам орали кошки...

В один из таких ярких весенних дней дядя Паша снова перешагнул порог аникинского дома.

— Ох, и глухомань у вас, — говорил он, скидывая у порога шинель. — Два дня от станции добирался. До райцентра еще кое-как на попутных машинах дотелипал, а сюда на своих двоих пришлось топать. Хорошо, молоденькая попутчица попалась. Не заметил, как и прошагал...

— Как с Витей? — не вытерпев, перебила Мария Тимофеевна.

— Порядок, — весело откликнулся Павел Семенович. — Полный порядок.

Он присел на табурет, вздохнул и надолго умолк. Крупное худое лицо его с выпуклыми резкими чертами посуровело, напряглось. Четче обозначились синяки под глазами. Павел Семенович провел пятерней по спутанным курчавым волосам, пригладил их, но едва убрал руку, непокорные завитки снова разметались в разные стороны.

Мария Тимофеевна выжидательно молчала: пусть первым заговорит гость. А тот почему-то не спешил начинать разговор. Неожиданно, совсем некстати ему вдруг вспомнились мытарства, которые пришлось перенести, устраивая Витю в школу слепых. Павел Семенович начал свои «хождения по мукам» с кабинета директора школы. Она встретила Кузнецова радушно, но, выслушав просьбу, сокрушенно вздохнула и развела руками: «Рада бы всей душой, но не могу. Школа переполнена. Ни одного свободного места». Павел Семенович просил, настаивал, требовал — не помогло. «Может быть, на будущий год, — в голосе директрисы раздражение. Ей хочется поскорее отделаться от настойчивого посетителя. — А пока не можем. Никак не можем. Интернат не резиновый».

Безрезультатным оказался и визит к заведующему облоно. Не помогли ни облвоенкомат, ни обком комсомола. Зато председатель общества слепых Дашко Иван Сергеевич охотно вызвался помочь. Теперь они вдвоем принялись развязывать этот «узелок». Было написано много разных бумаг, пройдено много кабинетов. Часами сидели Кузнецов с Дашко в приемных. В различных организациях у них

появились доброжелатели. С их помощью в конце концов разрешение было получено...

Павел Семенович отогнал непрощенные воспоминания, улыбнулся.

— Готовь сына, Мария Тимофеевна. Я за ним приехал. Пеки подорожники, поедем в Омск.

Сборы были недолгими.

Колхоз имени Розы Люксембург, в котором жили Аникины, тяжело переживал эту весну. Сев срывался. Пахали на коровах, сеяли вручную. Не было и пары свободных рук. Истощенные лошади, как заводные, работали день и ночь. И все-таки правление выделило и коня, и возницу, чтобы довезти Витю до районного центра.

Его провожали друзья и Анна Григорьевна. Несмотря на ненастье, она была нарядно одета. Ее миловидное лицо не покидала счастливая улыбка. Она последней простилась со своим бывшим учеником. Крепко прижав мальчишкой голову к груди, горячо шепнула ему в самое ухо:

— Учись, Витенька. Не пасуй. Ты же сын комиссара. Счастливо.

И вот они в пути. С серого неба падают редкие крупные холодные капли. Над голой равниной мечется студеный и влажный ветер. Раскисшая дорога похожа на грязевое месиво. Лошадь по бабки увязает в нем. Телега еле тащится, угрожающе кренясь с боку на бок.

Ехал только Витя. Остальные шли рядом. Сильной жилистой рукой вцепившись в телегу, тяжело шагал Павел Семенович. Он весь был облеплен грязью. Даже на крутом, высоком лбу чернели застывшие грязевые капли.

Ему тяжело было идти. Не видя дороги, он то и дело оступался, забредал в лужи, скользил в канавы. Облепленные густой грязью сапоги весили по пуду.

— Тяжело тебе, Павел Семенович. Сел бы на воз, передохнул, — заботливо предложила Мария Тимофеевна.

— Ничего, Маруся. На фронте, бывало, не такие переходы проделывали. Какие реки форсировали! И ни за что не держались.

Он сердито оттолкнулся от телеги и тут же покачнулся, оступившись в глубокую выбоину. Снова схватился за спасительную доску. Сердито посопел носом. А минуту спустя прежним веселым и громким голосом обратился к молчаливому мальчику:

— Тебя еще не растрясло, Витя?

— Нет! — задорно откликнулся тот.

— И не замерз?

— Да нет. Что вы. Мама закутала меня, как куклу.

— Добро. Часа через два доберемся до райцентра. Оттуда на попутной до станции. А там только — ш-шик и в Омске...

Омск встретил их оглушительным гулом голосов, автомобильными гудками, трамвайным перезвоном. Витя крепко прижался к Павлу Семеновичу. Тот подбадривал мальчика словами, ласково хлопал по плечу и уверенно шел по многолюдным протуарам.

В школу они отправились вдвоем: мать простудилась в дороге и приболела.

Павел Семенович крепко держал мальчика за руку. Люди расступались перед ними, уступали места в трамвае и автобусе. И не раз за своей спиной Витя слышал сдержанный шепот:

— Смотри, отец и сын слепые.

— Ишь как они вышагивают. Батько с сыном.

Волна нежной благодарности к этому чужому, обиженному судьбой человеку не раз захлестывала Витю. Ему хотелось обнять Павла Семеновича и по-сыновьи ласково назвать его «папой» — самым дорогим на свете именем...

В школе Витю встретили приветливо и радушно. Сразу же проводили в баню, вымыли, переодели. И через каких-нибудь полтора часа он предстал перед Кузнецовым чистым и нарядным мальчиком.

— А у меня гимнастерка с кармашками, — тараторил он. — Как у тебя. Как у солдат. Не веришь? Пощупай.

И Кузнецов длинными чуткими пальцами долго ощупывал добротную гимнастерку, ладно обтянувшую худые узенькие плечи.

— И брюки новые, и ботинки, — хвалился Витя, — слышишь, как они скрипят?

Он крутнулся на месте, сделал несколько шагов, и ботинки действительно задорно проскрипели в такт его шагам...

С тех пор дядя Паша и маленький Витя стали большими друзьями. Павел Семенович часто навещался в школу. Он с пристрастием расспрашивал о Вите всех: и директора, и учителей, и даже повара. И все в один голос говорили только хорошее о его маленьком друге. Да иного о нем нельзя было и сказать. Мальчик учился хорошо. Спо-

мощью новых товарищей он легко овладел азбукой слепых, научился читать и писать.

Кузнецов шумно радовался успехам своего подопечного, и всегда, прощаясь с мальчиком, незаметно засовывал ему в карман какой-нибудь гостинец.

На летние каникулы воспитанники школы слепых разъезжались по домам. Мать не смогла приехать за Витей, и мальчика увел домой Павел Семенович.

Уезжая на каникулы, дети сдавали школьное обмундирование и облачались в «свою» домашнюю одежду. У Вити эта «своя одежда» была совсем неказиста. Потому по пути из школы к дому Кузнецовых с ними и произошла следующая история.

День выдался необыкновенно жаркий. К полудню густая, вязкая духота навалилась на город. Надвигалась гроза. Люди обмахивались платками, расстегивали воротники, прятались под тень домов и деревьев. Потная, разморенная зноем толпа двигалась медленно. И только Павел Семенович, казалось, не чувствовал духоты. Он шел размашисто и скоро, четко печатая каждый шаг. Витя еле поспевал за ним. Пока дошли до трамвайной остановки, мальчик вспотел. Тяжело дыша, прислонился к рекламной тумбе, расслабил мышцы утомленных ходьбою ног. Снял кепчонку, вытер ее подкладкой лицо и облегченно вздохнул.

Время шло, а трамвая все не было. Мальчик стоял в задумчивости, держа в руке свернутую кепку. Вдруг он вздрогнул, услышав звон монет. Это в его кепку проходжий опустил несколько медяков. Лицо мальчика полыхнуло жаром. На глаза навернулись слезы.

Он проворно сунул руку в кепку, вынул оттуда деньги и, на ладони протягивая их перед собой, срывающимся голосом проговорил:

— Возьмите обратно. Кто мне положил деньги? Возьмите. Я не попрошайка.

Вокруг собралась толпа.

— Кто это сделал? Заберите свое подаяние! — гремел Кузнецов. — Мы не нищие и в милостыне не нуждаемся.

— Извините, — кто-то осторожно тиснул Павла Семеновича за локоть. — Я вовсе не хотел обидеть вашего сына и вас. Я посмотрел на мальчика. Он... хм... так плохо одет... И я решил...

— Меня не интересует, что вы решили, — оборвал бла-

годетеля Павел Семенович и, схватив Витю за руку, торопливо зашагал прочь.

Раскаленный воздух колыхнулся от могучего громового удара. Хлынул ливень. Улицы мгновенно опустели. И только эти двое упрямо шли под проливным дождем. Его холодные струи долго не могли охладить распаленных обидой людей.

— Бедно одет, — бормотал вполголоса Павел Семенович. — Привыкли по одежке относиться к людям. Благотворитель выискался.

Дома об этой истории Павел Семенович никому не сказал.

Несколько дней он где-то пропадал, уходя из дому сразу же после завтрака.

— Куда это ты спешишь? — как-то спросила его жена.

— Да тут надо одно дело проверить, — неопределенно ответил он, торопливо допивая чай.

А однажды вечером он принес домой большой сверток. В нем оказались хлопчатобумажный костюм, рубашка и кепка.

— По ордеру получил, для тебя, — радостно говорил Павел Семенович, помогая Вите переодеться. — Пусть мамка полюбуется на своего сына. Ничего, что без отца да инвалид. Государство у нас народное — в беде никого не оставит.

На другой день он увез Витю в родную деревню на отдых...

Когда осенью мальчик вернулся в Омск, дяди Паши там уже не было. По настоятельному требованию врачей Кузнецов переехал жить в деревню.

Они часто переписывались. Если же Павлу Семеновичу доводилось бывать в Омске, он обязательно навещал своего питомца.

Однажды зимним вьюжным вечером семья Кузнецовых сидела у репродуктора и слушала трансляцию концерта из Омска.

— Сейчас дуэт баянистов — учащихся школы слепых — Аникин и Велижанина исполнят «Турецкий марш» Моцарта.

Павел Семенович вздрогнул. Это была его любимая мелодия, и Витя играл ее, видимо, для него.

Бодрая, маршевая музыка ворвалась в низкую комнату, и сразу не стало слышно ни воя метели за окном, ни гула

пламени в печной топке. Павел Семенович сидел словно заколдованный. Сухое волевое лицо его застыло в каменной неподвижности. Вдруг на скуластую, запавшую щеку скатилась крупная слеза и медленно поползла вниз.

Он не почувствовал слез. Он, видно, позабыл обо всем на свете. Неподвижно сидел, бессильно уронив на стол худые, нервные руки. Только однажды его крупные выразительные губы шевельнулись и он чуть слышно прошептал:

— Мой Витька играет, — и снова умолк.

Давно отзвучал «Турецкий марш», а Павел Семенович все так же неподвижно сидел на прежнем месте, устремив ввысь свои незрячие глаза. Может быть, он думал о чем-то своем, потаенном и личном. А может, на него нахлынули вдруг воспоминания. И ему припомнилась деревенская коммуна, куда в двадцатые годы его направили председателем. Или в памяти бывалого воина всплыли жестокие и кровавые эпизоды минувшей войны. А, возможно, он задумался о судьбе своего названного сына Витьки Аникина и силился предугадать его будущее.

Кто знает.

5. ПАВЕЛ ГОРЯЕВ

И потекли годы, такие похожие и в то же время совсем разные. Они до краев были наполнены учебой, книгами, музыкой. В кругу своих новых друзей, отмеченных тем же недугом, Витя скоро перестал тяготиться своей слепотой. Он великолепно ориентировался в школе, научился по голосу, по шагам, даже по дыханию распознавать людей. А, главное, он научился играть на баяне. И не просто играть, а по нотам.

Книги открыли слепому мальчику неведомый доселе мир. Теперь он знал моря и горы на всех пяти континентах, знал народы и страны, расположенные на них. Будто по волшебству в мгновение ока мальчик оказывался за тридевять земель. Он пробирался по таежным дебрям, летел на воздушном шаре, терпел кораблекрушения, сражался и побеждал.

Музыка развязала его чувства, разбудила страсти. Он научился понимать красивое. Его волновал птичий щебет, шорох листвы, журчание ручья. Он научился сердцем и нервами «видеть» окружающий мир, сотканный из великого множества разнообразных звуков.

Вместе с семнадцатой весной к Виталию пришло первое мальчишеское увлечение.

Она была пионервожатой в их школе. Ее звали Ниной Михайловной, а за глаза просто Ниной. Ей ведь тоже недавно исполнилось семнадцать. У нее был высокий, мелодичный голос и маленькая рука.

Однажды он взял ее за руку и просительно проговорил:

— Подождите. Не уходите. Куда вы всегда торопитесь? Посидим немножечко. Всего несколько минут...

Он умолк, чувствуя, как пылают щеки, а в горле вдруг стало сухо. Стоял и с испугом ждал, что вот сейчас, сию секунду она скажет что-нибудь резкое, обидное или просто засмеется, или молча уйдет. Но она не сделала ничего подобного. Мягко высвободив свою руку, присела на скамью. Он опустился рядом. Нечаянно дотронулся коленком до ее ноги и сразу ощутил прилив неведомого ранее волнения. Отодвинулся. Долго молчал. Потом нащупал на скамье ее бессильно положенную руку, прикрыл горячей ладонью, тихо попросил:

— Расскажите о себе.

— У меня такая коротенькая жизнь, и в ней все так обыкновенно, что не о чем и рассказывать.

— Вы ведь москвичка?

— Да.

— А почему приехали в Омск?

— Это долгая история.—Она замаялась, глубоко вздохнула и медленно, словно нехотя, заговорила: — До этого года я жила хорошо. Никаких забот. Родители баловали меня. Я окончила десятилетку, готовилась в институт.— Она снова глубоко вздохнула.—Вдруг меня вызвали в райсовет и сказали, что мои родители — не настоящие, я у них приемная. А теперь нашлась моя настоящая мама и хочет, чтобы я жила с ней... Что там было. Что было. Ужас!

Она засмеялась коротким нервным смешком, по-ребячьему шмыгнула носом.

— Папа с мамой признались, что они мне дядя и тетя. Мои настоящие родители были арестованы в тридцать седьмом. Мне тогда два годика было. Дядя с тетей удочерили меня. И вдруг появилась мама...

Он подождал, не заговорит ли она снова. Не дождавшись, спросил:

— И что же?

— Я взяла и приехала сюда, к двоюродному брату. К маме я не пошла. Не могу.

Долго молчали. Виталий крепко сжал маленькие девичьи пальчики и почувствовал торопливые толчки крови.

Больше они ничего не сказали друг другу, но Виталия этот разговор невероятно взволновал. Юноша не смог заставить себя усесться за уроки, почти до подъема не сомкнул глаз. В ушах все время звучал ее голос. Он ворочался на постели, вздыхал. Порой ему хотелось вскочить и побежать к ней, чтобы сказать всего одно слово. От этой мысли замирало сердце, а голова наполнялась каким-то удивительным звоном. Засыпая на рассвете, решил завтра же сказать ей это волшебное слово.

Но прошло намеченное завтра и послезавтра и еще много дней, а он все никак не мог решиться на такое.

И только весной, на одном из школьных вечеров Виталий сказал Нине это заветное слово. Сказал и сразу почувствовал, что не будет ответного признания, а жалости он не хотел. Круто повернувшись, убежал, натыкаясь на стены.

Вот тогда-то, пожалуй, впервые пришла ему в голову острая и занозистая, как острога, мысль о своей неполноценности. «Так будет всегда,—распалая он себя.—Кому я нужен? Меня можно жалеть. Можно утешать, но любить... Н-е-ет. Любить меня нельзя. И они правы. Все правы. Я ведь обуза. Всем обуза...»

Ох, какие дикие мысли полезли тогда в его разгоряченную голову. И кто знает, до чего бы он додумался, если бы к нему не подошел Павел Горяев.

Поглощенный горькими мыслями, Виталий не слышал шагов Горяева и вздрогнул от неожиданности, ощутив чью-то руку на своем плече.

— Здравствуй, Витя. Шел мимо, увидел огонь в окнах, услышал музыку. Дай, думаю, зайду, заберу тебя на выходной. Давно ты не бывал у нас. Почитай, уже две недели.

Виталий угрюмо сопел и молчал. А Павел Титович, делая вид, что ничего не замечает, затормошил парня, торопя его поскорее собраться.

Когда вышли на улицу, Горяев взял юношу под руку, подстроился к нему в ногу и медленно, задумчиво заговорил:

— Весна пришла. Потяни-ка воздух носом. Чуешь?

Земля ожила. Скоро листья проклюнутся и зашумят. Которую уж весну я встречаю, а всякий раз волнуюсь, как на свидании с любимой. Так-то, брат.

Виталий по-прежнему молчал. Павел Титович покосился на него, хмыкнул.

— Что-то ты кислый сегодня, Витюша? Это весна на тебя действует. Она коварна. Неожиданно навалится иногда на человека, растормошит, взбудоражит. И сам не поймешь, чего хочешь. И оттого приходит какая-то неудовлетворенность жизнью. В молодости я не раз переживал такое. Помню, был я в твоих годах и однажды влюбился в одну дивчину. Ох, как влюбился. Сам не свой. С полгода вокруг ходил—сказать не решался. А когда насмелился, она хихикнула в ответ да и говорит: «Хороший ты, Пашка, парень, да не люб мне». Каково? Ровно обухом между глаз.

И он, посмеиваясь, принялся рассказывать о своих переживаниях. Говорил-то он о себе, а получалось, что вроде бы и о Виталии. Те же думки. И от этого вдруг притупилась недавняя душевная боль, полегчало на сердце. Будто часть его горя принял на себя этот мужественный и всегда немножко строгий человек.

Юноша облегченно вздохнул и зашагал быстрее...

Начальник участка Омской ТЭЦ коммунист Горяев приходился юноше дальним родственником. К Виталию он всегда относился с такой душевной теплотой и заинтересованностью, что парень почитал Павла Титовича за самого близкого человека.

В трудную минуту жизни Виталий шел к Горяеву. Приходил и один, и с друзьями. И всегда их встречали, как самых желанных и дорогих людей. Напоят чаем, накормят обедом, приведут в порядок ребячьи костюмы, а потом присядут они к столу и начинается долгая, задушевная беседа.

Павел Титович сам не умел сюсюкать и ребятам не делал никаких скидок на недуг. Разговаривал с ними, как с равными, по-мужски—прямо и твердо.

Жизнь у Горяева была не из легких. Уже будучи отцом семейства, закончил он вечерний техникум. Каждую свободную минуту просиживал с книгой. Собранный, волевой человек, он не любил разболтанности и нытья. От него всегда веяло удивительной свежестью, негибаемой силой и энергией.

Это он, Горяев, заставил подростка всерьез заняться

музыкой. По настоянию Павла Титовича, после окончания семилетки Виталий поступил в Шадринскую среднюю школу слепых.

Именно Горяеву обязан Виталий своим решением поступить в вуз.

И хотя судьба давно разбросала их в разные стороны, в критические минуты жизни Виталий всегда мысленно советуется со своим старым другом. На всю жизнь запали ему в память слова Горяева, сказанные в минуту прощанья:

— В жизни, Витя, нет легких дорог. Да настоящий человек их и не ищет. Он сам протаптыкает свою стезжку. Вот и ты топчи свою тропу к счастью. Да только не забывай, что настоящее счастье приходит тогда, когда ты поймешь, что нужен людям.

6. КОЛЯ, ВОЛОДЯ, НИНА И МНОГИЕ ДРУГИЕ

— Видишь, Витенька, как получилось. А ты смеялся надо мной. Предрассудки. Вот тебе и предрассудки.

Сын промолчал. Да и что он мог ответить. Получалось, что мать права.

Вчера он долго сочинял заявление директору Тюменского пединститута. А когда пришел в приемную комиссию, оказалось, что оставил заявление дома. «Дурная примета»,—сказала тогда мать. Он пошутил над ней. А сегодня его принял директор института. Выслушал, повертел заявление в руках и медленно заговорил деланно мягким голосом, каким обычно говорят с больными.

— Вам будет трудно. У нас нет исторического отделения. Мы готовим учителей широкого профиля—историков и филологов. Надо много работать на доске, масса практических занятий. Вам это не под силу. А что, например, вы будете делать со старославянским? Вы же его не знаете и не сумеете выучить. Идите на вечерний. Там есть историческое отделение. Вот мой совет.

Виталий послушался и стал студентом вечернего института.

Прошло несколько дней, и юноша понял, что не сможет учиться в вечернем институте. И не из-за трудностей. Их Виталий не боялся. Мало ли преград пришлось преодолеть ему за двадцать один год жизни? Разве легко было овладеть азбукой слепых или научиться «читать» ноты пальца-

ми? А каких трудов стоило изучение геометрии, химии, алгебры. Сколько бессонных ночей провел он наедине с книгой, пробираясь сквозь мрачные заросли математических формул. Лепил чертежи из пластилина, клеил геометрические тела из бумаги. Он познавал мир на слух и на ощупь.

Нет, Виталий не боялся трудностей, не хныкал от неудач. А тут отступил. Он не успевал записывать лекции. И не мудрено: ведь слепые не пишут, а специальным шильцем накалывают слова. За двухчасовую лекцию Виталий едва успевал наколоть два-три десятка предложений. Позаниматься же, повторить пройденное не с кем: все студенты вечернего института днем работали. Юноша чувствовал, что с каждым днем он все больше и больше отстает от программы. Тогда он вновь попытался перевестись на дневное отделение. За тем и пришел к декану факультета. Тот принял Виталия приветливо. Усадил, внимательно выслушал. Помолчал, подумал. Сказал с нескрываемым сочувствием:

— К сожалению, я не имею решающего голоса, но постараюсь вам помочь. Только и вы не сидите сложа руки.

Окрыленный поддержкой декана, Виталий отправился к заместителю директора, потом к директору института. Там его не поддержали.

Аникин пошел в областные организации. Оттуда стали «наседать» на руководителей вуза. В конце концов они уступили. И вот в канун 1957 года Виталия срочно вызвали к директору пединститута.

— Вы настойчивый, молодой человек, — заговорил он, едва только юноша опустился на стул. — Это похвальное качество. Мы посоветовались и решили принять вас на очное отделение. Только с одним условием. Через несколько дней начинается экзаменационная сессия. Будете сдавать экзамены вместе со всеми. Если успешно сдадите, зачислим вас.

— Какие экзамены нужно сдавать? — поинтересовался Виталий.

Директор назвал четыре предмета. Ни одного из них Виталий не изучал, так как в вечернем институте он занимался по программе исторического отделения, а названные директором предметы изучались на историко-филологическом.

— Так как же мы решим?

— Хорошо. — Аникин вскинул голову. — Я согласен. Спасибо.

Через несколько минут он в нерешительности остановился перед дверью аудитории. «Как они встретят меня? Поймут ли? Помогут ли?» Волнение выбелило впалые щеки, резче обыкновенного обозначились скулы. Тонкие пальцы шевелились, будто перебирая гармонные лады.

— Входите смелее, — весело сказала провожавшая его девушка. — Не робейте, — и распахнула перед ним дверь.

Голоса в аудитории сразу смолкли. В настороженной тишине он ясно услышал частые и гулкие удары собственного сердца. Потом тот же звонкий, будто серебряный голос воскликнул:

— Чего же вы встали? Проходите. Сюда, пожалуйста.

Горячая ладонь легла на сухую длиннопалую руку Виталия, и он послушно двинулся за девушкой.

— Вот стул. — Она положила его руку на спинку стула. — Садитесь.

— Спасибо.

И снова в комнате застыло напряженное молчание.

Он чувствовал на себе десятки глаз. Нервно передернул плечами, закусил губу.

— Да ты садись.

Виталий глубоко вздохнул и вдруг выпалил:

— Друзья! Я хочу учиться с вами. Но для этого мне надо сдать сессию хотя бы на тройки. А я ни одного предмета не изучал. На вечернем учился. Понимаете? — облизнул пересохшие губы, понурю опустил голову. — Если я не сдам... значит... Помогите мне, товарищи.

Заскрипели отодвигаемые стулья, затопали десятки ног. Всплеснулся гул голосов и стих. Его окружили незнакомые люди. Он стоял в живом человеческом кольце и ждал. Вот кто-то взял его руку, крепко сжал сильными пальцами, глухо проговорил:

— Николай Бурлов. Будем знакомы. Не переживай, парень, сдадим. Я помогу.

Ему наперебой жали руки, хлопали по плечу, смеялись и говорили веселые утешительные слова.

Вечером Николай появился на квартире Аникиных.

Много лет минуло с тех пор, но Виталий и по сей час диву дается железной выносливостью и упорству этого парня. Он вслух читал свои конспекты и книги, рассказывал,

спрашивал, поправлял и снова рассказывал. Когда время переваливало далеко за полночь и голос Николая начинал хрипеть от табаку и напряжения, он выходил на веранду, умывался ледяной водой и... все начиналось сначала.

Бурлов умел рассказывать. Говорил убежденно, пристыкивая ладонью по столу или по колену. Незаметно втягивая Виталия в беседу ставил перед ним вопросы, помогал на них отвечать.

За многие сутки невероятного напряжения Виталий ни разу не услышал от нового друга ни слова об усталости, ни тяжелого вздоха. Иногда, в порыве сердечной благодарности, Аникин говорил Бурлову:

— Отдохни, Коля. Совсем охрип. И все из-за меня...

— Хватит,—перебивал Николай.— Митинг откроем после экзаменов. А пока зубрить.

И они зубрили.

На радость товарищам и преподавателям все четыре экзамена Виталий сдал удовлетворительно и стал полноправным студентом 1-го курса историко-филологического факультета Тюменского педагогического института.

В первый же день второго семестра состоялось летучее комсомольское собрание группы, в которой учился Виталий. Официально никто это собрание не назначал. Повестки дня не объявляли. Просто собрались комсомольцы и завели разговор о новом товарище.

— Так дальше не пойдет,—говорил комсорг, размахивая худыми руками.—Один занимается, а все остальные «болеют»...

Послышались выкрики:

— Мы разве отказывались!

— Никто не против!

— Сами так организовали.

Ребята расшумелись. Говорили все разом, не слушая друг друга. Тут вскочила Нина Дурицкая. Маленькая, а голос сильный.

— Тихо!—крикнула она, и все притихли.—Зачем шуметь? Я, например, буду заниматься с Витей по иностранному языку. А ты, Тамара?

— По литературе,—ответила Нагибина.

— Я русским займусь, — подала голос Нина Тихонова.

Иван Боваев вызвался помогать Аникину в изучении истории древнего мира. Дроботов Анатолий — истории СССР.

Пять студентов, молодых и горячих, добровольно взяли на себя нелегкую задачу. Было составлено строгое расписание. Все предметы расписали по дням. После лекций «шеф» приезжал к Виталию домой или заперался с ним в пустой аудитории, и они штудировали пройденный материал. Разные предметы учили по-разному. Аникину особенно трудно давался иностранный язык, да и русский хромал на обе ноги. Доведенная до отчаяния Нина Дурицкая не раз втихомолку всплакнула. Но Виталий не знал об этом. С ним «репетиторша» всегда была весела и ровна. И если ей приходилось одно и то же предложение произносить в сотый раз, она произносила его звонким прозрачным голосом, от которого разбегались морщинки на усталом лице Аникина и в уголках крупных губ появлялась улыбка.

Однажды Виталий засиделся в читальном зале, поджидая одного из помощников. Здесь к нему подошел однокурсник Володя — худощавый, светловолосый, улыбчивый парень, в недавнем прошлом комсомольский работник.

— Привет, Витя. Кого ждешь?

— Анатолий обещал прийти. Будем к семинару готовиться. Да вот что-то опаздывает.

— Пойдем ко мне, — предложил Володя, — у меня дома тишина. Посидим, позубрим, полирикаем на аккордеоне.

— Пойдем.

В этот день Виталий Аникин впервые переступил порог домика на улице Даудельной.

Хозяйка дома — маленькая, подвижная женщина с большими внимательными глазами встретила гостя ласково. Всех Володиных друзей она встречала приветливо, а уж этого приняла прямо-таки по-родственному. И раздеться помогла, и в переднюю проводила, и горячим крепким чаем напоила.

— Антонина Федоровна, — представил хозяйку Володя. — Тетка моя. Я ее зову тетя Тоня. И ты так зови.

Вечером вернулся с работы хозяин. Высокий, чуть сутуловатый, с молодежью лицом и серебряной сединой в голове. Он был большой любитель пофилософствовать на разные житейские темы. И, едва познакомившись с гостем, завел разговор о беспорядках в автобусном движении.

Потом гость отведал отменной ухи из муксуна и снова уселся с Володей за историю.

С тех пор Виталий стал частым и желанным гостем в

доме рабочего судостроительного завода Михаила Николаевича Казакова.

— Прописывайся к нам, Виталий, на постоянное жительство,—добродушно шутил хозяин.— Места нам не занимать. Поставим тебе раскладушку, и живи в свое удовольствие.

— Что вы, дядя Миша,—отшучивался парень.— Без меня наш Дамбовский поселок сразу захиреет.

Каждый день Володя выходил к автобусной остановке встречать Виталия. До обеда они занимались дома, а потом вместе отправлялись в институт. Иногда вместо Володи его встречала или провожала до остановки быстроногая тетя Тоня.

В этой маленькой пожилой женщине было столько энергии, что Виталий диву давался. Она и минуты не могла посидеть на месте. Вечно в движении, да еще все бегом.

Дружба Володи и Виталия крепла. Вскоре они уже и дня не могли прожить друг без друга.

Во время экзаменационной горячки Володя буквально валился с ног от усталости. Он прочитывал вслух целые тома, пересказывал содержание множества книг, диктовал даты, памятные события, терпеливо ожидая, пока друг наколет их на лист своей «записной книжки», величиной с добрую канцелярскую папку.

И нередко бывало так, что ошалевший от чтения Володя получал на экзамене отметку хуже, чем Виталий.

— Как же так,—смущался тогда Аникин.— Тут что-то не то. Может быть, мне делают скидку.

— Никто тебе не делает скидок,—успокаивал Володя встревоженного друга.— Просто у тебя хорошая память. Натренированная и цепкая. Вот и результат.

Он говорил это так убежденно и горячо, что с ним невозможно было не согласиться.

После экзаменов друзья предавались отдыху, и тогда в домике на Даудельной целые дни не умолкал аккордеон.

Друзья всюду бывали вместе: и в кино, и в парке, и в библиотеке. Вместе они участвовали в институтской самодеятельности, вместе сочиняли музыку на стихи своих же студентов.

Правда, кое-что Володе приходилось делать в одиночку и даже в тайне от друга...

Осень в этом году выдалась ранняя, холодная и необычно дождливая.

В мокром, озябшем городе хозяйничал ветер. Студеный, резкий, наглый.

Он пьяно кружил по улицам, заглядывал в тупики и подъезды. Казалось, ветер насквозь продувал дома и заборы. Его направление невозможно было определить. Он дул отовсюду, словно город находился в центре громадного ветроворота. Ледяными лапищами ветер хватал тонкие деревца. Они мелко дрожали и гнулись, клоня в сторону гибкие ветви, усыпанные трепетной зеленью. Эта блеклая зелень листвы, по-летнему густые, чуть тронутые желтизной травы, пышущие жаром цветы клумб казались нереальными и ненужными в городе, захлестнутом холодными потоками северного ветра.

Небо над Тюменью серое, будто холщевое. Где-то в вышине невидимое солнце. А в городе мрачно и уныло.

Надрывно гудят провода. Глухо шуршат листвой растрепанные деревья. Свистит ветер. Заунывная симфония осени плывет над пасмурным, иззябшим городом.

Люди торопятся, почти бегут. Их ждут теплые, светлые квартиры, горячий чай, а может быть, и горячая ванна. Перебираясь через огромные лужи, переходя залитые грязью мостовые, они подбирают полы пальто, подтягивают штаны.

Виталий не видел луж. Он шел напрямую, по щиколотки утопая в жидкой ледяной жиже. Проносившиеся мимо автомобили закидывали его ошметками грязи. Ему не повезло. Размечтавшись, он проехал остановку, на которой его всегда дожидался Володя, и теперь добирался до нее пешком.

— Витька!—изумленно ахнул Володя, подбегая к другу.— Откуда ты в таком виде? Тебя ни одна химчистка не отчистит.

— Здесь еще ничего,—силаясь улыбнуться, посиневшими губами ответил Виталий.— А у нас там всю Дамбовскую затопило. Пока до автобуса дойду, раз пять начерпаю полные ботинки...

— Слушай, Вить. Айда в нашу хибару. От нас до института—двадцать минут ходу. С дядей Мишей я договорился. Он — за. Тащи свои книги и вселяйся.

— Нет. Я и так злоупотребляю гостеприимством этих замечательных людей. А теперь ты хочешь, чтобы я у них поселился и тетя Тоня ухаживала за мной...

— Но она согласна.

— Не сомневаюсь в этом. Спасибо. Но я не могу. И не будем больше об этом. Иначе поссоримся.

Вечером Володя зашел в комитет комсомола.

— Аникин не может ходить в такую погоду, — сказал он комсоргу. — Их поселок совсем захлебнулся грязью. Парень может простыть и потом вообще неудобно же, черт возьми, являться в институт по шею в грязи.

— Верно. Но что ты предлагаешь?

— Надо на время распутицы отвоевать ему место в общежитии.

— Идея неплоха, — комсорг почесал висок. — Вот что. Зайдем к коменданту общежития. Проведем разведку.

Комендант посмотрел на них, как на безнадежно больных, и, не скрывая раздражения, высказал свою мысль предельно ясно.

— Разговаривать с вами все равно, что воду в ступе толочь. Одна морока. А еще оба в активистах числитесь. Плохие вы активисты, если не знаете, что в общежитии живет в полтора раза больше нормы. Тут не только кровать — веник некуда поставить.

Комендант говорил правду. Общежитие было переполнено. Кровати стояли вплотную друг к другу. Многие студенты снимали углы в самых отдаленных концах города. И все-таки, когда комендант умолк, Володя сказал:

— Надо все же втиснуть одну кровать.

— Тискай ее себе на голову, — взорвался комендант и ушел.

Целый день группа студентов ходила по комнатам, примеряла, прикидывала. Когда теоретически удалось найти место для кровати, заместитель директора по хозяйственной части «встал на дыбы» и даже не захотел разговаривать об этом. Тогда в дело вмешался партком. Ретивых администраторов «обломали», но на складе не оказалось ни одной кровати, ни одного матраца с подушкой. Снова начались хождения, переговоры.

И вот, наконец, в одной из комнат появилась свободная кровать. В тот же день Володя сказал Виталию:

— Так дальше нельзя. Ненастыю и конца не видно. Давай-ка, друг, перебирайся в общежитие.

— Да я не против, пожалуй, только ведь там и так теснота великая.

— Ерунда. Один парень ушел к родственникам. Его кровать пуста. До зимы поживешь, а там видно будет. От

общежития до института всего десять минут ходу. Решено?

— Если это действительно так, я согласен.

И Аникин стал жить в общежитии.

Он прожил там до заморозков. А когда наступила ядреная, хрустальная сибирская зима, Виталий вновь вернулся домой, так и не узнав, как ему «отвоевывали» место в общежитии.

7. ЛЮСЬКА

Виталий приподнял голову от подушки.

— Это ты, мам?

— Я, сынок. Письмо тебе.

— Письмо? Где?— он проворно скинул ноги с кровати.

Протянул вперед руку.

Мать отдала конверт и ушла. Он закрыл за ней дверь, положил письмо на стол, тщательно ощупал конверт. Но, кроме марки, тонкие нервные пальцы Виталия ничего не «увидели». И все равно он знал, что письмо от нее. Вот только прочесть долгожданную весточку не мог. В эти минуты он в тысячный раз необыкновенно болезненно и остро переживал свою слепоту. Ну хотя бы видеть чуть-чуть, одним глазом. Каких-нибудь 2—3 процента. Он бы с лупой прочел письмо. Хотелось что есть силы кричать, ломать и бить все, что попадет под руку. Но Виталий овладел собой. Глухо простонав, зажал лицо ладонями и не отнимал их до тех пор, пока не пришел младший брат.

— Ты что, заболел?— участливо спросил он.

— Да нет. Ничего.— Виталий энергично провел ладонями по щекам и сразу стер с них выражение горечи и боли. Тяжело вздохнул:— Садись, почитай мне письмо.

Брат взял конверт.

— От кого?— спросил Виталий.

— Не знаю. Здесь написано только Свердловск. И все.

— Тогда читай. Да осторожнее вскрывай, не порви. Ну чего ты застрял? Читай же.

Брат пошелестел листочками и вполголоса стал читать:

«Виталий, родной мой!

Я так много думаю эти дни...»

И вот, словно по волшебству, приглушенный голос брата вдруг растворился и пропал, а вместо него комната наполнилась веселым и солнечным девичьим голоском.

«Милый Витька! Я ничего тебе не напишу. Только я буду с тобой рядом. Всегда буду всем тебе, буду твоими глазами. Витька, Витька, ты такой хороший. Ведь я тебя знаю совсем мало, я тебя совсем не знаю, но знаю, что ты хороший...»

Виталий сидел не шевелясь. Он весь превратился в слух, впитывая в себя каждое слово письма.

«Я где-то читала, что люди рождаются и ищут всю жизнь вторую половину. И кто-то находит, а кто и нет. Может быть, мы с тобой нашли друг друга...»

«Конечно ж, нашли!—мысленно воскликнул он. — Ты права, Люська. Ты всегда права, родная».

«Может быть, это чушь про половинки, но я всегда была романтиком. Человеку всегда хочется чего-то, чего он и сам определить не может...»

«Верно, умница. Я так же думаю. Наши мысли совпадают, потому что мы любим друг друга».

«Сейчас двенадцатый час ночи. Каждую ночь я долго думаю, не могу заснуть. Ты, когда засыпаешь, вспомни обо мне. Я тебе желаю каждый вечер перед сном спокойной ночи. Слышишь?..»

«Слышу, Люська. Все слышу. Хорошая. Единственная. Я тоже каждый день, каждый час вспоминаю тебя. Советуюсь. Делюсь. Всем-всем».

«Мы строим своими силами общежитие на четыреста студентов. Работаем каменщиками. Будем сдавать на разряд».

Каникулы у нас, поговаривают, будут в декабре. Перед дипломом. А четвертого ноября Людмиле Викторовне будет двадцать один год. Старушка, да?

Скоро отключат свет. Ложусь спать. Спокойной ночи. Пиши побыстрее и много. Твоя Люська...»

— Вот и все,—сказал брат, свертывая письмо.

Виталий не пошевелился.

— Все, — громче повторил брат.

Виталий вздрогнул.

— Да-да. Я слышу. Спасибо. Положи письмо в мою папку. Хотя нет. Постой. Какой там конверт?

— Красивый. Два малыша нарисованы. Парнишка в комбинезоне и девчужка в красеньком платьице. А в руках у них — большущий ключ, больше любого из них.

— Ключ от сердца.— Виталий улыбнулся.— Нет, от

счастья. Ах, счастье-счастье. Какое ты удивительное. Чем ближе к тебе, тем нетерпеливее становишься.

Брат ушел. А он все сидел на прежнем месте. Конечно же, он думал о ней.

Они познакомились этим летом в деревне Быструха Абатского района, куда Виталий приехал отдыхать после окончания четвертого курса.

На другой день после приезда к нему пришла целая молодежная делегация. Пригласили в клуб, «конечно, вместе с аккордеоном». Он привык к подобным приглашениям и не обиделся. Да и что тут обидного. Молодежи хочется потанцевать, а в селе нет хорошего гармониста. Узнали, что приехал из Тюмени аккордеонист, и пришли за ним. Не упускать же такой случай.

Его появление в клубе встретили радостными возгласами. Девушки проводили его на сцену, усадили. И начались танцы.

То ли оттого, что соскучился по инструменту, то ли по какой иной причине, только в этот вечер Виталий играл с подъемом. Небольшой, выдавший виды аккордеон, пожалуй, мог бы потягаться с целым оркестром.

Увлеченный игрой, Виталий не слышал, как к нему подошла незнакомая девушка. Невысокая, светловолосая. Широко раскрытыми серыми глазами она долго восторженно смотрела на музыканта. Когда же он, доиграв танец до конца, сжал меха аккордеона, светловолосая незнакомка обратилась к нему:

— Добрый вечер.

— Здравствуйте.

— Я уже несколько дней здесь скучаю. По вечерам не знаю куда себя деть. А сегодня иду по улице и вдруг слышу такую чудесную музыку. Не выдержала. Зашла. Говорят, студент играет. Значит, вы студент?

— Точно. А вы тоже студентка?

— Да. Из Свердловского строительного техникума. Меня Люсей звать. А вы учитесь в Тюменском пединституте?

— Меня Виталием. Вы любите музыку?

— Люблю, — она легонько дотронулась до его руки. — Если можно, сыграйте «Березку».

Он согласно кивнул головой. Положил тонкие, длинные пальцы на деку аккордеона, глубоко вздохнул. И вот поплыла величавая и яркая мелодия, посвященная русской красавице-березке. Видно, эту музыку написал человек,

хорошо понимающий красоту русской природы и русской души. Широко раскинула песня свои лебединые крылья. Они подхватили Люсю и понесли над родными просторами матушки Сибири с ее таежными чащами и урманами, стремительными, бескрайними реками, березовыми рощами и перелесками. В лицо девушке пахнуло вдруг ветерком, настоящим на свежем сене, иван-чае, мяте и полыни.

— Хорошо,— беззвучно прошептала Люся.— Как хорошо...

Из клуба они вышли вместе. Медленно шли пустой деревенской улицей и разговаривали.

— Чудесно вы играете,—говорила она. — Душу мелодии чувствуете. А это, по-моему, главное. Слушала я сегодня вашу «Березку» и размечталась. Захотелось мне вдруг превратиться в белую березоньку. Встать бы на бугре у развилки дорог. Раскинуть над землей зеленые руки и всех-всех зазывать под свою тень. Смешно, верно?

— Ни капельки, — горячо возразил он. — Это просто здорово. Вы, наверное, пишете стихи.

— Нет. Что вы. Сама не пишу, а чужие люблю.

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком.
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о чем.

Это Есенин. Люблю его. И Пушкина, и Блока, и Прокофьева, и Смелякова. Ты не читал его «Строгую любовь»? Нет? Завтра я принесу книжку и вместе прочитаем...

Люся выполнила обещание. Они ушли к реке Ишим. Выбрали укромный, затененный уголок на берегу, уселись рядышком.

У ног глухо шумела река, а над головой в ветвях ивы щебетали голосистые птицы. Ветерок с реки приятно холодила лица, ласково трепал волосы.

— Ты знаешь, — мечтательно заговорил Виталий. — Мне кажется, мы куда-то плывем. Я и ты. И больше никого.

— А кругом, насколько видит глаз,— голубое безмолвие, — подхватила она. — Море и небо. И солнце. Хотя нет, не надо солнца. Пусть будет буря. Шторм. Ветер

свистит, рвет паруса. Волны захлестывают шлюпку. Гром и молния. А мы вдвоем. Ты и я...

Они просидели здесь дотемна. Читали стихи, пели, мечтали.

Вот уже красный диск солнца скользнул за горизонт. Серые сумерки замутили окрестности. Смолкли птицы, угомонился ветер. На землю надвигалась ночь. А им хоть бы что: они счастливые.

Домой шли босиком по росистой траве. Шли и думали только об одном: подольше б не кончался путь. И чтобы продлить его, они до рассвета провожали друг друга.

С неувловимой быстротой полетели дни первой любви. Время стало измеряться перерывами между свиданиями. Сколько радости, острой и горячей, принесла Виталию эта любовь. Он преображался на глазах. Даже голос изменился: в нем зазвучали необычные нотки гордости и самоуверенности. Движения юноши стали более резкими и уверенными. Шаг — широким и стремительным. Он словно прозрел. Впервые в жизни он перестал чувствовать гнет своего недуга, перестал им тяготиться.

— Не отчаивайся, Витька, — говорила она ему. — Медицина идет вперед. Еще год—два и тебе сделают операцию, вернут зрение.

Он верил ей и просил приятеля принести из библиотеки подшивку «Медицинского работника» за последний год...

— Ты — прирожденный музыкант. Послушай вот эти стихи. По-моему, ты смог бы сочинить на них музыку в виде танго.

И он сочинял музыку...

— А почему бы тебе не взять шефство над местной самодеятельностью? У тебя это здорово получится.

Он создал кружок и руководил им. У него действительно здорово получалось...

12 августа она уезжала в Свердловск продолжать учебу. Он провожал ее до Абатска.

Это было трогательное расставание двух влюбленных. Там, целуя Люську в последний раз, он впервые назвал ее невестой.

Скоро и Виталий вернулся в Тюмень. Между молодыми людьми началась оживленная переписка. Он торопил девушку со свадьбой и, кажется, уговорил отпраздновать ее в Октябрьскую.

Но вот 14 сентября от Люси пришло письмо.

«Витек, здравствуй. Сейчас вечер. Мы лежали и читали книги. Потом пришел комендант из соседнего дома. У них затопило подвал магазина, и нас попросили выкачать воду.

Витька! Как это хорошо вместе поработать. А потом шли и кричали, что придется. На улице идет снег белыми хлопьями, искрится на волосах и ресницах. Такая прелесть. Я вдруг вспомнила рассказ Горького, где люди, на вид ленивые, кидают тяжелые мешки с легкостью пушинок. В общем, люди хороши.

У нас по-прежнему практика. Кладем кирпичи до того, что расшлепываются ладони. Работаем по третьему разряду.

Скоро-скоро ноябрь месяц. И все-таки, Витя, я не хочу, чтоб 7-го была свадьба. Я приеду к тебе погостить. Твои и мама не видели меня, может быть, я им не понравлюсь.

Родной мой, пойми меня. Ведь ты меня знаешь так мало».

Дальше письмо было написано другими чернилами.

«Дописываю письмо на другой день. Я просто опишу, что случилось. Сегодня мы грузили силикат. Кончив нагружать последнюю машину, с прицепом, мы поехали в техникум. Нас ехало семь человек на кирпичах и один в кабине. Мы хохочем, и вдруг кто-то истошно кричит: «Паровоз!» Сейчас еще перед глазами коричневый вагон метрах в семи (это был маневровик с тремя вагонами). Потом страшный удар, крик: «Прыгайте»,—и я кувыркаюсь, кувыркаюсь, кувыркаюсь.

Потом мы шли с Томкой и плакали. Наверное, от потрясения. Большие ничего.

Твоя Люська, 11/IX 1960 г.

Р. С. Ты не переживай, мы все родились под счастливыми звездами».

Он верил, что она действительно родилась под счастливой звездой, и все-таки переживал. Сколько раз встревоженная мысль Виталия рисовала жуткую картину этой нелепой катастрофы. От этого становилось не по себе. Хотелось бросить все и бежать, ехать, лететь к ней. Защитить ее от любых невзгод и вот таких роковых неожиданностей.

Он засыпал ее письмами. Умолял быть осторожной и

осмотрительной. Просил приехать к ним на Октябрьскую «просто погостить».

Люся приехала. Марии Тимофеевне сразу понравилась веселая, ясноглазая блондинка, и она с первой встречи стала называть ее дочкой. Девушка пришлось по душе и другим родственникам Виталия. Было решено — свадьбу справят в зимние каникулы.

И снова проводы. Шумный вокзал. Людская толчея. Паровозные гудки. Громкие голоса, смех, песни.

Они затерялись в человеческом водовороте и были несказанно рады, что на них никто не обращает внимания.

Потом короткий призывный гудок. Скрежет сцеплений, последний торопливый поцелуй и грохот колес. Все быстрее и звонче. И вдруг — тишина опустевшего перрона...

Опять письма. Письма и письма. И все авиа. Он жадно ощупывал их, даже нюхал. Захваченные многими руками конверты все-таки хранили ее запах. Они пахли ее руками, ее волосами.

Накануне каникул Виталия вызвали на междугороднюю телефонную станцию.

Он стоял в душной стеклянной кабине, крепко прижав к уху эбонитовый кругляшок трубки.

— Витька, — совсем рядом зазвенел Люськин взволнованный голос. — Я еду прямо к себе домой. Через неделю приезжай к нам. Там и свадьбу сыграем. Увезешь меня, как в сказках. С алыми парусами. Хорошо?

— Хорошо, Люсек. Хорошо...

Скрипит, задорно повизгивает под каблуками свежий снежок. Ветер катит по мостовой белые волны поземки. В сером небе — неяркие звезды. Мороз щекочет в носу, щиплет щеки. Хороший, звонкий морозец с ветерком. Не хочешь, да не замешкаешься, не пойдешь вразвалочку. И люди спешат. Они мелькают мимо Виталия, ожидающего автобус. Но он не слышит их шагов. Он ничего не слышит. Он давно уже оторвался от земли, и крылья мечты поднимают его все выше и выше.

И в автобусе, и в вагоне поезда Виталий не расстался с мечтой. Розовой, яркой, захватывающей дух.

Где-то возле Заводоуковска поезд, на котором ехал Виталий, встретился со скорым «Новосибирск—Москва». В почтовом вагоне встречного мчалось в Тюмень Люсино

письмо. Если бы Виталий на один день задержался с выездом, если бы... А пока он ехал к Люсе в Быструху, а навстречу в Тюмень летело ее письмо. Вот оно:

«Виталий! Пишу тебе всю правду. Я не буду с тобой вместе. Это уже все решено и окончательно. Слова не нужны. Просто я — слабая и не прошу себе за это, что ответила тебе, потом приехала к тебе.

Я очень тебя уважаю как человека порядочного. Мама здесь не играла никакой роли. Ты ей понравился, и она очень жалеет тебя.

Я не хочу жалеть.

Понимаешь?

Прости и прощай. Люська».

Когда почтальон вручал матери Виталия это письмо, сам он уже поднимался на крыльцо Люсиного дома. Юноша был встревожен и взволнован. Невеста не встретила его на вокзале. Значит, что-то случилось. Может быть, она заболела или приключилась другая беда?

Люся была дома и, кажется, вполне здорова. Только голос у нее какой-то неестественный, наигранно-веселый и холодный. Он сразу почувствовал это. И еще ничего не узнав, ничего от нее не услышав, понял, что пришла беда. Жуткая, непоправимая. Дрожащей рукой нащупал стул, бессильно опустил на него.

— Что случилось?

— Ты не получил моего письма из Быструхи?

— Нет. А что? Ну? Говори же! Говори!

— Успокойся, Витя. Жаль, что ты не получил письма. Так было бы лучше. Ну, ничего. Я все скажу. Я сейчас скажу. — Люся с хрустом ломает пальцы. — Видишь ли, Витя. Словом, я решила. — Она кашляет, чтобы унять дрожь в голосе, и, отчаянно махнув рукой, выпаливает: — Я не пойду за тебя замуж. Ты — хороший. Я люблю тебя. Но, боже мой, ты же... Понимаешь?..

— Да-да, — растерянно бормотал он, силясь подняться. — Я понимаю. Конечно же. Я все понимаю, Люся. И не надо из-за этого так волноваться. Мама правильно рассудила..

— Мама здесь ни при чем, — закричала она, давясь рыданиями, — мама согласна. Но я... я сама не хочу... Са-ма! Я не хочу жалеть. Я не хочу раскисиваться. Не хочу. Слышишь? Не хо-чу!

Он уходил от нее, пьяно спотыкаясь, волоча одереже-

невшие ноги, и плакал. Горько и безудержно, как мальчишка.

Вечером, оправившись от удара, он снова пошел к ней. На сей раз там была Люси́на тетья — инициатор разрыва. Она больно обидела его. Люся накричала на тетю, разрыдалась и снова повторила то, что уже говорила утром...

Вот тогда-то жизнь показалась ему ненужной и пустой. «К чему жить, напрягать силы, добиваясь диплома? К чему? Если ты обижен судьбой, если ты несчастен, к чему делать вид, что ты доволен жизнью, и весело улыбаться? Стоит ли искать свое место в строю тех, кто идет по жизни с открытыми глазами? Не лучше ли выйти навсегда из игры? Да, был Николай Островский, — есть Николай Бирюков и Маресьев. Ну и что ж. Не всем это дано. Они — герои. А я обыкновенный... Обык-но-вен-ный...»

Кто знает, может, черные мысли и одолели бы покачнувшегося от жестокого удара Виталия, может, и добились, dokonали бы его, если бы не друзья.

Они сразу заметили перемену в настроении юноши. И, не сговариваясь, не в силу каких-то обязательств и решений, а просто так, по зову сердца, по долгу совести сделали все, чтобы отвлечь его от грустных дум, вселить в него веру в свои силы, в свою нужность Родине и народу.

Забота друзей, их ласковое внимание, а главное, работа, в которую вовлекли его комсомольцы, помогли Виталию переболеть, одолеть тяжкий душевный недуг.

Правда, он и посейчас не забыл свою Люську. Жаль только, что ни тогда, ни после у него не достало сил начать за нее настоящую борьбу. А без борьбы счастья не завоюешь.

8. ДИПЛОМ № 487343

В актовом зале Тюменского педагогического института бурлил веселый водоворот молодых задорных голосов. Несколько минут назад там начался выпускной вечер. Окончились похожие на тост короткие и торжественные речи директора и представителей общественности. Началось вручение дипломов.

— Виталий Аникин.

Зал захлестнул шквал аплодисментов. Молодые люди что-то кричали и приветственно махали высокому, худо-

щавому парню в темных очках. Растерянно улыбаясь, он медленно пробирался к сцене. Вот он поднялся на помост, принял из рук директора диплом, медленно повернулся лицом к восторженно бушующему залу.

Может быть, он простоял в безмолвии всего одну секунду, а может, — больше. Кто считал. Но этого времени оказалось вполне достаточно, чтобы перед мысленным взором Виталия прошла вся его сознательная жизнь, от первых шагов до этой долгожданной и неповторимой минуты. Прожитая жизнь представилась ему в виде дороги. Долгой, извилистой и трудной. Где-то там, в туманной дали, в самом начале дороги стоял десятилетний мальчонка. Худой и бледный, потрясенный свалившейся на него бедой.

Беспомощно вытянув руки, мальчишка стоял на обочине большой дороги в жизнь. У него не было силы обратиться на дорогу и пойти по ней. Недетским, обостренным горем чутьем малыш постигал всю безвыходность и горечь своего одиночества.

Но вот к нему протянулась маленькая сильная рука молодой сельской учительницы Анны Григорьевны. От ее прикосновения мальчик почувствовал себя втрое, вдесятеро сильнее. Ее глаза высмотрели ему дорогу. Ее рука повела его вперед. И он ступил на большую дорогу жизни.

Сделал несколько шагов и сразу ощутил на своем плече крепкую солдатскую руку Павла Кузнецова. Дядя Паша заменил ему и друга, и отца. Он помог одолеть первый и самый трудный перевал. Окрыленный мальчик поверил в себя. У него появилась большая мечта, и он пошел к ней.

Потом на его пути был рабочий — коммунист Павел Горяев. Он пробудил в подростке жажду знаний, помог выбрать цель в жизни, вселил уверенность в победе.

А дальше появился целый сонм верных друзей-помощников: Коля, Володя, Нина, Галя, Тоня и многие другие. Он был своим в их молодой, веселой, дружной семье. Но он был младшим. У него было меньше знаний и жизненного опыта. И они все вместе, каждый в меру своих сил и возможностей помогали ему учиться и жить.

И где-то тут, совсем рядом, была Люська. Незабвенная и единственная. Сколько светлой, окрыляющей радости подарила она ему, научив видеть сердцем. Рядом с ней он впервые понял красоту мира, впервые познал вдохнове-

ние, впервые пережил несравнимое счастье любви. Она смалодушничала, а может быть, он был недостаточно настойчив. К чему выискивать виновных? Все равно, она дала ему столько радости, что ее хватит, может быть, до конца жизни...

И вот он стоит на трибуне перед рукоплещущим, взволнованно гудящим залом. Только что директор сказал о нем немало приятных слов. Он говорил о воле, упорстве, настойчивости и трудолюбии. Но сам-то Виталий хорошо знал, что не только этим качествам обязан своей победой. Нет. Всем, чего достиг, он прежде всего обязан людям. Их много, имена некоторых он уже позабыл, да они и не старались, чтобы их помнили. Они делали добро вовсе не ради славы или выгоды, а просто потому, что не могли иначе, потому что в нашей стране человек человеку — друг, товарищ и брат.

1961—1962 гг.

г. Тюмень.

ОТКРОВЕНИЕ

Р а с с к а з

Сельповский сторож Андрей Андреевич Миловидов, по прозвищу Курымушка, бредет мшанником. Суховатая легонькая фигурка его мелькает в прогалах между уродливыми болотными сосенками, скрывается на время в сплетениях голубичника, вновь появляется на усаженных кочкарником полянках. Правое плечо Курымушки ниже левого, не гнется рука в локте, и сам он весь как бы скособочился на одну сторону. Может, за это и получил непонятное, должно быть, оскорбительное прозвище.

Ноги, обутые в просторные кожаные бродни с длинными голенищами, глубоко тонут в мягком моховом покрове. Курымушка кажется ниже ростом, незаметнее, он как бы сливается с окружающим фоном, растворяется в нем. Только большая, не по росту берестяная сумка-пестерь у пояса выделяется мутным белым пятном.

В мшаннике полным-полно ягод, но Курымушка даже не смотрит на них. Шел он сюда, чтобы проверить расставленные в укромных местах ловушки на глухарей. Однако добычи нет. Ловушки, как одна, пусты. Болтается пустая берестяная сумка у пояса, навевая уныние.

И как часто случается в минуты неудач, душевное равновесие нарушается. Мир становится сер, однообразен. Заныла иссеченная осколками рука, отяжелели ноги. Вспомнилось Курымушке, что он уже не молод, а одинок. Совсем одинок: убит на польской земле единственный сын Сергей, покоится на кладбище жена Прасковья, погибшая от руки фашистского палача. А он, Андрей, остался жить, вернулся с фронта искалеченный, может, потому и вернулся, что до конца верил в желанную встречу. Прошел от

Брянщины до Берлина, всего натерпелся: горел в огне, был ранен, контужен тяжело. И телом не могуч, да, зная, крепка оказалась привычная к труду крестьянская жилка, недели две поваляется в госпитале и снова — в бой. Сник, когда увидел осиротелый, поросший бурьяном двор, наглухо заколоченные ставни.

Сжалось сердце. Выслушал Андрей от соседей горькую весть; ни одна слезинка не выкатилась из потемневших вдруг глаз, только дернулись, как от удара, губы да побелела щека. Постоял еще, посмотрел на родимые стены и как был с ранцем за плечами и скаткой, вернулся на вокзал. Не захотел оставаться.

Уехал в далекое Зауралье, присмотрел там деревеньку и поселился в ней на жительство. Места вокруг привольные: лесу много, озера есть. Андрей, хоть рыбалкой особенно и не увлекался, но природу, как всякий русский человек, уважал и любил. Работу подыскал посильную, дом выстроил новый — думал, забудется прошлое, зарубцуются рана, а она нет-нет и напомнит: заползет в душу злая гадюка — волком вой с тоски. Хочется тогда пойти на люди, выплакаться враз, высказать думу тяжку, полегчает, наверное. Но не в его манере ныть и расслабляться. У народа своих забот хватает. Пусть уж останется Андрей молчуном...

С тяжелым сердцем выбрался Курымушка из мшанника, опустился на землю, привалившись спиной к дереву, и замер в оцепенении. Ствол гудит изнутри, позванивает тонюсенько. Мозжат у Курымушки ноги. Он их и так повернет, и эдак протянет — все одно. Рядом просека небольшая проходит. Видно в просвет кусок проезжей, набитой колесами дороги. Проскрипела телега по ней.

Ничто больше не нарушало загустевшей тишины.

В знойном волнистом мареве беззвучно плавился и млел лес. Игрушечным серым планером кружил в вышине ястреб. Небо голубело, манящее, как детство. Кажется, ткни палкой и прольется оно синей водой.

Все вокруг действовало умиротворяюще. Курымушка успокоился, задремал. Вывели его из забвения чьи-то голоса. Он поднял голову. По дороге, взявшись за руки, точно боясь потерять друг друга, шагали паренек и девушка. Оба одинакового роста. Он, очевидно, учащийся ремесленного училища — в черной, молодежато перетянутой широким ремнем гимнастерке с молоточками на

воротнике. Она — в коротеньком ситцевом сарафанчике, косыночке, босиком.

На вырубке пестрели цветы. Привлеченные ими, молодые люди свернули с дороги: паренек стал собирать букет, а подружка, присев на корточки, плести из цветов венки. Непослушные пряди мягких, как лесная трава, волос выбились у нее из-под косынки. Курымушка увидел шрамик на лбу справа, глаза, смахивающие на маленькие блюдца. В блюдечках вода прозрачная налита и на разной глубине искристые камушки разбросаны. Что-то знакомое угадывалось. Но что? Старался припомнить и не мог.

И вдруг... Давно это было. В осажденном городе воздух кипел металлом, содрогался взрывами, от которых рушились здания и в песок дробился кирпич. А вывороченные с землей куски асфальта взлетали высоко вверх.

Андрей ловил в прицел автомата мечущихся титлеровцев и на ходу посылал короткие очереди, с радостью отмечая, как валятся срезанные пулями ненавистные фрицы.

На площади у горсовета ему прострелили ногу. Рана была неопасной: пуля поцарапала кожу. Заскочив в первый попавшийся переулок, Андрей наскоро перебинтовал ногу, сунув остаток марли в карман шинели. Он уже хотел бежать дальше, как услышал плач, доносившийся из домика напротив. Плач то стихал на минуту, то возрастал с новой силой. Плакал ребенок. Медлить было нельзя, дом горел. Пламя опоясало бревенчатые стены, бушевало на крыше гигантским костром, распространяя вокруг нестерпимый жар.

Перелетев махом через подоконник, Андрей принялся лихорадочно обшаривать комнаты.

Ему удалось обнаружить дощатую перегородку, принятую вначале за капитальную стену. Нашупав клеенчатую занавеску, Андрей отогнул ее и увидел девчурку, лежавшую на полу без движения.

Рядом стояла кровать. Разбросив на ней шинель, Андрей поднял девочку и, запеленав сукном, бросился с ношей к окну. Едкий угарный газ ударил в лицо, сдавил легкие, обжег. Лизнули жгучие, как крапива, цепкие языки пламени.

Собрав силы, на миг задержав дыхание, Андрей, словно на крыльях, проскочил опасную зону, встал ногами на подоконник и прыгнул вниз. Отбежав подальше, положил

драгоценный груз на землю, развернул шинель. Девочка не пришла в сознание. Из ранки на лбу стекала к виску алая струйка крови. Как пригодился сейчас остаток марли! Положив на поврежденное место ваты, Андрей натуго перетянул лоб девочке бинтом и, ослабив ворот коричневого, выцветшего от времени или солнца платьца, принялся делать ей искусственное дыхание.

Девчурка разомкнула ресницы, посмотрела на Андрея большими светлыми глазами.

Не испугалась, увидев низко склонившегося к ней незнакомого солдата в каске, обгоревшей защитной гимнастерке, доверчиво протянула ему тонкие ручонки:

— Дядя, унеси меня к маме. Где моя мама?

Андрей ничего не знал о судьбе матери. Он взял девчурку на руки и бережно понес в сторону, обратную от боя.

Девочка не плакала и о матери больше не заговаривала. Она прижалась к теплой солдатской гимнастерке и, убаюканная качкой, заснула.

Андрей пошел тише, ровнее, чтобы не разбудить ее. Ручеек пота из-под каски сбегал к переносью, скатился в уголок глаза, вызвав нестерпимый зуд. Но он так и не решился протянуть руку за носовым платком, смахнуть едучие капли, пока не передал спящую вывернувшейся из-за угла санитарке.

Девочка спала. Андрей не узнал тогда ее имени.

Может, та самая: шрамик на лбу, глаза схожи очень. Спросить бы. Пусть ошибся, ради них же, мальчишек и девчонок, несмышленных еще, капризных, вгрызаясь в каменный грунт, бежал пулям навстречу, мок в болотах.

Хотел спросить и не решался.

Между тем девушка, кончив плести, подержала готовый венок на вытянутых руках, полюбовалась им и, сняв козынку, искусно пристроила его на голову.

— Взгляни, Мишук, какая я?

— Красивая! — с гордостью и тайным восхищением в голосе сказал паренек. — Как Золушка. — Он подошел к подружке и протянул ей букет.

— От меня, Татьяна, подарок.

— Спасибо.

Она засмущалась, прижала цветы к груди, став на самом деле похожей на сказочную Золушку, потерявшую с ноги башмачок.

— Ты для меня, Татьянка, самая хорошая на свете, — сказал горячо Мишук. — Я тебя очень люблю.

— И я тебя тоже, — созналась девушка.

За происходящим с интересом наблюдала белочка, затаившаяся в развилке сосновых лап. Человеческая речь привлекала ее. Паренек говорил возбужденно, с жаром. Девушка шептала чуть слышно. Лицо ее порозовело. Движения стали мягче. Взгляд нежнее.

Она склонила голову на плечо пареньку, потупилась, словно стыдясь невольной вырвавшегося признания. Паренек стоял прямо, не шелохнувшись, будто слушал невнятные далекие голоса. Но лес молчал. Молчал и Курымушка. Ноги его вконец затекли и одеревенели, но он не пытался размять их, боясь наделать шума.

Мишук и Татьянка долго стояли, прижавшись друг к другу. Две жизни слились в одну жизнь, два дыхания — в одно дыхание.

Сияло небо безбрежной, как океан, улыбкой, полное света, простора, радости. Без единой облачной тени.

— Значит, любишь? — тихо сказал Мишук.

— Очень! — еще тише ответила Татьянка.

Белочку разбирало любопытство: почему двое на вырубке не движутся, умерли, что ли? Держа в зубах нерасшелушенную шишку, она перебежала к концу ветки и, свесившись вниз, уставилась на влюбленных. Челюсти ее полуразжались, и шишка, выкатившись изо рта, брякнулась о сучок.

Они встрепенулись.

— Тебе пора, Миша, — заволновалась девушка, — на автобус опоздаешь.

— Беды-то, — паренек подтянул гимнастерку. — Да я теперь хоть до Африки прошагаю, а тут, подумаешь, полсотни километров — расстояние...

Он подхватил подружку и закружил вихрем, быстрее, быстрее:

— Юг или север? Север или юг? Угадай...

Татьянка весело смеялась.

Водоворот бурлящей радости сорвал Курымушку с места, понес стремительно, закаруселил. Мелькнули головы обомшелых пней, рыжеспинная щепка на вырубке. Кувыркнулся и пропал в вышине ястреб-планер.

Юные влюбленные стали частицей самого Курымушки.

Они пели, и он пел.

Они мечтали, и Курымушка вместе с ними.

Проснулся ветер и, как бы поддаваясь общему настроению, невидимый, заходил, задышал. Ожило вмиг сонное царство.

— Не сдаемся,— скрипели бородатые сосны.— Нас давит снег, ломают ветры, но мы выстаиваем, сохраняя в затишье свежую поросль. Возмужав, она бросит семена в землю. Вечно зеленые. Вечно молодые шуми-им.

— Ужасно занят,— трубил проползавший мимо Курымушки муравей, — дом строю новый, иначе личинки погибнут от дождя.

— Потоптали лоси,— пищал брусничник, — а я выпрямился и зацвел. Ягоды уродил. Мне хорошо.

И весь хор невидимых голосов премел: Живу! Борюсь! Отстаиваю!

«И я живу!— чуть было не крикнул Курымушка, которому открылось величайшее откровение природы.— Потерял ветви с родного дерева, зато спас любовь. Не затоптанная, зацвела она. Смотрите!»

— Юг или север?

— Север,— наконец сказала Татьяна, указав в сторону Курымушки, не заметив его самого.

— Ага!

Татьянка зажмурила глаза.

Мишук поцеловал ее.

— В следующее воскресенье приедешь? — спросила Татьяна.

— Конечно! В училище концерт художественной самодеятельности, готовимся, на репетицию нужно остаться, а я все равно приеду: не утерплю без тебя—затоскую.

— У нас к этому времени кинотеатр новый откроется!—похвалилась обрадованная Татьяна. — Вон какой огромный, не уступит городским вашим.

— Уж и нашим,— обиделся паренек.— Думаешь, в городе учусь, так и на работу там останусь — как бы не так. Мне директор сказал: приезжай в совхоз, Слиридонов, нам слесари позарез нужны. Понимаешь, Татьяна, нужны. Почему бы и не приехать.

Взявшись, как прежде, за руки, они отправились по дороге.

Андрей встал, выпрямился. Он уже не чувствовал больше себя одиноким и разбитым, как раньше, словно обрел

потерянное. Вон они идут молодые: им друг друга любить крепко, трудиться славно и впустую жизнь не растрачивать, потому что плачено за нее дорогой ценой, возместить которую нелегко. Улетучилась досада за неудачливую охоту, прошла боль в ногах, а может, он ее просто не замечал. Мускулы налились силой. Перестал существовать Курымушка, неловкий и смешной, появился прежний Андрей Миловидов, твердой, нестигаемой воли человек.

Отбросив далеко в сторону берестяной пестерь, чтобы не мешал при ходьбе, он решительно зашагал вслед Татьянке и Мишуку, широко, по-солдатски расставляя ноги.

Два рассказа

АЛЮМИНИЕВАЯ ЛОЖКА

Как известно, все сказочное и чудесное происходит очень далеко—за тридцать земель в тридцатом царстве и попадают в это царство на ковре-самолете или с помощью волшебного перстенька.

У нас с Валерием вместо ковра-самолета был плот, сбитый из девяти сухостойных елок. Да еще труд и терпение, потому что в жизни, а не в сказке, чудесное и прекрасное дается в награду за труд, мужество и терпение.

Было раннее утро. Валерий, сваленный собственной необузданной энергией, спал на плоту, забравшись в расстеленную поверх вороха хвои палатку. И во сне он издавал губами звуки, похожие на те, какие выкрикивал всю ночь, когда мы толкали плот через перекаты: «раз—два—взяли». Не успевал кончиться один перекат, как начинался другой. Мы соскакивали в воду и слышали, как течение тащило через босые ноги песок и гальку. Валерий впереди плота выворачивал со дна валуны и разбрасывал их по сторонам. Живописен он был в эти мгновения — обгоревший на солнце, с белой, словно соль, щетиной на щеках, в красной шапочке и пробитой искрами штурмовке. А вокруг него клюкотала, рвалась в белую пену вода. В небе низко над темным лесом одиноко прустила Венера.

Перекрывая шум, я кричал:

— Оставь камни! Все не уберешь. Да и кормить после работы тебя нечем.

Потом мы оба хватались за бревна, выдыхали: «раз—два—взяли» и сталкивали плот с мели. Я подшучивал над Валерием:

— Добрую работу проделал. Теперь за нами может океанский пароход пройти.

— Ну, разве не легче было?—сердился Валерий.—Тебе смешно? Ладно, в следующий раз ни до одного камня не дотронусь.

Но скоро мы снова садились на мель, и Валерий, забыв об угрозах, прыгивал в воду и опять раскидывал валуны, расчищая фарватер.

Вот уже около часа мы плывем по спокойной воде. Перекаты остались позади. Шум, грохот, плеск смолкли, и мы на какое-то время будто оглохли. Тишина. Не сразу в этой тишине стали различать шелест листвы в прибрежных кустах, свист, щелканье просыпающихся птиц. Валерий залег в палатку и заснул. Я сижу на чурбашке и изредка толкаюсь шестом, удерживая плот на быстрине.

Поднялось солнце и светит из-за деревьев, как через решетку. По обоим берегам стоят скалы редкого небесно-голубого цвета. Из таких же голубых плит выложено дно реки. Там, где течение потише, лежит песок, и он тоже голубой. И прозрачная чистая вода пронизана голубизной.

Над самым дном стремительно, как стрелы, пущенные из лука, проносятся голубые хариусы. По дну скользят их тени, и оттого кажется, что хариусов вдвое больше.

На червя с плота бесполезно рыбачить, и я вытаскиваю из-под палатки спиннинг. На нем большая, с ложку, блесна, хариус вряд ли пойдет на нее, но другой нету.

Блесна с громким плеском падает в воду. Хариусы стреляют к берегу и исчезают из виду. Я еще и еще раскручиваю спиннинг, блесна вертится золотым волчком, рассеивая по воде радужные блики. Но никто за ней не устремляется. Я хотел было водворить спиннинг на прежнее место, под палатку, как вдруг за блесной погнался толстый важный окунь. Он во все лопатки работал плавниками и хвостом и, как мне показалось, даже изрядно запыхался. Перед плотом блесна остановилась. Дальше некуда ее вести. Чуткий хариус или таймень сиганули бы в сторону и скрылись, а этот дурной окунь словно о стенку ударился и потерял всякое соображение. — повис в двух вершках от блесны и ни с места.

Я равнодушен к окуням. Глупая и нечистоплотная рыба. Иной раз стоит в таком месте, где и дышать-то вроде нечем. В поселке Вижей я ходил с мальчишками рыбачить. Привели они меня к гнилой проточке. Берег был торфяной,

жидкий, ступил—и по колени увяз; дно—грязное, коряжистое; вода — коричневая, как крепкий чай, а по поверхности цвела зеленой плесенью. Какая тут может быть рыба? Но ребяташки уверенно завели меня на полуистлевшие мостки и сказали: смотри. Я взгляделся в коричневую воду и у самого дна различил темные слинки некрупных рыбешек. Их было много. Я насадил на крючок червяка и спустил его в воду у самых ног. Вся стайка метнулась к червяку, и поплавок так уверенно и сильно пошел в воду, будто там была бог весть какая рыбина. Дернул удочку — на крючке трепыхался полосатый чуть побольше папиросы окунек. Но этакий прожорливый — всего червяка заглотил. Впрочем, червяк оказался целым, лишь слежка помятым. Я подправил его, а менять не стал. За какой-то час на одного червяка натаскал около сорока окуней. Клевать перестало только тогда, когда вся стайка из проточки переключевала в мое ведро. Уха крепко припахивала илом и тиной.

...Но сейчас мне не до симпатий. Нужно что-то есть... А окунь все висел в двух вершках от блесны. Перекидывать ее я не решался — окунь мог испугаться и убежать! Тогда я стал подергивать ее. И глупый окунь соблазнился блеском, дважды ткнулся в нее своим морщинистым старческим ртом, но ничего не понял, не понял, что она не съедобна и не ушел восвояси. Словно нарочно задался целью схватиться за якорь. И вот он разинул рот, нет, не на блесну, а на якорь, и я ощутил толчок. Выбрал руками леску. Окунь шлепнулся на палатку, жирный, толстый, широкий, точно каравай хлеба. Его золотистое оперение и поперечные изумрудно-зеленые полосы ярко сверкали на солнце.

Отталкиваясь хвостом, он мечется по палатке, и я никак не могу его поймать. Под брезентом ворочается Валерий и обиженно бормочет:

— Что за шутки? Дай поспать.

— И не шутки вовсе. Рыбу поймал!

Валерия подбрасывает, как пружиной.

— Ага, вот он! — кричит он ошалело и всем телом падает на окуня. Отцепляет якорь и, держа рыбу обеими руками, любит на нее.

— Тяжелющий. На килограмм, не меньше. Давай к берегу, будем жарить. А то с голодным желудком и сон не идет.

Окунь взбрыкивает, и Валерий, уколотившись о его

острые и твердые, как стальные иголки, кости плавника, охает и разжимает руки. Окунь падает на край плота. Валерий в акробатическом прыжке снова накрывает его своим телом.

— Поймал? — спрашиваю.

— Шевелится! — кричит Валерий и нервно смеется. — Если бы убежал, я бы прыгнул в воду вслед за ним!

Валерий достает из-за пояса нож с разноцветной плексигласовой рукояткой и вонзает в костлявую голову.

— Ну, к берегу, — говорит он.

— Подожди, может, еще поймаю.

Бросок получается особенно удачным, блесна пролетает метров за пятьдесят и с коротким вжиком, почти без брызг, как ножик, врезается в воду. Я торопливо кручу катушку. Ага, есть, дернуло! Леска враз упруго натягивается, и с нее жемчужинами падают в воду круглые капли.

— Большая? — шепотом спрашивает Валерий.

— Тяжело.

Когда лески остается метров пятнадцать, я вижу на ее конце длинную голубую рыбу. Она, как маятник, ходит на леске вправо и влево. Хариус! Перед плотом хариус выметывается на поверхность, но леска снова бросает его в воду. Во все стороны летят брызги. Я пытаюсь рывком выкинуть рыбу, — не получается — слишком тяжела. Тогда я ее волоком затаскиваю на плот, а Валерий подминает под себя и торопливо втыкает в голову нож. Теперь можно и рассмотреть хариуса. Некоторое время его чешуйки еще хрипят голубизну, но, обсохнув, становятся серебристыми и блестят на солнце.

Я возбужден, горд и хвастаюсь:

— Ну, сегодня мы с ухой и жареной рыбой. В этом хариусе наверняка полтора килограмма! Красавец!

Валерий молчит, хмурится. Я понимаю его. Ловили мы для общего котла, но тем не менее каждый упорно ведет счет «своим» рыбам. Это из спортивного соперничества. Каждому к концу путешествия хочется быть первым. Вслух мы, конечно, в этом не признаемся, вполне любезно поздравляем друг друга с удачами и всячески скрываем зависть. Сегодня у меня есть возможность прочно закрепиться впереди. У Валерия от спиннинга остались лишь катушка да якорь, блесны нет.

Утро незаметно перешло в яркий сияющий день. Солнце

прибило к воде сыроватую свежесть, нагрело воздух, и в штурмовке стало жарко. Я скидываю ее и снова берусь за спиннинг. Валерий смотрит на него с тоскливым беспокойством, губы у него шевелятся, и я догадываюсь, что он сейчас попросит побросать. Но он не просит. Тогда я сам предлагаю:

— Побросай. Разомни руку.

Упрямый Валерий молча качает головой.

Голубое дно уходит все глубже и глубже. Под плотом уже метра три.

Река бежит с гор как бы по ступеням: на перекатах видно, как она катится под гору, а между перекатами поверхность воды ровная, будто в озере, несет еле-еле, а если дует встречный ветер, то плот даже останавливается. Сейчас мы плывем как раз по такой тиши.

Вдруг Валерий дергает меня за руку и жарко, сумасшедше шепчет:

— Смотри, смотри.

Он показывает в воду. Я гляжу по направлению его руки и вижу сначала ромбовидную тень от плота, потом впереди нее целую стаю, даже не стаю, а огромный косяк окуней. Большие, в ярких зеленых полосах, с красными перьями, они походят на неведомые и прекрасные подводные цветы.

— Ну, кидай же, кидай, — все так же сумасшедше шепчет Валерий, словно опасаясь спугнуть окуней.

Я слишком спешу, бросок как следует не получается, блесна падает недалеко от плота, но окуни сразу же замечают ее и, расстраивая ряды, бросаются к ней. Они так отчаянно работают плавниками и хвостами, что напоминают мне велосипедистов-гонщиков в красных майках. Из стаи вырывается лидер, приближается к крутящейся блесне, хватает, обрывается и, обескураженный то ли болью, то ли неудачей, притормаживает бег, его тут же обгоняет другой и жадно и верно заглатывает якорь. В следующую секунду окунь тяжело шлепает по брезенту. Он точно такой же, как первый.

Стая натолкнувшись на тень от плота поворачивает и неторопливо уплывает к берегу.

Плот почти не движется. Глубина под ним до четырех метров. Дно очень чистое, выстлано голубым песком и ни водорослей на нем, ни коряг, лишь темнеют в разных местах несколько затонувших сигарообразных коротких бре-

вешек. Тут можно обеспечить себя рыбой на всю дорогу до жилья.

— Валерка, — говорю я, — подгони плот к берегу. Остановимся.

Валерий и не подумал выполнять мою просьбу. Приподняв верх палатки, он просунул в нее голову, и слышно было, как перекидывал там с места на место вещи. Тогда я сам взялся за шест и стал работать им, как веслом, потому что дна он не доставал.

— Где катушка? — крикнул из палатки Валерий.

— В твоём рюкзаке.

— Ага, нашел. А где якорь?

— Там же, в маленьком кармане. Ты что надумал?

— Спиннинг буду делать.

— Так нет же блесны.

— Ложку приспособлю.

— Гм!

В другой раз я посмеялся бы над новой сумасбродной затеей Валерия, а сейчас только пожал плечами. На него и без того жалко смотреть. И смеяться — значило бить лежачего. Он, наверно, вспомнил рассказ геологов о том, как они ловили на Щугоре тайменей на ложку, а когда оборвалась, то вместо нее прикрепили окурочек и еще поймали несколько рыб. Тогда Валерий громче всех хохотал над этой чисто охотничьей выдумкой, не поверив в ней ни единому слову. А сейчас... Ну что ж, пускай попробует.

Валерий скинул с себя палатку, выдернул из настила на плоту длинную кривую палку и, ожесточенно орудуя ножом, стал выделывать из нее удилище.

Я подогнал плот к берегу и, вбив между бревен шест, пришил его на месте.

Поблизости ходили хариусы. Но когда я забрасывал блесну, они испуганно разбежались. Зато окуней блесна просто очаровывала, и они гонялись за ней наперегонки. К тем двум я скоро добавил еще пять. А вот схватился и шестой, я веду его, он уже виден, как вдруг откуда-то сбоку на окуня вылетает огромное серое чудовище с разинутой пастью. Я вздрагиваю и поспешно выдергиваю окуня на плот. Чудовище впустую захлапывает пасть и, крутнув могучим хвостом, исчезает так же быстро, как появилось.

— Щука! — говорю я. — Валерка, щука! Да такая, что и во сне не снилось. Видел ты ее?

— Нет, — буркнул Валерий, не поднимая головы от работы.

Окунь долго не отцеплялся, с катушки спустилось несколько мотков лески, а когда я стал их расправлять, то еще больше запутал. Ах, уйдет, уйдет эта щука!

Но щука не ушла. Едва блесна погрузилась в воду, как леску дернуло с такой силой, что я еле удержал удилище. Щучью хватку не спутаешь ни с чьей. Она не догоняет блесну, как окунь или хариус, а бросается на нее сбоку, хватает и резко поворачивает обратно, потому и толчок получается очень сильный... Катушка сорвалась с тормоза и затрещала, разматывая леску. Я закрепил тормоз и стал сматывать леску. Скоро увидел щуку. Метровая, толстая, с сомкнутой удлиненной челюстью и злыми глазами, она серой молнией металась вправо и влево, пытаясь освободиться от якоря. Леска, звеня, резала воду. Перед плотом щука выметнула в воздух, рванула всей тяжестью назад и как-то неловко, плашмя, упала в воду. В тот же момент я почувствовал, как полегчал в руках спиннинг. А леска наморщилась и обвисла. Ах, проклятая, сорвалась! Да не просто сорвалась, а оборвала блесну и унесла с собою на дно. Конец лески колечком лег на плот. Какая обида! Добраться до большой рыбы и потерять последнюю блесну. Я чуть не застонал от отчаяния.

А Валерий уже заканчивал свой спиннинг. К короткой обструганной палке он привязал бинтами катушку. На конце палки было вделано колечко, выгнутое из медной проволоки. От алюминиевой ложки отломил ручку, в пенечке ложки пробил дыру, пропустил через нее металлический поводок с якорем и теперь привязывал поводок к леске.

— Возьми мое удилище, — предложил я.

— Нет уж, — мотнул головой Валерий.

Я понемногу успокоился. Да и стоило ли переживать. Рыбы надолго хватит. Дня через три приплывем в Усть-Бердыш, где, возможно, добуду себе новую блесну. Ну, а Валерию все равно не обогнать меня. Не поймает же он сейчас на свою ложку хариуса и восемь окуней.

Я вытащил шест и выгреб плот на середину. Широкими кругами ходили хариусы. Нисколько не поредевшая стая ярких окуней стояла над серым сигарообразным бревешком. Но что это? Бревешко шевельнулось, и вся стая отпрянула от него. Да это же щука! Тогда я всмотрелся в другие бревешки и тоже узнал в них щук. Голубовато-се-

рые, будто слегка занесенные песком, они недвижно висели над самым дном. Вначале мне даже показалось, что не висели, а лежали на дне.

У одной щуки я увидел торчащую из угла пасти мою блесну. Желтая и яркая, она сияла, как золотая серьга.

— Вот бы выловить ее! — снова заволновался я и показал Валерию на щуку. У него загорелись глаза, и он потребовал:

— Только ради бога тише. Не пугай.

Я и без того вел себя совершенно тихо. Наблюдал, как отпрянувшие окуни возвратились к щуке. Они стояли у ее хвоста, самые отчаянные решались доплывать до середины спины. Ах, шалунишки! Балуются с опасностью, играют на своих нервах. Им, верно, как и людям, доставляет удовольствие ходить по острию ножа. У одного окуня был вырван весь бок, а он все не унимался, все лез на рожон и добирался даже до передних плавников щуки. Тогда щука слегка разнимала пасть, лениво, чтобы только испугать, двигала головой, и окуни рассыпались кто куда.

Наконец запустил свою блесну-ложку и Валерий. Она шлепнулась по воде громко, со всхлипом.

— Пушка выстрелила! — рассмеялся я. — От такой пальбы вся рыба разбежится.

Валерий не отшучивался. Спистнув зубы, сосредоточенно крутил катушку, в такт движениям руки тряслась его голова. Катушка внезапно споткнулась. По побледневшему лицу Валерия я догадался — рыба, а еще через секунду увидел ее — щука. Была она не меньше той, что пытался вытащить я, и с такой же силой водила зигзагами леску. Когда мы выкинули щуку на плот и я перерезал ей возле головы хребет, Валерий первый раз за все утро улыбнулся.

— Молодец! — похвалил я.

Валерий торопился. С мясом вырвал из щучьей пасти якорь и вновь забросил блесну... Этот толчок почувствовал и я: вздрогнул плот. А Валерий еле удержался на ногах.

— Что? — спросил я.

— Леска, наверное, не выдержит.

— Может, за корягу зацепил.

— Нет, щука.

— Давай помогу.

— Не надо.— И Валерий ревниво отстранил меня плечом.

Звенела до предела натянутая леска, дрожала катушка,

и слышно было, как рвались нитки в бинте, которым она была привязана к удилищу. Валерий, приспустив немножко лески, накрутил ее на руку, и я увидел, как на ладони, на сгибе, вырызнула кровь, и леска окрасилась в красное. Но Валерий ничего не замечал. На его висках вздулись синие вены. Понемножку он все-таки выбирал леску. Но я заметил, что это не рыба к нам подвигается, а мы с плотом к ней.

Вот уже щуку видно. Целая акула, способная, кажется, проглотить человека.

— Ох, не поднять нам такую на плот,— жалобно сказал Валерий.

— На берег легче вытащить.

— Гребь к берегу.

Схватив шест, я изо всех сил замахал им, как веслом.

— Ох, только бы не оборвалась,— страдальчески говорил Валерий,— тогда я не знаю, что со мной будет.

Когда до берега осталось не больше двух метров, а шест уже стучался о дно, Валерий не вытерпел и прыгнул в воду. Щука почувствовала послабление, рванулась и чуть не опрокинула его на спину. Взмахнув руками, Валерий удержал равновесие. Потом перекинул леску через плечо, как бечеву, и, нагнувшись вперед, выбрался на берег. Щука возле берега. Она взбила воду. Забыв о часах на руке, я прыгнул в этот водоворот. Вода была по пояс. Щука больно била хвостом по ноге. Наклонившись, я запустил пальцы под ее жабры, щука сразу обмякла, и я вытащил ее на берег. Вот она лежит в траве, с пятнистыми боками и желтоватым, гладким, будто лайковым брюхом. Валерий замерил ее длину и торжественно сказал:

— Метр тридцать восемь!

Потом попробовал на вес.

— Двенадцать килограммов будет.

— Будет,— согласился я.

Я отвернулся, чтобы не видеть черного, улыбающегося во весь рот, счастливого лица Валерия. Свершилось чудо. Одним махом он перекрыл всех моих восемь окуней и хариуса. И как это оборвалась моя блесна? Леска, верно, была подпорчена репудином.

Валерий в третий раз метнул блесну. И опять схватила щука. И опять я залез в воду и помог ему выволочить ее в траву.

Бросив спиннинг на землю, Валерий отплясывал во-

круг шук дикарский танец. Потом подскочил к спиннингу, поднял ложку и несколько раз громко поцеловал ее.

— И все она! Привезу ее домой, под стекло положу.

Я снял с себя мокрую одежду и понуро отжимал ее. Поражение было полное. Валерий положил меня на обе лопатки. И чем? Обыкновенной белой алюминиевой ложкой! И я знал, сколько бы я теперь ни ловил хариусов и окуней, мне все равно в это путешествие уже не быть победителем.

Разожгли костер. Разделали одну щуку, разрезали на куски, и все они не вошли в ведро. Когда уха сварилась, Валерий подкладывал мне самые большие куски и хлебо-сольно уговаривал:

— Ешь, пожалуйста, не стесняйся.

ЗЯМА И КУБ

Однажды в моем отделе появились двое незнакомцев. Пока они с неловкой старательностью прикрывали за собой дверь и подходили к столу, я успел их разглядеть.

Один был высокий, жидкий, с удлиненным, женственно-красивым лицом, другой, напротив, низкорослый, широкий, весь какой-то квадратный и на лбу у него рдели тугие сочные прыщи, толстый нос тяжело нависал над пухлыми выпяченными губами, глаза прятались за массивные очки.

— Зяма Ветров, — легко согнувшись над столом и протянув узкую тонкую руку, назвался высокий.

— Александр Мутовкин, — представился коротышка. Чтобы пожать мою руку, ему пришлось обойти стол.

Они сели на диван: Зяма — закинув ногу на ногу, расслабленно облокотившись на валик, Мутовкин — на краешке.

— Мы вас уже видели, — сказал Зяма. — На улице. Вы шли в синей шляпе. Да вот она, — он кивнул на вешалку, где висела шляпа. — И я сказал тогда: наконец-то в этом городе встретился человек, который умеет носить шляпу. Помнишь, Куб, я сказал: вот кто умеет носить шляпу!

— Да, — не совсем уверенно подтвердил Мутовкин.

Я понимал, что Зяма льстит, расхваливая меня за шляпу, и Мутовкин льстит, соглашаясь с ним, и понимал, что делают они это из желания завоевать доверие самым легким способом, но все равно мне было приятно. И вместо того, чтобы отшутиться, я смущенно произнес:

— Разве я ее как-то по-особенному ношу?

У Зямы дрогнули уголки губ, и он поспешно прикрыл веками свои большие глаза. Я не успел засечь их выражение, но убежден, что в них светилось мелкое торжество: ага, клюнул на шляпу!

Ну, сейчас я их поставлю на место. Наверняка принесли какую-нибудь чепуху. И я взглянул на свернутые в трубку белые листы бумаги, которые держал в руках Мутовкин.

— Показывайте, что у вас.

Мутовкин протянул листы. Я небрежно развернул их и стал читать. «В село приехал цирк». Зарисовка. Днем на улицах села Кашки тихо, безлюдно. Взрослые — в поле, на фермах. На мягкую от пыли улицу въезжает голубой автобус, обклеенный разноцветными афишами. Невесть откуда появляются мальчишки и девчонки, шлепают босыми ногами по пыли, бегут за автобусом и орут, как сорочата: «Цирк! Цирк! Цирк приехал!»

Автобус останавливается, из него выходят обыкновенные люди в обычных городских костюмах. Мальчишки и девчонки разочарованы: «А где же клоун?»

Концерт состоялся вечером, в парке. Ребятишки тяжелыми гроздьями повисли на деревьях, восторженно визжали над проделками клоуна.

— Ну как? — озабоченно спросил Мутовкин, не обладавший выдержкой своего друга.

— Чувствуется, что вы уже кое-что писали.

— Мы литературный институт в Москве закончили, — скромно сказал Зяма.

— Имени Горького?

— Нет.

— Разве есть еще какой-то литературный институт?

Гости переглянулись, замялись, а Мутовкин так густо покраснел, что, казалось, лопнут прыщи на его лбу. Он покаянно сказал:

— Библиотечный закончили.

Ага, попались голубчики! Теперь-то я с вас взыщу за шляпу!

— Библиотечный! Вот никогда бы не подумал, что там учатся парни.

— Литературу мы изучали по университетской программе, — самолюбиво произнес Зяма, покосившись на голубой с золоченым гербом ромбик на лацкане моего пиджака.

— Некуда было деться, — хмуро признался Мутовкин. — Толкались и в литинститут, но по конкурсу не прошли.

— А кем вы здесь работаете?

— Куб — директор областного Дома творчества, а я — директор методкабинета культпросветработы.

— Ого! Сразу после института — в директора! Редкий случай. Знаете, я сейчас же проставлю ваши промкие титулы под фамилиями. Зарисовка займает, да и в газете у нас это любят.

— Пожалуйста, не надо, — попросил Мутовкин. — Мы равнодушны к титулам.

— А к чему вы не равнодушны?

— К литературе.

— Надеетесь, что со временем ваши фамилии получат журналистскую или писательскую известность?

— Ради газеты мы охотно бы расстались со своими высокими должностями, — сказал Зяма.

— Давно вместе пишете?

— Пять лет, — ответил Зяма.

— С того дня, как познакомились, — улыбнулся Мутовкин. — Познакомились мы с ним интересно. В институте я его сразу же заметил. Высокий, щеголеватый — костюм с иголочки, шелковая рубашка, тоненький галстук. Подумал: вот хлыщ, надо ему как-нибудь морду набить. А тут Зяма сел, закинул ногу на ногу, вот так же, как сейчас, и я увидел у него на носке дыру, а сквозь нее — грязную черную пятку. Обрадовался — свой парень! Ударил по шее — и с той минуты мы с ним соавторы.

Мутовкин хохотнул, а Зяма недовольно взглянул на него, скинул болтавшуюся в воздухе ногу на пол.

— Вы веселые парни. В мой отдел нужен литсотрудник. Жалко, что только пишете вдвоем. Штатным расписанием такой вариант не предусмотрен.

Зяма заторопился, встал.

— Очень приятно, что познакомились с вами. Наша зарисовка будет напечатана?

— Думаю, да.

Оба по очереди пожали мне руку и направились к двери — впереди длинный Зяма, следом — короткий квадратный Мутовкин.

Не успел я выправить зарисовку, как в кабинет бесшумно вплыла Зоя Викторовна, ответственный секретарь, полная, с молочно-белой шеей и пышными золотистыми волосами женщина.

— Что это за Пат с Поташоном к тебе плиходили? — спросила она тоненьким голосом, по-детски картавя. Я никак не мог привыкнуть к ее голосу, и мне все время казалось, что она, как Рина Зеленая, играет под девочку и что настоящий ее голос совершенно другой, низкий и звучный.

— Это были Ильф и Петров.

— Да?! Котолый же из них Ильф?

— Маленький.

— Холошо пишут?

— Ничего.

— А не площелыги они?

— Зачем же такое недоверие к людям? Они очень важные особы — директора крупнейших областных учреждений.

— Не мистифицилуй меня, пожалуйста.

— Честное слово. Ильф — директор Дома народного творчества, Петров — директор методкабинета культпросветработы.

— Покажи, что они плинесли.

Я протянул листки; Зоя Викторовна с профессиональной быстротой пробежала по ним глазами и, возвращая мне, сказала:

— Сдай сегодня. Закажу художнику лисунок. Поставлю в восклесный номел.

И пошла. Посреди комнаты повернула в мою сторону голову, отягченную пышными золотистыми волосами.

— Плигласи завтла ко мне Ильфа и Петлова.

— С удовольствием, — я изобразил на лице ироническую улыбку, и Зоя Викторовна сердито стукнула дверью.

В редакции все знали о ее пристрастии к молодым талантам. Она любила открывать и печатать их, причем печатать, нарушая всякую газетную субординацию. Материалы новоиспеченных талантов попадали к ней на стол,

минуя всякие отделы, она сама правила их и сразу же ставила в номер. К сожалению, больше месяца покровительствовать она не умела. Уставала, разочаровывалась, пугалась чего-нибудь или просто появлялся новый талант и, забыв о старых привязанностях, она начинала делеять его с прежней страстью. Зоя Викторевна походила на некоторых именитых писателей, которые шумно и радушно поддерживают молодого литератора, пока он средненько, ученически пишет, и отворачиваются от него, как только он чему-нибудь научается.

Я перепечатал на машинке зарисовку, отнес ее Зое Викторевне и стал собираться домой. Осипше задремал телефон. Я снял трубку.

— Это Зяма вас беспокоит. Зяма Ветров.

— Хотите что-нибудь исправить в зарисовке?

— Нет, — сказал Зяма и замолчал. Я терпеливо ждал. — Приглашаю вас сегодня к нам на ужин. Жена борщ сварила. А у меня еще с Москвы бутылочка «Муската» сохранилась.

Я вспомнил наставление Петра Евсеевича: каждый за честь считает с журналистом выпить, но ты, отказываясь, будь бдительным, не срами высокое звание; вспомнил и сказал:

— Не могу.

— Одну минутку, — торопливо крикнул Зяма, и я в ту же секунду услышал в трубке женский голос:

— Сейчас за вами пойдет Зяма. Вы непременно должны прийти к нам. Это говорит Лида, Зямина жена.

Она, верно, была убеждена, что уговорила меня, и, не дождавшись ответа, положила трубку. Мне ничего не оставалось делать, как снять шляпу, повесить ее обратно на крюк и дожидаться Зяму.

Зяма снимал комнату в старом частном домике на окраине. Но обставлена она была вполне современно: низкий чайный столик на тонких ножках, трельяж, складные застекленные книжные полки, мягкое чешское кресло, обитое бордовым плюшем.

— Из Москвы все привезли, — сказал Зяма. — А спинка кресла откидывается и получается кровать. Так что мы с вами можем пить без опаски: есть на чем спать.

Лида была высокая, стройная, с рассыпанными вокруг узкого бледного лица каштановыми волосами. Походила на Зяму. Я подумал, что мужья и жены после нескольких

лет супружеской жизни становятся похожими друг на друга не только внутренне, но и внешне.

На столе, как и обещал Зяма, появились борщ в эмалированной кастрюле и бутылка «Муската» с золотистой этикеткой, на которой были изображены многочисленные медали, присужденные вину на выставках. Много всего было и сверх обещанного: колбаса, красная икра, крабы, туруханская селедка, огурцы, все аккуратно нарезанное, аккуратно разложенное по тарелочкам. И еще пол-литра водки. Не было только Мутовкина. Я почему-то считал, что Мутовкин обязательно будет у Зямы. Я даже думал, что они вместе живут.

— Давай на «ты», — сказал Зяма, поднимая рюмку с водкой.

— Давай, — согласился я.

— Плохой водки нет. Есть только хорошая или отличная, — неумело крикнув, произнес Зяма чужие слова. Я молчал. Лида задумчиво рассматривала на свет рюмку с вином.

— Тебе в отдел правда нужен литсотрудник? — Зяма повернулся ко мне вместе со стулом.

— Правда.

— Возьми Куба. Талантливый парень. Горазд на всякую выдумку. Мы с ним вместе в заводской многотиражке работали. Такие номера откалывали, что читатели пальчики облизывали.

Я заинтересованно слушал, и Зяма, ободрившись моим вниманием, доверительно положил руку ко мне на колено и горячо продолжал:

— Только вот с семьей у Куба не все хорошо. Знаешь, он ведь женат. Не совсем, правда. Не расписан, но жена. Головой ручаюсь, что у него прочно, не шуры-муры какие-нибудь. Вся его любовь разыгралась на моих глазах. Ее Валеи зовут. Она старше Куба на восемь лет. Но красивая, здорово сохранилась. У нее сын. Большой, длиннее Куба. Его старики считают, что Валя — коварная соблазнительница. А Куб сам настоял, чтобы они поженились. Теперь старики отреклись от Куба. Пишем не пишут. Пишет сестренка. Валя скоро приедет сюда... Надеюсь, у вас в редакции не ханжи сидят и не посчитаются с изъянчиком в его биографии.

— Куб очень разбросанный, — сказала Лида, поглаживая пальцами рукав зяминоного пиджака. — В голове тыся-

ча идей, и за все он враз хватается. Обычно они с Зямой начинают статью вместе, а заканчивает ее один Зяма. А Куб уже думает о другом. Если вы его возьмете, то вам придется его перевоспитывать.

— Что ни говори, Куб — замечательный парень, — для пущей убедительности Зяма даже встал со стула и выкинул руки вверх. — У нас в институте его все любили, слагали о нем легенды. Его однажды чуть не посадили в тюрьму. Да, было и такое. Куба за что-то выгнали с семинара, он разозлился и так сильно саданул дверь, что в аудитории со стены упал портрет. А портрет был не чей-нибудь, а Лаврентия Павловича Берия. Через час приехали следователи. Мы все — за Куба: не нарочно, случайно, шнурок уже истлел и порвался от толчка. Чтобы убедиться в этом, предлагали еще раз повесить портрет и стукнуть дверь. «Как? Издеваться над портретом!» Нас всех выгнали из аудитории. Потом уж мы узнали, что следователи повесили на шнурке мешок с камнями такого же веса, что и портрет, хлопнули дверь, и мешок оборвался. И это спало Куба.

— Мутовкин мне нравится, — сказал я, взглянул на Зяму и увидел, как его глаза растерянно заморгали. У Лиды разочарованно дрогнули бледные губы. Больше я не пил, как меня ни уговаривали. Я уже догадался, что это один из тех ужинов, за которые потом расплачиваешься собственной совестью.

...Прежде, чем пройти в свой кабинет, я заглянул к Зое Викторовне, где по утрам собирались почти все заведующие отделами, собирались потрепаться, обменяться новостями, забрать свежие гранки, попросить места для гвоздевой информации.

Зоя Викторовна, не ответив на приветствие, сунула в мою руку какую-то гранку и сухо сказала:

— Выбрось в корзину!

Зоя Викторовна не картавила, что с ней бывало лишь в тех случаях, когда она очень сердилась. Я развернул гранку и прочитал: «В село приехал цирк».

— В чем дело? — удивился я.

— Я сразу увидела, что твои Ильф и Петров — прощельги.

— Они — директора.

— Все равно прощельги. Сегодня их зарисовку читали по радио.

— Вы что-нибудь путаете.

— Не путаю. Собственными ушами слышала. В безлюдную улицу въехал обклеенный разноцветными афишами автобус, мальчишки и девчонки кричали «цирк», а потом гроздьями повисли на деревьях.

У Зои Викторовны сидел Петр Евсеевич, приходивший всегда на работу одним из первых. Он так напряженно прислушивался к нашему разговору, что, казалось, слегка приподнялись над головой его и без того большие уши.

— Про цирк слышал и я, — промолвил он. — Ты потерял бдительность. Это я принципиально говорю. Принципиально, — и поднял вверх указательный палец.

— Ну как, приглашать к вам их или нет?! — улыбнулся я.

— Боже упаси, — простонала Зоя Викторовна.

— Сейчас я сам разберусь во всем, — повернулся и пошел к себе.

Не раздеваясь, позвонил в Дом народного творчества. Трубку поднял Мутовкин. Голос у него был басовитый, уверенный, начальственный, и если бы я его накануне не видел, то, наверно, представил бы по голосу этаким кабинетным богатырем, под которым скрипят, расползаются казенные стулья.

— Что же, голубчики, вы подвели меня?

— Как так подвели?

— Хватит притворяться. Ты же знаешь, о чем я говорю.

— Ничего не знаю, — в голосе появились встревоженные, совсем не начальственные нотки.

— Не чужой дядя отнес вашу зарисовку на радио.

— Куда?

— На радио. Сегодня в утренней передаче ее слышали несколько человек из редакции.

— Честное слово, я тут ни при чем, — выкрикнул Мутовкин. — Впрочем, подождите, — и трубку на том конце провода или прикрыли ладонью или отложили в сторону, в глухом отдалении я различал спорящие голоса, но не смог разобрать ни одного слова. Потом прозвучало совсем рядом:

— Алло! Вы здесь? Мы сейчас придем.

Я ждал обоих: и Зяму, и Мутовкина, но пришел один Мутовкин, приниженный, виноватый, в распахнутом пальто, с растрепанными волосами, густо обсыпанными перхотью. С кончика толстого носа свисала капелька пота, он

снял очки и стал их протирать измятым носовым платком, близорукие серые глаза смотрели растерянно и наивно, и мне помимо воли стало жалко его. Я примирительно спросил:

— Вы с другом имеете хоть малейшее понятие о журналистской этике?

— Да, да.

— Послушай, Куб, ты и в самом деле про радио ничего не знал?

— Нет. То есть знал, — замялся Мутовкин.

— А по-моему, ты врешь. Зарисовку на радио отнес один Зяма. Отнес, даже не предупредив тебя. Так?

Мутовкин испуганно дернул головой, надел очки и молча уставился на меня.

— Хороши друзья-соавторы! Порознь-то вы хоть что-нибудь пишете?

— Я пишу, — оскорбленно буркнул Мутовкин. — Стихи, иногда рассказы.

— Вот как! Стихи! А Зяма?

— Про него не знаю.

— Ну, все ясно... Ты очень хочешь в газете работать?

— Да.

— Сможешь по нашей командировке дней на десять съездить в район и привезти очерк?

Резко и недоверчиво блеснули очки Мутовкина.

— Если это не шутка...

— Значит, согласен. Приходи после обеда. Обговорим тему и получишь в бухгалтерии командировочные. Очерк, конечно, должен быть совершенным, на уровне столичной газеты, например, «Известий», иначе о твоём поступлении в газету и разговора не будет.

— А Зяма?

— Что Зяма? — не понял я.

— Он тоже рвется в газету.

— Ты мне нравишься, Мутовкин. Но я тебе вот что скажу — хочешь верь, хочешь не верь — Зяма в таком положении и не вспомнил бы о тебе. Я знаю, что он рвется в газету. Если будешь работать у нас, то скажешь ему, что я прислушался к его совету!

РАБОЧАЯ АРКТИКА

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ

Обычно с наступлением лета связывается много различных планов. Хочется побывать в самых отдаленных местах нашей Родины, чтобы осенью было о чем вспомнить, было о чем рассказать друзьям, знакомым.

Короткое северное лето уже подходило к концу, а интересных поездок совершить никак не удавалось. Да, пожалуй, и не удалось бы, если бы... Если бы не приглашение издалека, которое действовало как вызов.

Получаю письмо с Диксона от знакомого: «Дружище, нахожусь в Карском море на зверобойном промысле. Очень много интересно. Представится возможность — приезжай. Не пожалейшь».

Легко сказать — приезжай, когда от Салехарда водным путем до места промысла свыше полутора тысяч километров. Регулярного сообщения нет. Разве что какой-нибудь попутный транспорт? Вряд ли. И все же, к счастью, возможность представилась.

«СОПОЧНЫЙ» ИДЕТ В АРКТИКУ

Давно миновали времена первых арктических исследований. Уже далекими кажутся и 30-е годы — затертый льдами «Челюскин», первая дрейфующая научно-исследовательская станция «Северный полюс», героический полет Чкалова, Байдукова, Белякова... Ледовые поля рушит теперь полярный флагман атомоход «Ленин». Комплексное изучение Арктики ведут десятки полярных станций, высокоширотные экспедиции.

Но мальчишки по-прежнему играют в «папанинцев», книжки о полярных летчиках зачитываются до дыр, на уроках рисования свободная тема оказывается одинаковой: Север, торосистые льды, ледоколы. Нет, не угасает, а с годами переходит во все возрастающую степень огромный интерес к таинственной, загадочной Арктике — этому экзотическому району нашей страны.

И вот — курс в Арктику. Сбивается давнишняя, рожденная еще в детстве, мечта побывать как можно ближе у вершины «земного шарика». Правда, мы не будем на Северном полюсе. Но все же увидим Диксон, далекие северные острова, побываем у полярных зверобоев, на охотничьих зимовках. Уже несколько суток рыбоморозильное судно «Сопочный» находится в пути, в большом и трудном плаваньи. Несколько суток. Скоро Диксон. А я все задаю себе вопрос: «Где же начинается Арктика — заманчивая страна, «кухня холода»? Ее дыхание почувствовалось, пожалуй, еще в самом начале пути — на Полярном круге, когда «Сопочный» отходил от причала Салехардского рыбоконсервного комбината. В тот субботний августовский вечер северная непогода бушевала с какой-то особенной, поразительной силой. Даже на узком под осень Полуе расходились большие волны. Ветер срывал с них гребни и гнал брызги над поверхностью воды, как снежную поэмку.

Потом попали в штормовую толчею у мыса Трехбугорный, в устье Тазовской губы. Тогда погода в течение суток менялась несколько раз. То моросил холодный дождь, то неожиданно налетал снег. Временами, лишь на мгновение, проглядывало из-за разорванных, низко висевших туч солнце и тут же скрывалось. Заметно похолодало. Температура воздуха упала до нуля. И прогноз не предвещал ничего утешительного. Чем ближе было Карское море, тем сильнее становилось нетерпение увидеть его. Ведь это уже настоящая Арктика. И вот заполне-

ны пресной водой баки. Около умывальников появилась лаконичная надпись: «ЭКОНОМЬТЕ ВОДУ!» Мы на выходе в море. В каюте не сидится. На непродолжительное время погода умирилась. Улеглось волнение на поверхности воды. От острова Белый берем курс на восток к острову Вилькицкого. Иным стал цвет воды. Она черная, увитая, как серпантин, широкими лентами пены. Спокойствие было непродолжительным.

Море заклокотало. Волны почти играючи подкидывали «Сопочный», укладывая его с боку на бок. То он медленно взбирался на гребни волн, словно преодолевая перевалы, то оказывался в провалах между волнами, будто в маленьких ущельях. Небо, как глубокой осенью, хмурое, седое. А ветер все усиливается, крепчает. Он отчаянно свистит в вантах, антеннах, иллюминаторах, валит с ног человека на палубе. Ветер непрерывно обрушивает на судно шквалы соленой морской воды. Тяжелые брызги бьют в смотровые окна рубки. Вода невесть как проникает в каюты сквозь наглухо задраенные иллюминаторы. Противная, нудная качка. Незаметно многие оказываются во власти «морской болезни».

В открытом море воедино сливаются гул двигателей, рев моря, вой ветра. Шторм нарастает. Встречный ветер достигает девяти—десяти баллов. «Сопочный» заметно теряет скорость. Иногда винты работают совершенно вхолостую. Далеко берега Ямала. Укрыться от ветра негде. И нельзя повернуть назад.

«Сопочному» не впервые выпало такое испытание. Раньше

его бросало в водах Атлантики, на Балтике. Бывал он уже и в Карском море. Сейчас предстоит загрузить трюмы белужьим мясом, приняв его от салехардских зверобоев, находящихся восточнее Диксона. Потом мясо будет доставлено на зверофермы Ямала.

Летом в арктических широтах можно встретить различные промысловые и транспортные суда. С некоторых пор Арктика стала знакомой для судоводителей Западной Сибири. Они часто выходят за пределы Обской губы. Участвуют в перегоне судов Северным морским путем, ведут новые теплоходы на Обь и Иртыш. Огибая Ямал, буксиры тянут лихтеры с грузами, продовольствием, промснаряжением из Салехарда в Байдарацкую губу на новые рыбоучастки.

Сколько увлекательнейших и в то же время нелегких плаваний совершили мои знакомые капитаны Вячеслав Иванович Лашевич, Александр Степанович Мещеряков, лауреат Государственной премии Виктор Иванович Евдокимов. Каждый дальний рейс — это целая история, занимательная книга, полная различных событий и приключений. Моряки говорят всегда просто, предельно скромно: «сбегал». Из Салехарда «бегают» в Архангельск, Мурманск, на Диксон, за тысячи километров. Зачастую и суда не пригодны для морских переходов, и полярная навигация на исходе, а приходится выполнять неотложные задания, пробиваться во льдах.

— Однажды, — рассказывал капитан тоболяк Григорий Иосифович Купчик, — ехали с нами кинооператоры. Уж больно им хотелось заснять шторм в море. По-

началу ребята держались. Но как только попали в шторм, их так укачало, что головы поднять не могли. О съемках и думать не приходилось.

Моряки смело, самоотверженно вступают в единоборство со строптивой Обской губой, с коварным Карским морем. Десятки судов, выброшенных жестокими штормами на безжизненные, пустынные берега, — свидетельство яркого характера северных водоемов. Что говорить о маломощных судах, если на мель у восточного берега Обской губы был выброшен морской пароход «Сухуми». Если хотите узнать, какой ценой достаются тысячекилометровые переходы по морям Северного Ледовитого океана, посмотрите на бывалых капитанов. Большинство их поседело раньше времени. Наверное, не от легкой жизни бытует такое выражение: «Кто на море не бывал, тот и горя не видал».

ТОБОЛЯКИ

Многое испытал за свою жизнь капитан «Сопчного» Юрий Александрович Аксенов. Позади восемнадцать навигаций. Вехи на Иртыше, Оби — своеобразные вехи его жизни. Аксенов во всех направлениях избородил Обскую, Тазовскую и Байдарацкую губы, которые считаются для плавания хуже, чем море. Не раз бывал он и в Карском море. Его уговаривали остаться на берегу, предлагали более спокойную работу. Капитан не согласился. Как коммунисту, Юрию Александровичу поручают самые ответственные задания.

С годами незаметно меняется характер человека, вырабатываются иные черты, иные привычки. В Аксенове остается одна замечательная черта, в такой степени присущая, наверное, только ему одному. Это исключительно деловое спокойствие. Такие люди не теряли душевного равновесия в самую трудную минуту.

Вождение судов по морю — сложное дело. Надо обладать не только большими навыками. Нужно иметь настоящее, а не показное мужество, крепкую выдержку. Аксенову этого не занимать. Он отлично знает судовождение. Всегда уверен в себе и в людях, с которыми работает. Склонившись над навигационными картами, капитан и его старший помощник Анатолий Медер сосредоточенно делают прокладку, детально обсуждая возможность и необходимость изменения курса.

А в это время в машинном отделении внимательно следит за двигателями старший механик, коммунист Климентий Дмитриевич Байшев. Он плавает на Крайнем Севере уже четверть века. В тяжелые годы войны Климентий Дмитриевич работал в Заполярье на маленькой зверобойной шхуне. Однажды поздно осенью возвращались в Тазовское. Навстречу шел лед. Пройти не смогли. Так и зимовали в Тазовской губе, среди ледяных торосов. Всю зиму жили на судне, предельно экономя продукты и топливо. Весной, с наступлением ледохода, шхуна получила пробоину и затонула на неглубоком месте. Над водой остались лишь мачты. Климентий Дмитриевич и еще шестеро человек, прихватив с собой остатки

сухарей, ружье, забрались на мачты, укрепившись веревками. Трое суток сидели они над водой. Потом их обнаружили ненцы-оленьеводы, находившиеся на берегу. Сообщили в ближайший поселок. Только тогда пришло на помощь судно. Все семеро были спасены.

Вместе с Байшевым несут вахту его брат электромеханик Константин Дмитриевич Байшев, моторист Василий Савчук. Внимательно следит за порядком на судне боцман Анатолий Монастырев. В эфире «хозяйничает» опытный радист Сергей Козлов, поддерживая связь с Тобольском и Салехардом. В камбузе хлопочет над приготовлением очередного обеда кок Мария Александровна Малькова. Все они тоболяки. И в то же время бывалые северяне. Много раз совершали трудные рейсы, так же, как Климентий Дмитриевич Байшев, каждый хранит в памяти какую-нибудь особенно интересную историю. С опытными моряками вышли в плаванье и уверенно держатся курсанты Тобольского мореходного училища.

В любую погоду жизнь на судне идет, как на земле. Проводятся производственные собрания. Любители шахмат разыгрывают первенство. Завятыые рыбаки и охотники готовят в свободное время снасти и ружья. Они намерены порыбачить и поохотиться на побережье Таймыра. Даже косолапый «матрос» медведица Машка, вторично оказавшаяся в Арктике, чувствует себя в своей стихии. Она не проявляет особого беспокойства, смирилась с качкой. Машка — предмет всеобщего внимания.

«СТРАЖ ПОЛУНОЧНЫХ МОРЕЙ»

Дождливым августовским утром, пробившись сквозь лабиринт островов Верн, Медвежий, Белуха, мы стали подходить к Диксону. Показались темные кубики двухэтажных поселковых домов, игольчато-тонкие антенны метеостанций: 74-я параллель. Раньше я много слышал и читал о Диксоне. Он представлялся своеобразной столицей Арктики. И не ошибся в своем воображении.

Диксон — опорный пункт Северного морского пути. Образно его именуют «стражем полуночных морей». Здесь морской арктический порт. Хоботы могучих кранов, кажется, подпирают белые, ползущие с Ледовитого океана облака. Внимательно вчитываемся в названия судов, о которых еще вчера знали только из книг, но которые сейчас стоят по соседству с нами на рейде.

Только что покинул Диксон ледокол «Георгий Седов». У причала бункеруется углем ледокол «Капитан Мелехов» и пароход «Зоя Космодемьянская». Вернулся из очередного рейса и встал на якорь рядом с «Сопчным» дедушка русского ледокольного флота «Ярмак». Из Архангельска доставил продовольствие и пассажиров теплоход «Кооперация». Ждут отправки на Лену красивые сухогрузные теплоходы «Смоленск» и «Дивногорск», лихтер с «ракетами» на подводных крыльях, танкеры, построенные на Тюменском судостроительном заводе. Для формирования и проводки каравана пришел атомолод «Ленин». Вот это и есть сегодняшняя обыкновенная Аркти-

ка, увиденная в ее лучшую пору, когда нет метелей.

Советский Диксон — большой поселок, где живут полярники. Каменистая тундра уступает дорогу новым домам. В поселке, как на Большой земле, есть все: детсад, школа-интернат, больница, библиотека, магазины. Ходишь по улицам, и отчетливо встают перед глазами страницы истории покорения Арктики.

Вспоминается героическая жизнь отважного русского землепроходца Никифора Бегичева. Здесь пал норвежский моряк Тессем, пройдя с важным донесением Амундсена зимой на собаках и пешком по побережью около тысячи километров. Всего лишь три километра не дошел Тессем до Диксона и погиб. Отважному норвежцу поставлен памятник.

Здесь все открыто холодам и ветрам. За лето полностью не успевает стаять снег. День и ночь бьются о скалы студеные воды Ледовитого океана. Низко над водой проносятся с криком чайки. А мальчишки Диксона мечтают о далеких плаваниях и полетах. Они просятся с нами в дорогу.

Сюда, на Диксон, увидеть настоящую Арктику приезжают каждое лето туристы из Москвы, Ленинграда, Киева, Воронежа, Красноярска... О жизни далекого заполярного поселка много интересного рассказывают секретарь Диксонского райкома партии А. Богачев, старый полярник, начальник гидрографической базы Н. Алеев. Сердца жителей Диксона бьются в едином такте со всей страной.

...На седьмые сутки «Сопчный» наконец добрался до места назначения, преодолев свыше полутора тысяч километров. Заклю-

чительным аккордом явилось штормовое испытание вблизи островов Каменных. Вечером 25 августа температура воздуха упала до трех градусов холода. Ветер расвирепел. Небо почернело, ментально повалил снег. Начался сильный буря. Снежные хлопья тотчас же залепили окна рубки Мгла. Никакой видимости. Летняя Арктика показала свое настоящее лицо. Это было дыхание Северного полюса.

И вот в кромешной снежной мгле старший помощник капитаны Анатолий Медер обнаружил в бинокль у острова Западный Каменный океанские сейнера Салехардской базы морского промысла, лихтер «Яда» и буксирный теплоход «Смелый». С сейнеров взметнулись в северное небо разноцветные ракеты. Несмотря на поздний час, зверобои, обработчики высыпали на палубы судов.

Свой! Здравствуйтесь, салехардцы!

ПОЛЯРНЫЕ ЗВЕРБОИ

Помнится, когда я впервые узнал о полярных зверобоях, то почему-то сразу представились они такими богатырями, суровыми, «трудными на разговор» людьми. И, странная вещь, чем больше приходилось читать и слышать о советских и зарубежных китобоях, об охотниках за тюленями и нерпой, рисуемое воображение не менялось. Но стоило увидеть первого настоящего зверобоя, как старое представление рухнуло. Это был обыкновенный человек, коммунист Петр Митрофанович Наваров, многие годы своей жизни посвятивший зверобойному промыслу.

Наваров — коренной сибиряк, уроженец Тары, небольшого сибирского городка на Иртыше. С детства подружился он с этой могучей песенной рекой. С детства приучил себя смело выходить навстречу волне. Позднее, когда Петр Митрофанович работал на Дальнем Востоке, известный дальневосточный промысловик Непомнящий удивлялся, как уверенно держится на воде его ученик. Тот на подобные вопросы отвечал просто: «Первая школа пройдена на Иртыше».

Три года назад Наваров приехал с Дальнего Востока в Салехард. В то время на Салехардской базе морского промысла все громче раздавались голоса: «Пора начать лов белухи в Барском море!» Желающих отправиться туда нашлось немало. Отобрали самых лучших. И Наваров возглавил тогда эту экспериментальную экспедицию. Первый выход в море оказался удачным. За ним последовал второй, третий. Отряд судов вновь доверяли П. М. Наварову.

В середине июля из Салехарда в Карское море вышли океанские сейнеры с несколькими мудреными названиями «Аксунон» и «Акварин». Их капитаны Александр Качур и Николай Говорухин уже ранее принимали «морские крещения». Оба отчетливо представляли дорогу в Арктику. Оба знали, что Карское море слабых не принимает.

Труден и долг был путь судов. Трепали их свирепые штормы. В северной части Обской губы продвигались вслед за кромкой льда. В Карском море сейнеры иногда шли напролом сквозь ледовой заслон. Миновав Диксон, в начале августа благополучно добра-

лись до места назначения. Сюда же подошел океанский сейнер «Апшерон», экипаж которого возглавляет бывалый северянин Вениамин Тюльканов. С приемным лихтером «Яда» прибыл буксирный теплоход «Смелый». С самого начала зверобои обнаружили косяки белухи вблизи устья реки Убойной, около Таймырского побережья. Загон зверя оказался удачным, и в первые же дни взяли хорошие уловы.

Лов белухи не случайно издавна распространен на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. При переработке ее, кроме мяса, получают сало, кости, челюстной и головной жир и другие продукты. Из сала вырабатывается технический жир, кости идут на изготовление туков, а кожа — на поделку обуви, ремней, упряжи. Большую ценность представляет челюстной жир. Из него получают морозоустойчивую смазку для различных приборов и механизмов. Кровь может быть использована для приготовления лекарства.

Вся третья декада августа оказалась штормовой. Дули сильные холодные ветры, мешавшие вести наблюдения и добычу. Вот что записал в своем дневнике молодой зверобой Владимир Гамеза.

18 августа. Загнали в невод стадо белух, не менее 100—150 голов. Внезапно начался шторм. Ветер быстро достиг 7 баллов. Зверя забить не удалось. Работать невозможно. Сейнеры ушли отстаиваться к островам Каменным.

21 августа. «Апшерон» подошел к ставке — месту лова. Шторм выбросил на берег 35 белух из числа загнанных 18 августа. Остальные ушли. На побе-

режье выброшены сети и якоря. Распутывали орудия лова. С трудом погрузили белух на борт сейнера и пошли к «Яде» производить разделку и обработку животных. Одиннадцать зверобоев остались на берегу.

24 августа. Шторм не прекратился. Зверобои три дня жили в избушке охотника. Питались только рыбой. Сегодня вытащили на берег шлюпки, продолжали распутывать сеть. Все промокли. Не успели отдохнуть и обсохнуть в избушке, как Юрий Скрипкин выяснил, что уровень воды повышается. Прибой снова захлестывает шлюпки. Пришлось идти и вторично поднимать их. Все время вместе с нами работает начальник отряда океанских сейнеров П. М. Наваров.

Когда «Сопочный» прибыл на место промысла, все зверобои жили одним ожиданием: только бы подошел зверь. Его еще издали обнаруживают по фонтанчикам, как кита. А при выныривании — по белому цвету кожи, контрастирующему с цветом воды. Сутками дежурные наблюдатели не уходили с постов. Это дело поручалось самым зорким людям.

Солнечное, ясное утро принесло немалую радость. Наблюдатели обнаружили стадо белух. Сейнеры, словно по тревоге, снимаются с якорей и идут навстречу зверю, держась мористей, чтобы не отпугнуть их от побережья. Поравнявшись со стадом, постепенно прижимают его к берегу. И гонят в специальное стационарное заграждение. Оно представляет собой крыло ставного невода длиной полкилометра, установленное под уклон к берегу. Высота стенки значительно превышает глу-

бину моря в данном месте. У конца крыла находится карбас с закидным неводом, прикрепленным одним концом к стенке. Загон — самая ответственная операция.

Иногда стадо белух растягивается на большом расстоянии. Чтобы они шли плотнее, приходится стрелять из карабина в хвост косяка. Постепенно белуха заходит во «двор», оказывается между неводным крылом и берегом. И вот уже шлюпка тащит карбас с закидным неводом к берегу. Обратный выход зверю быстро закрывается. Он в ловушке. Затем ловцы Владимир Гомеза, Виктор Гладков, Анатолий Дармодихин на шлюпках кружат внутри «двора» полукольцо. Они обметывают закрытое пространство внутри большим закидным неводом, который постепенно подтягивает часть загнанных белух к берегу, на отмель.

Здесь животные по тонне весом и более ведут себя особенно беспечно. Они отфыркиваются, напоминая человека, только что вынырнувшего из воды. Звери запутываются в неводе, с силой бьют хвостовым плавником, окатывая людей в шлюпках с головы до ног водой.

Во время притонения белух к берегу начинается стрельба в них из карабинов. Стрелок-зверобой должен обладать большой точностью. Нужно использовать момент, когда белуха на мгновение подымает из воды голову, чтобы набрать воздуха. Кроме головы, иных уязвимых мест нет. Стрелки Вениамин Тюльканов, Николай Говорухин и Юрий Бердоносов бьют точно.

— Стой, принцесса, не уйдешь! — шуточно кричит в азарте

кто-то из стрелков. Гремит выстрел, и «принцесса» весом около полутора тонн заканчивает свое существование.

Не обходится и без курьезов. Случалось, что звери, загнанные в ловушку, словно сговорившись, объявляли настоящий бойкот. Дело в том, что, набрав воздуха, белуха может держаться под водой до получаса. Так и произошло в данном случае. Животные долго не показывались на поверхности воды, заставив промысловиков ждать. Когда запасы воздуха кончились, «пленники» один за другим стали выныривать.

Находясь вблизи невода, в котором запутались белухи, шлюпки то и дело подпрыгивают, как при езде по кочкам. Бывало и такое. Зверь сильно ударил хвостовым плавником по шлюпке. Стрелок Юрий Бердоносов вылетел из нее вместе с карабином прямо в воду.

Забитые звери берутся на буксир и транспортируются на сейнеры. Там у них обрубается боковые плавники, снимается кожа с жиром. С судов туши поступают на лихтер «Яда», где под руководством мастера Флорентия Буженицы мясо подвергается дальнейшей обработке и укладывается в бочки для отправки.

«АКСУНОН» НЕ ПОДВЕЛ

Не везло экипажу сейнера «Аксунон». Выбор места добычи у островов Каменных оказался неудачным. Семь раз перемещали ставку, и безуспешно. Однажды обнаружили косяк белух близ устья речки Моржовой. Однако из строя вышла вторая шлюпка. Загон зверя, перекрытие пришлось

вести на одной шлюпке, что хорошего результата, конечно, не дало. Второй раз у островов Каменных белухи, как торпеды, приблизили сетную стенку и, уже будучи загнанными, ушли. В поисках более удачного места для промысла команда «Аксунона» оказалась как-то в шхерах Мина, где очень много островов.

Утром судно шло намеченным курсом. Казалось, не должно быть никаких неожиданностей. В районе, где двигался сейнер, на навигационной карте значилась глубина шестнадцать метров. Внезапно корпус сейнера вздрогнул и запрыгал, как по ухабам. Стоявший на вахте старший помощник капитана побледнел, но не растерялся. Он дал машине «стоп»! Что случилось? В сознании мелькнуло: пробоина! Матросы быстро побежали в каюты, отсеки, в машинное отделение. Все детально осмотрели. Нормально, аварий нет. Пустили шлюпки, начали промеры. Глубина не превышала двух метров. Вот тебе и карта! Как ни поворачивали судно, сейнер крутился на месте. Он сел на подводный камень. Сняться не удалось. К счастью, это произошло во время отлива. Через несколько часов, когда начался прилив, «Аксунон» сошел с опасной точки, причинившей столько неприятностей и грозившей аварией в открытом море.

Наконец полоса неудач миновала. Рано утром, когда сейнер стоял недалеко от материка, только что выставив невод, зоркий наблюдатель Валерий Иванов увидел на горизонте стадо белух. Этого момента ждали, как праздника, с нетерпением. Все были словно наэлектризованы.

Загон зверя напоминал знакомую картину: как будто заботливые пастухи гнали стадо коров, поддерживая в нем порядок при движении. В ловушку попало более ста двадцати белух. В работу включились все. С одинаковым увлечением и азартом работали капитан Александр Качур, его помощник Юрий Дубасов, мастер Владимир Гомеза, матросы Петр Тульчев, Геннадий Алексеев, Николай Глушкевич. Рядом с ними Петр Митрофанович Наваров. Он успевает побывать на каждом судне, обладая в свои пятьдесят с лишним лет завидной энергией.

Один за другим следуют заметы. Шлюпки непрерывно отвозят улов. Едва успели наскоро победать, как снова за дело. Мерзнут в ледяной воде руки, в высокие болотные сапоги заливается вода. Сильный морской прибой окатывает по грудь. Усталость разливается по всему телу. Но людей в рыбацких спецовках и зюйдвестках цвета морской воды не покидает горячность, бодрость. Над морем опускается ночь. В одиннадцать часов делается последний замет. Гремят выстрелы. Воздух пропитан запахом пороха. Густо покраснела вода. До глубокой ночи продолжается транспортировка белужьих туш. При электрическом свете идет непрерывная обработка их на сейнере и лихтере. «Аксунон» не подвел зверобойный отряд.

* * *

Полярные зверобои. Отважные люди. Смелые покорители Арктики. Безжалостными северными ветрами исхлестаны их лица. Мосягами покрыты широкие ладони

крепких рабочих рук. На судах встретишь людей со всех концов страны. Дальневосточники, мурманцы, омичи, тюменцы. В основном молодежь. Здесь они — северяне, единая семья. У каждого свой характер, свои сильные и слабые стороны. Но вместе они — большой рабочий коллектив.

Находясь вдали от Салехарда, вдали от Большой земли, зверобои настойчиво выполняют свои обязательства, и в то же время они скучают по дому, по семьям, по любимым. Они редко слушают радио, с большим опозданием читают газеты, а у каждого нового человека спросят прежде всего: «Что нового в мире?» В минуты короткого отдыха ребята читают книги, спорят по самым различным вопросам. Иногда звенит в матросском кубрике гитара, слышится песня о море. А рядом день и ночь, как неизменный товарищ,

шумит белопенный океан. Кажется, ему мало огромного пространства, и он хочет стать еще шире. Красива Арктика летом, когда стоят белые ночи. Пожалуй, нигде больше не бывает таким открытым небо, как здесь.

«Сопочный» загрузил трюмы белужьим мясом для транспортировки на зверофермы Ямала. Сентябрьским вечером мы покинули район промысла. Бушевал на редкость свирепый шторм, какого не было даже на пути к Диксону. Дожди, снегопады. Сурово хмурилась Арктика. Но мы уже подружились с ней. Она стала знакомой, открытой. Как только вошли в Обскую губу, навстречу подул такой теплый, свежий ветер, как будто в сентябре повеяло весной. Вдали на горизонте показались берега Ямала. «Сопочный», оставив позади Арктику, шел на юг.

Арктика.

Август—сентябрь 1962 г.

ЧУЛЬЧАМИ¹

В путь далекий я вышел —
Много верст за плечами.
Много лет я не слышал
Это слово «чульчами».
Это слово, как музыка,
Слово — небо безбрежное,
В нем звучит что-то мудрое,
В нем поет что-то нежное.
Этим словом когда-то
Ты меня называла,
Этим словом когда-то
Ты меня обласкала.
Сколько раз снова, снова
Повторял я ночами
Это тихое слово —
Твое слово — чульчами.
...Как-то раз ранним утром
Я приехал в поселок.
Объ горит перламутром,
Солнцем плещет веселым.
Вышли на берег девочки —
Платья в бисере радужном.
Столько детского-детского
Было в лицах их радостных.
Я спросил у девчонок,
Подбежавших к колданке²:
— Это что за поселок?
Не найти мне на карте.
И одна мне ответила,
Пожимая плечами,
В картах, мол, не отмечен он,
А название — Чульчами.
Я стою огорошенный.
Вдруг все вспомнилось снова...
Ах, какое хорошее
Ты сказала мне слово.

¹ Чульчами — дорогой (хантыйское)

² Колданка — легкая лодка.

За эту ночь
Я просыпался трижды,
Уходит сон
легко, как облака.
Заутилось...
Я мчу тайгой на лыжах,
Пустив по ветру
крылья башлыка.
Лечу в снега,
насвистывая лихо,
За мной течет глубокая лыжня,
Да с кедра молодая глухариха
Недружелюбно
смотрит на меня.
Передо мной
за горизонтом алым
В тумане,
расплывающемся вширь,
Лежит моя,
до снежного Ямала,
Зовущая на подвиги Сибирь.

РЫБАК

Нынче небо дьявольски
лилово
Небо, умоляю, не стыдись,—
Запросто, не говоря ни слова,
На плечо ко мне облокотись.
Ляг по-человечьи —
ощутимо.
Я люблюсь,
Став под мачтой в рост,
Как твой месяц вяжет
паутину
Перестрелной серебристых
звезд.
Он стоит над мачтою скрипучей,
Над волной, что рьяна и туга,
Медленно напяливая тучи
На позолоченные рога.
Я глотаю
тополиный воздух.
Как тут от восторга не запеть,
Если с неба голубые звезды
Чешуею падают мне в сеть.

Юмористические рассказы

МОЙ ДАЛЬНИЙ РОДСТВЕННИК,
СЕРЖАНТ

Мотор забарахлил, как обычно, в самом неподходящем месте. Перед светофором он вдруг зачихал. Я переключил скорость на низшую, нажал на экселератор. Мотор начал было набирать обороты, но раздумал, еще раз чихнул и замер в самом центре перекрестка.

Напрасно я гонял стартер, устанавливал в разные положения подсос — мотор оставался безжизненным. Если бы не были запрещены звуковые сигналы, меня бы освистали. Но сигналы были запрещены, и шоферы, объезжая мой старенький «Москвич», лишь выразительно грозили кулаками.

На место происшествия уже спешил свирепого вида сержант, когда какой-то грузовичок вплотную подошел к моему «Москвичу» сзади и дал ему легонького пинка. Машина покатила, и перекресток был освобожден. Я облегченно вздохнул, выскочил наружу.

— Ваши документы?

Еще не легче! Работнику автоинспекции потребовались мои права, как будто, проверив их, он может узнать, почему заглох проклятый мотор! Я протянул сержанту новенькие, «с иголочки», права шофера-любителя. Пока он внимательно изучал заветные темно-зеленые корочки, вокруг нас собралась толпа. Сержант изучал права, я переминался с ноги на ногу, поеживался под его колючим взглядом — сержант добросовестнейшим образом сравнивал фотокарточку с оригиналом. Толпа росла.

— Что же с вами делать? — заговорил наконец страж безопасности движения. — Остановились в центре перекрестка, затруднили движение... Авария могла произойти! Придется проколоть талончик.

Надо ли говорить о том, что программа столь решительных действий вызвала в толпе зевак бурное одобрение и сочувствие:

— Правильно!

— Надо права у таких отбирать! Нашел где спать — на перекрестке!

— Ни уха, ни рыла не понимают, а руль им подавай!

— Вы проверьте, сдавал ли он вообще экзамены, а то недавно в газете писали, что...

— Разговорчики! — оборвал ретивых крикунов сержант. — Поп-ро-шу разойтись! Не мешать исполнению служебных обязанностей. Быстро! Быстро! А вас, гражданин, что, не касается? Пройдемте!

Гражданин поспешил «пройти», а сержант снова принялся за меня:

— Вот видите — ваши действия вызвали широкое возмущение общественности. Мало того, что вы...

— Видите ли, — осторожно перебил я сержанта, — дело в том, что это первый случай... В прошлом у меня ни одного нарушения...

— Нашли чем хвастаться! Нарушений и быть не должно!

— Солидарен с вами, но, может быть, за первый случай...

— Вот за него я вам и сделаю первый прокол, повторите — будет второй, — невозмутимо отпарировал сержант, доставая из сумки компостер.

Я умоляюще посмотрел на сержанта, и вдруг лицо его показалось мне знакомым. Где-то раньше я видел это лицо? Быть может, мы даже встречались?

— Простите, ваша фамилия не Курочкин?

— Ошибаетесь! Уточкин! — строго поправил меня сержант.

— Совершенно верно! А зовут вас Сергеем? — продолжал я наступать, отводя на всякий случай руку сержанта с компостером от талона.

— Не хотите ли вы сказать, что я ваш родственник? — прервал мои дальнейшие вопросы сержант.

— Конечно! — воскликнул я, радуясь его догадливости. — Если вы Сергей Уточкин, то ваш отец был племянником моего отца, а мой, стало быть, приходился ему дядей. Правда, не родным, а двоюродным, но это не имеет никакого значения. Сейчас нам надо разобраться, кто мы будем друг другу, и все встанет на свое место.

Мы разбирались минут десять, исследуя восходящие и нисходящие линии нашего родства и в конце концов пришли к соглашению, что являемся дальними родственниками по отцовской линии. Какими, нам установить не удалось, но то, что сержант, как две капли воды, был похож на мою троюродную тетю, не вызвало никакого сомнения.

— Может быть, штраф? — предложил я компромиссное решение. Ведь не нарочно же я остановился в центре перекрестка. И потом это в первый раз...

— Хорошо, давайте штраф, — согласился сержант, — и проваливайте отсюда. Что у вас случилось? А ну-ка, откройте капот!

Он потрогал карбюратор, подкачал бензиновый насос и приказал:

— А ну, пускайте!

Стартер запел, но двигатель не схватывал.

— Давайте подсос!

Я дал подсос, но результат тот же.

— Уберите!

Я убрал, но мотор не заводился.

— Сейчас проверим искру, — бодро сказал сержант. — А ну, крутите!

Я крутнул. Искра была отлично, однако...

— Разрешите? — вдруг склонился над мотором пожилой мужчина и пояснил. — Я механик гаража. Сейчас исправим!

Потому, как долго и внимательно он изучал внешний вид мотора, можно было безошибочно определить: нам попался механик опытный.

— Карбюратор! Надо продуть жиклера!

— Да, пожалуй, — согласился сержант, — давайте ваши инструменты.

Я полез в багажник, а в это время у машины появилась еще одна фигура.

— Стоим, старина! — весело приветствовал меня мой однополчанин Колька Пономарев и, не дожидаясь ответа, нырнул под капот. — Свечной ключ! — потребовал он и через минуту крутил перед моим носом свечой, наглядно демонстрируя ее предельную закопченность. — Стыдись, старина! Если у тебя дома такие же трубы, и печка не будет топиться. — Он коротко хохотнул и дал добрый совет: — Почисти свечи и валяй себе на все четыре стороны! Да не стоит благодарить — всегда рад помочь ближнему!

Я начал было чистить кинутую мне Колькой свечу, но механик остановил меня:

— Бросьте! Пустое дело!

— Почему? Смотрите, какая она грязная.

— Ну и что? — остановил на мне свой немигающий глаз сержант.

— Наверное, потому и не заводится мотор. Я считаю, что прежде чем разбирать карбюратор, следует почистить свечи. Это быстрее и проще...

— «Быстрее и проще!» Эх, зря я не проколол талон! — подсадовал сержант. Он остановил проходившую мимо «Волгу», приказал шоферу вывернуть свечу и показал ее мне. Свеча была такой же закопченной, как и у меня.

— Да что с ним говорить, — отозвался механик, — он свечи, наверное, только в магазине видел и думает, что они и в моторе такие же чистенькие должны быть.

— Не заводится? — участливо спросил шофер.

Я отрицательно покрутил головой, а шофер почесал затылок.

— У меня тоже на днях был такой случай. Контакты смотрели?

— Нет... А что? Разве дело может быть в контактах?

— А то как же? Я вот все перебрал, чуть не весь мотор раскидал, а как только почистил контакты, так и заработал. Как миленький! — довольно улыбнулся шофер.

Я потянулся было к крышке распределителя, чтобы проверить состояние контактов, но сержант и механик остановили меня:

— Пустое! Не теряйте зря времени, — заявили они, а сержант приказал шоферу: — Вы езжайте по своим делам — мы тут без вас удравимся.

Шофер пожал плечами, закрутил свою свечу и уехал, а мы, точнее сержант и механик, стали разбирать карбюратор.

Разобрали, прочистили, продули жиклера. Я бросился в каби-

ну — стартер работал превосходно, но двигатель? Двигатель по-прежнему безмолвствовал.

— Да, видно, не в карбюраторе все-таки дело! — подвел итог механик и взглянул на часы. — О! Мне пора!

Я облегченно вздохнул, надеясь, что сержант без его поддержки разрешит мне заняться свечами и контактами, но этим надеждам не суждено было сбыться. Около нас остановилась «Победа», потом «Запорожец» — мои друзья, тоже шоферы-любители, решили оказать мне посильную помощь. У них было много свободного времени, чудесное настроение и добрые души. Узнав, в чем дело, они начали охотно вспоминать, когда и из-за чего у них не заводились моторы.

Таких случаев было много, и они, перебивая друг друга, начинали меня советами. Я должен был: разобрать и проверить динамо, продуть горючепровод, снова разобрать карбюратор, вскрыть коробку передач, проверить систему электрооборудования, момент установки зажигания, сменить бензонасос, распределитель и катушку зажигания... Чтобы выполнить эти и другие, идущие от сердца советы, мне нужно было становиться на ремонт по крайней мере месяца на два.

Но и это еще не все. У моих друзей были свои друзья, которых я не знал, и о существовании которых даже не подозревал. К несчастью, наши пути перекрестились. А раз так... Ну, вы сами понимаете — какой автомобилист проедет мимо, не продемонстрировав наглядно попавшему в беду щедрость души и свои обширные, почти энциклопедические знания машины?

Советы друзей моих друзей я выслушивал минут двадцать, благодарил, и перед моими глазами вставали детали машин, которые я должен был проверить, разобрать, прочистить, заменить.

Проверочные и ремонтные работы растягивались примерно...на год. Скажу откровенно: чувствовал я себя крайне неважно и уже подумывал, не проще ли будет продать машину. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы около нас не остановилось еще несколько машин. Улица стала непроезжей. Бросив на меня уничтожающий взгляд, сержант вынул свисток и приступил к исполнению своих прямых служебных обязанностей.

Минут через десять порядок на улице был восстановлен, но сержант был заядлым автомобилистом, он и на этот раз не покинул меня. Я был признателен ему за участие, и между нами воцарился мир. Посоветовавшись на месте, мы решили все-таки почистить контакты и свечи. Через несколько минут все было готово. Сержант сел за руль, а мне приказал смотреть за мотором.

Сержант скрылся в кабине, но почему-то не запускал стартер. Что он там делает? Я осторожно выглянул из-под капота. Сержант бессильно сидел за рулем, и вид у него был такой, словно егохватила кондрашка. Этого еще не хватало! Не помня себя, я бросился к сержанту. Ничего не говоря, он ткнул пальцем по направлению приборной доски. Я взглянул на нее и все понял — стрелка, показывающая наличие бензина в баке, безнадежно стояла на ноле...

— Права! — прохрипел мой дальний родственник, сержант. — На переэкзаменовку!

МОТОЦИКЛЕТНЫЙ БУМЕРАНГ

Свистеть Леша начал в ноябре, сразу после праздников. Мы приуныли — Лешин свист не предвещал ничего хорошего. Когда на него нападает свист, он целыми вечерами ходит по дому, слоняясь из угла в угол. Руки в карманы, подбородок к потолку, глаза отсутствующие. И свистит. Свистит! И обязательно что-нибудь заунывное, тоскливое. На Лешу кричат, его ругают. Не помогает.

— А что? Разве я опять? — спросит Леша. — Ну, хорошо. Не буду! Не буду! Даю слово! — Подойдет к столу, схватит лист бумаги, карандаш и снова засвистит.

На этот раз Леша просвистел три недели. Первую неделю свистел просто так, вторую — сидя на корточках около мотоцикла, третью — обложившись ватманом.

По всем приметам Леша творил, а я с сожалением поглядывал на наш старенький «ИЖ» — я хорошо знал, если Леша крутится возле мотоцикла, значит, он будет его усовершенствовать. А раз так, то мотоцикла не будет. Он станет автомобилем, катером, вертолетом, чем угодно, только не мотоциклом. Я понимал также, что остановить его невозможно, но мне было жаль нашего ижака, и как-то вечером я заговорил с Лешей:

— Знаешь, у тебя ничего не выйдет..

— Это почему? — дернул подбородком Леша.

— Развалина... Все уже поизносилось... По-моему, для переделок не годится.

— Правильно! Развалина! — подхватил мою мысль Леша. — Значит, тебе его не жалко? Ну, спасибо, брат! — Он крепко тряхнул мне руку и засвистел.

С этого дня наша комната превратилась в склад металлолома. Леша тащил в нее шестеренки, гайки, винты, листы дюралюминия, проволоку, угловое железо. Приволок даже кусок рельса. Он что-то пилил, сверлил и молчал. Это означало, что идея созрела окончательно и требовала лишь своего материального воплощения. Пилил, стучал, сверлил и клепал Леша до глубокой ночи. Я забрал из комнаты свои книги, взял в прокате раскладушку и переселился на кухню.

В середине зимы мотоцикл был разобран до винтика, его мотор капитально отремонтирован, а Лешина кровать вслед за моей выброшена в кладовку — для нее не оказалось места. Спал Леша на полу. Я пожалел его и принес из проката еще одну раскладушку.

— Спасибо, брат! — машинально поблагодарил Леша и выпроводил меня из комнаты. — Иди, иди, посторонним вход воспрещен. Я сейчас бензиновый бак паять буду.

Я поспешил удалиться, ибо знал, что такое «паять бак». (Однажды Леша уже делал это, и тогда все мы: тетя Поля, старший брат Валерий, его жена Зоя, младшая сестра Вика, ее дочери Елена и Катя уходили из дома. Оставался лишь Георгий, муж Вики, дежурить у телефона — на случай, если потребуется вызывать пожарную команду или скорую помощь).

На другой день, вернувшись домой раньше Леша, я отомк-

нул сохранившимся у меня ключом комнату, и мы увидели на ее полу странное сооружение. Оно было непохоже ни на корпус будущей машины, ни на корпус вертолета или аэросаней.

Больше всего оно напоминало корыто. Вот только стенки его были несколько выше.

— Дядя Леша стоит паоход! — захлопала в ладоши дочь Вики — Лена.

— Не паоход, а коабль! — поправила ее другая дочь Вики — Катя.

Мы покачали головами, задумались и после недолгого совещания пришли к заключению, что Леша на этот раз строит подводную лодку.

— Будет у нас персональный Наутилус! — подытожил мой старший брат Валерий, а его жена Зоя удовлетворенно добавила: — Может быть, он в нем потонет, и мы заживем наконец спокойно.

Тетя Поля смерила ее уничтожающим взглядом и не сказала ничего.

Всеобщее убеждение в том, что Леша строит подводную лодку, особенно окрепло, когда Леша притащил грязный, ободраный спасательный круг.

Тетя Поля вздохнула и покачала головой.

Несколько тяжелых дней, пока Леша шпаклевал и красил свое сооружение, мы пережили так же мужественно, как мужественно пережили всю ту кошмарную зиму. Мы уже смирились с тем, что дом наш по шумовым эффектам напоминал слесарную мастерскую. Мы засыпали спокойно, несмотря ни на какие стуки, и хорошо высыпались. Даже тетя Поля, которая первые три месяца жила на тройчатке, привыкла и обходилась без лекарства.

И вдруг... перед первым маем, вернувшись с работы, я почувствовал себя как-то неловко. Мне будто чего-то не доставало.

— Не мешайся! Что ты ходишь, как неприкаянный! — прикрикнула на меня тетя Поля. — Ну чего тебе надо? Садись, читай свои книги!

Я взялся было за книгу, и только тут сообразил, что мне не хватало обыкновенного стука и грома. Я прошел в комнату Лешы и увидел его сидящим на подоконнике — больше сидеть ему было не на чем. Леша сидел и с тихой улыбкой смотрел на свое творение — голубой сверкающий вездеход «Чайку».

— Вот! Сделал! — счастливо сказал Леша и, перехватив мой взгляд, смущенно улыбнулся. — Гардероб? Понимаешь, он мне мешал... и потом у меня не хватало денег. Пришлось утащить его в комиссионку. Там было твое летнее пальто... Ты не расстраивайся — я с тобой рассчитаюсь.

Я не стал ссориться с Лешей, а через несколько дней, забыв все неприятности, даже превратился в самого верного, самого преданного его союзника.

Первого мая в пять часов утра колеса «Чайки» впервые прощуршали по асфальту. Леша катал сначала меня, потом Георгия, Вику, Лену с Катей, тетю Полю, даже Зою и соседей. За «Чайкой» с утра бегали толпы ребятишек. Взрослые останавливались, долго смотрели нам вслед, и в глазах девяноста девяти процентов мужчин была откровенная и вполне объяснимая зависть. А что

было, когда «Чайка» торжественно проплыла мимо праздничной трибуны! Люди кричали ура, хлопали в ладоши, выкрикивали лозунги! Люди неистовствовали, а милиционеры не обращали на это никакого внимания и отдавали Леше честь!

Но и это еще не все. С быстротой молнии разнеслась весть о том, что после демонстрации Леша будет испытывать «Чайку» на воде, и к двенадцати часам едва ли не все население городка собралось на берегу.

В двенадцать ноль-ноль, мягко покачиваясь на ухабах, «Чайка» спустилась к реке, замерла перед ней, как бы в раздумьи, и... поплыла. Многотысячное ура потрясло воздух.

Это был триумф. Такого массового энтузиазма я еще никогда не видел. Всем хотелось сегодня, сейчас же иметь «Чайку», и если бы она в этот момент появилась в магазинах, уверен, что весь город через полчаса был бы на машинах. Но в магазинах «Чайка» не продавалась, люди это хорошо знали, и поэтому на берегу стали стихийно возникать митинги. Ораторы взбирались на плечи ближних и требовали немедленного запуска «Чайки» в серийное производство, строительства в нашем городке автомобильного завода.

Лешу называли Кулибиным, Лавочкиным, Туполевым, Стефенсоном и даже Паганини. А он выписывал на реке замысловатые крендели и, судя по всему, пребывал на седьмом небе. Судя по всему, Леша зазнался, иначе он ни за что не вывел бы свою «Чайку» на берег в присутствии такого количества народа. Он ее вывел и жестоко за это поплатился. Сотни людей захотели пожать ему руку, выразить свое сочувствие и восхищение. Но этого людям показалось мало. Когда они отжали Лешины руки так, что они бессильно повисли вдоль туловища, раздался призыв:

— Качать его!

И Лешу начали качать. Его кидали в голубое, без единого облачка майское небо до тех пор, пока он не потерял сознание. Тогда его отпустили, окатили водой и поспешили удалиться. С большим трудом я привел Лешу в чувство, погрузил в «Чайку» и отвез домой.

Праздник Леша провел в постели, и это были его последние спокойные дни. Потом началось такое, о чем и рассказывать не хочется. Думаете, «Чайка» перевернулась на повороте или дала течь и затонула? Ничего подобного, если Леша что-нибудь делает, то делает прочно, основательно, и с ним таких казусов не бывает.

Тут дело значительно тоньше, и началось оно так. Вскоре после праздника во время обычной вечерней прогулки нас остановили дружинники и потребовали предъявить документы. Документов у Лешы не оказалось, номеров—тоже. «Чайку» под конвоем отправили домой и приказали впредь до получения государственных знаков не эксплуатировать.

На следующий день Леша добирался до работы, пользуясь общественными видами транспорта. Еще на следующий день он взял себе выходной и, уплатив в Госбанке соответствующие налоги, мы поехали с ним в автоинспекцию. Мы подкатили к ней с шиком, и все не занятые или не очень занятые работники немед-

ленно высыпали во двор. Они обступили «Чайку» со всех сторон. Щупали ее, гладили и хвалили:

- Хороша!
- Красива!
- На рыбалку ездить, а?
- Да! Лодку с собой возить не надо!
- Михальков! Меняй ее на свой газик!
- Ишь ты, какой скорый. Надо посмотреть, как она ходит!
- Правильно! А ну-ка, прокатите нас.

Леша катал по городу работников автоинспекции до обеда, потом еще полдня они катались на «Чайке» сами — каждому хотелось посидеть за ее рулем, прокатиться не только по земле, но и по воде. В шестом часу вечера Леша достал квитанции и попросил выдать номера.

— Номера? Знаете что? Приезжайте завтра — сейчас рабочий день кончился, секретарь ушла.

Леша было дернул подбородком, но я остановил его. Если я в свое время не спорил с Лешей, то совершенно напрасно было, на мой взгляд, спорить с работниками автоинспекции.

Назавтра мы снова приехали.

На этот раз во двор не вышел никто — к «Чайке» привыкли, на ней уже накатались. Леша протянул в окошко документы.

— Вот. Мы были у вас вчера... Надо бы получить номера...

— Придется подождать, — подчеркнуто сухо ответил нам капитан милиции.

— Почему?

— Это вас не касается.

— И все-таки я хотел бы знать, почему я езжу к вам второй день и не могу получить номера? — дернул подбородком Леша.

Капитан прищурил правый глаз:

— Если вы будете так вести себя, то мы вообще запретим вам ездить.

Я наступил Леше на ногу и заговорил сам:

— Товарищ капитан, вы понимаете, он возился с этой штукой всю зиму, и, мне кажется, вполне понятно некоторое его нетерпение.

— Вот именно, — перебил меня капитан, — он сделал «штуку», а мы отвечаем за нее.

— Но почему?

— Да потому, что неизвестно, что он сделал!

— !?

— И нечего делать удивленные глаза. Скажите, к какому виду транспорта отнести эту калымагу?

Я оттолкнул Лешу от окошечка и начал по возможности спокойно:

— Я думаю, что «Чайку» вполне можно отнести к типу мотоцикла. У нее мотоциклетный двигатель, соответствующая мощность и скорость. Передача, правда, карданная, но мотоциклетостроение развивается именно в этом направлении. Возьмите наши тяжелые мотоциклы.

— А я с тем же основанием отнес бы ее к моторным лодкам. На них тоже ставятся мотоциклетные двигатели.

— Хорошо. Пусть она будет моторной лодкой.

— Ха! Зачем же вы явились к нам. Получайте документы у государственного регистра, плавайте себе по реке, но чтобы на улицах вас не было!

Я сделал ошибку, и на этот раз Лешина нога придавила мою ногу.

— В основном «Чайка», конечно, сухопутный вид транспорта, — начал Леша. — И я буду больше ездить по суше, чем по реке. По воде только в случае необходимости, когда потребуется переплыть на тот берег или захочется порыбачить...

В это время меня осенила замечательная мысль, и я поспешил поделиться ею с капитаном:

— «Чайка», конечно, мотоцикл. Она на колесах, чего не скажешь о моторной лодке, ей вполне можно выдать мотоциклетный номер.

— Вы видели когда-нибудь мотоцикл?

— Конечно...

— Похожа «Чайка» на мотоцикл?

— Она больше похожа на машину. Как это мне раньше не пришло в голову? По своей конфигурации, управлению—это чистой воды машина! Выдайте ей знак на машину—и делу конец!

Капитан снова прищурился:

— У машины четыре колеса, а у вас три. Машина имеет задний ход, а ваша «Чайка»?

— Мотоциклы тоже имеют три колеса и не имеют заднего хода.

— Так то мотоциклы!

— Пусть и «Чайка» будет мотоциклом!

— Но вы же сами сказали, что «это чистой воды машина».

— Пусть она будет чем угодно, дайте только знак!

— Не могу.

— Почему?

— Потому, — раздельно выговорил капитан, — что мы не знаем, к какому виду транспорта ее отнести. Вот запросим областное управление, тогда, может быть...

Леша отпустил мою ногу, и мы уехали.

— Пока не получите знаки, чтоб вашей «Чайки» на улицах не было! — крикнул нам вслед капитан.

Номера Леше так и не дали, но и не ездить на своей «Чайке» он не мог. Он ездил на ней на работу. Лешин завод находился на противоположном конце города, и он сэкономил много времени. Неудобно было только одно — на работу надо являться к восьми утра, а выезжать приходилось не позднее шести. Возвращался домой Леша не в пятом часу, как все люди, а в одиннадцатом—двенадцатом, когда встреча с работниками ГАИ была минимальной. Но это неудобство обратилось в его пользу—он стал работать больше положенного времени, вышел в передовики.

В общем, все в какой-то степени утряслось, и «Чайка» долго еще служила бы нам верой и правдой по воскресным дням, если бы не один непредвиденный случай. Однажды, это было в июле, возвращаясь с работы, Леша остановился перед перекрестком в ожидании зеленого сигнала светофора и... заснул. Заснул так креп-

ко, что его едва разбудил тот самый капитан, который не мог отнести «Чайку» ни к одному виду транспорта.

«Чайку» опломбировали. Лешу оштрафовали. А через неделю... он снова засвистел и стал крутиться около «Чайки». В доме поднялся переполох, и я был послан к Леше с целью выяснения его дальнейших планов.

— Свистишь? — спросил я Лешу.

— Свищу, — сказал он.

— А почему свистишь?

— Да так...

— А все-таки?

Леша дернул подбородком:

— Хочу из «Чайки» снова сделать мотоцикл. А что, разве я не прав?

— Прав! Прав! — с готовностью поддержал я Лешу и поспешил к ожидавшим меня родственникам.

— Все! — крикнул я на пороге.

— Что все? — не поняли меня.

— Все кончено! Леша снова будет собирать мотоцикл.

— Слава тебе богу! — опустилась на стул тетя Поля. — Сейчас лето — пусть себе на дворе и делает.

СКАЗ О ЛЕНИНГРАДЕ

Ленинград! Мой Ленинград! Хочешь, спою тебе песню, хочешь расскажу сказку? Нет, нет! Я знаю—ты слышал много чудесных песен, сказки ты сам рождаешь... Но ты благороден и будешь слушать...

Свою песню мне хочется начать с извинения. Ты сначала мне показался жестоким и некрасивым. Твои улицы оглушили меня шумом, они кишели людьми, как муравейник — муравьями. Я натыкался на людей. Они с удивлением смотрели на меня. И я смотрел. Нет, не смотрел я, а глазел. Глазел на разукрашенные витрины магазинов, на стены домов, на асфальт. Я это видел раньше лишь в кино и на рисунках. Там они были такими неземными. Я так мечтал все это увидеть! И вот, вместо красоты, мне бросились в глаза пыль и копоть, осыпавшиеся кирпичи на стенах домов.

Асфальт твоих улиц раньше мне представлялся сияющим, зеркальным. Вот, думал, как хорошо, хочешь посмотреть на себя — не надо идти домой смотреться в зеркало. Так удобно это девушкам!

Как я был разочарован, когда увидел вместо сияющего зеркала, камень. К тому же днем он был так горяч, что нагревались даже ботинки, и ходить было неприятно: под ногами камень, а не мягкая трава.

Дома твои — выше снеговых гор. И на твоих улицах я был, словно в ущельях. Кругом камни. И не видно солнца, хотя оно где-то над домами лениво бродит в дымке. Но я привык к другому солнцу — солнцу, отраженному в зеркальной глади воды, солнцу, раздробившемуся на тысячи маленьких огней в листьях деревьев солнцу, что двумя добрыми светилами смотрело из глаза моего друга детства — собаки Ханси. Солнце глядело в мою постель. Оно

будило меня, звало на улицу, туда, где небо звенит птичьими голосами, вода искрится и плещутся дикие утки, и простор синий, безбрежный, и воздух, и новый день, не похожий на вчерашний. Дух захватывает! Хочется жить, жить по-особенному, с песней! Такого солнца я поначалу не заметил. Извини, грустно мне было.

Все видел сны... Ночью ко мне являлось солнце. Оно опять смотрело в мою постель. И утки летели, и небо звенело, и сияла вода. Я был во власти ее нежных струй. А то вдруг зажегся небесный огонь — северное сияние. Оно вставало над моей головой огромным разноцветным чудом, переливаясь всеми цветами. Сияло небо, плясали краски, горел снег, потрескивал спокойный, сухой морозец. Опять было хорошо, как в сказке, как в жизни...

Но я просыпался, сказка кончалась. С окна на меня смотрели тусклые кирпичи соседнего дома...

Однажды ты меня познакомил со своей дочерью. Она чем-то напоминала пушкинскую Татьяну. Я ее полюбил еще там, среди снегов и ярких северных сияний. Я мечтал о ней. И вот она вправду явилась и повела меня по твоим проспектам, мостам и паркам.

Сразу все преобразилось, словно ожило. И мосты повисли над водами, и Медный всадник поскакал, и Адмиралтейская игла стала казаться светлей. Ожили во мне строки твоего гениального певца. И бродил я, как заколдованный самым сильным в мире шаманом. Он был совсем рядом и вместе с твоей дочерью показывал мне город.

...Эрмитаж. Я и раньше слышал об этом сказочном дворце искусства. Но только слышал. В душе и памяти ничего не было. И как я был поражен, когда увидел его воочию! Перед этим видением меркнет северное сияние — самое яркое и живое искусство Природы. Я не берусь вам о нем рассказывать. У меня не хватит слов выразить виденное.

Как-то дочь твоя повела меня на Кировские острова. Я был увлечен, смотрел в ее тихие, смолистые глаза и не заметил, как оказались мы в зелени деревьев, среди щебета птиц, и в окружении прудов. Плыла над прудами музыка. Медленно, подобно гордым лебедям, по зеленоватой глади воды двигались лодки. В них молодые влюбленные. И я вдруг почувствовал солнце, оно с веселого пруда улыбалось мне: «Узнаешь?» Захотелось искупаться, понежиться на солнце. Но дочь твоя сказала, что купаться нельзя —

это пруды. Настроение мое сразу упало. У нас на Севере не надо спрашивать ни у кого разрешения: где хочешь, там и покупаешься.

— А вот пляж, — вдруг сказала моя спутница, кивнув в сторону сияющей глади воды. Это была Нева. Она нежилась под полдненным солнцем. На берегу люди. Их много-много. Наверно, здесь тысячи людей. Я никогда не видел так много народу. Как чайки на песчаном берегу Оби, колошмились они.

— Это и называется пляж? — переспросил я.

— Это и есть пляж. Здесь можно купаться. Хочешь? — И, не дожидаясь ответа, она быстро разделась и оказалась в таком же наряде, как и все. В одно мгновение она была уже в воде. Плыла быстро, как золотистый бобер. Барахталась. Радугой вставали брызги.

Хорошо! И брызги летели, и солнце смеялось, и песок хрустел, и листья светились. Как хорошо! Не так уж жесток и неприветлив ты, город! В тебе, оказывается, есть и запах моего края: запах воды и солнца, и трав. В тебе, оказывается, есть и простор: вон какая гладь и конца не видно!

С тех пор я задышал свободнее. И ты для меня стал светлее и просторнее..

Институт. Мойка, 48. Здесь я учился. Интересно быть студентом. Каждый день узнаешь новое. Другой мир, мир, невидимый глазом, раскрывается перед тобой. Когда я был маленьким, казалось, что рыбаки и охотники самые мудрые люди на земле. Мудрее их никого нет. Лес, небо, медведи, соболи, олени, рыбы — это главное, что есть на земле. Моя деревня — центр земли. Главные люди на земле — манси, так же, как среди светил — солнце, среди рек — Обь, среди рыб — осетр. Есть на земле хатань. Это — татары. Только встречаются они в сказках, и почему-то злые. Есть еще черные люди — ненцы, скачущие на оленях; белые люди — зыряне, привозящие из-за Урала различные драгоценности и сукна, и где-то далеко-далеко есть тунгусы, которые не едят, а нюхают запах кушаний. Есть, конечно, и русские. Они учат людей смотреть в бумаги и лечат их.

Такое представление пришло ко мне из сказок, которые каждый вечер рассказывал мне дедушка. Как я ошибался в детстве! Каким широким оказался мир! Сколько тайн было скрыто для ума и сердца охотника! Он ведь знал хо-

рошо то, что видел глазами. А много ли увидишь ими, пусть они даже самые зоркие? И много ль земель исходишь пешком? Снежинок на земле много. Не сосчитать даже тех, что хрустят под ногами. А откуда там знать мир? Он бескраен и огромен. Манси знали землю до Урала, а дальше она казалась им сказочной, непонятной.

В школе узнал я очень много. Мир раскрылся. А земля приняла в моем сознании шарообразную форму. И тебя, мой Ленинград, я уже представлял. Любил слушать песни о тебе, мечтал у тебя учиться.

И приехал к тебе. Здесь ты меня познакомил и с ненцем, и с тунгусом, и с чукчи, и с эскимосом, и с нанайцем. Много у меня стало друзей! Мы живем и учимся в одном доме. Тунгус такой же, как и манси. Он не нюхает пищу, а ест, как все. И ненец хороший человек. Старая сказка, оказывается, была лживой.

Здесь я впервые почувствовал, какой маленький мой народ. И охота — совсем не главное чудо, что есть на земле. Много таких чудес, о которых манси еще не придумали и сказок.

Ленинград! Ты хороший учитель. Ты меня научил слушать сердца твоих больших людей.

Блок... Странно, человека давно нет в живых, а я разговариваю с ним, слушаю его сердце. Всю ночь мы бродим с ним. А ночь белая. И мгла, и синь, и мосты... Все так же, как на бумаге. Со мной простая книга. Но она говорит. Я волнуюсь, люблю и ненавижу, плачу и смеюсь как-то необычайно восторженно. И сердце, и грудь, и каждая жилка моя, и весь я чем-то заполнен. Кажется, я слился с этой набережной, с этой синью и с людьми. Стал каким-то широким-широким... Но нет! Все там двое. Они целуются. Я — нет. Значит, они сами собой. И я — один. И Блока нет. Со мной — книга...

Во мне что-то происходит. Есть какие-то чудеса, копошатся мысли, которых, может быть, у других нет. Даже у Блока... А что, если послушать себя, свое сердце? А что, если все то, чего нет у других, перенести на бумагу? Бумага, быть может, тоже заговорит — и язык моего маленького народа тоже звучен, быть может? Я стал вслушиваться в себя...

Странно, в Ленинграде, далеко от родных мест, я вдруг почувствовал красоту языка моего маленького народа. О, город каменный, ты помогаешь нам увидеть то,

чего мы не видели раньше и не чувствовали. Нет, мы совсем не перестали быть северянами. Наоборот, мы в тебе стали как-то яснее. Ты нас научил слушать себя, и мы чаще стали спрашивать: кто мы?

Кто мы? И ненец Василий Ледков, и ханты Гена Раищев, и эвен Владимир Хромов. Кто мы? Мы — однокурсники. Мы — студенты. Мы — северяне. Студенты... А до этого были охотниками и маленькими рыбаками. И матери наши были охотниками, и отцы рыбаками. И кроме этого, мало что знали. Студент... Наши родители не знали этого слова. Не успели они даже помечтать об этом. Когда спрашивают моего отца, где учится его сын, он отвечает: «В конституции».

Только в самых древних сказках и песнях манси жили в дворцах из сияющего камня. Там всюду было чисто и переливалось солнце. Тогда умели мои предки ковать железо, сеять хлеб. Скакали на быстроногих огненных конях и пасли стада овец. Потом они потеряли солнце и дворцы и пошли искать их, забрели в тайгу и болота. Обратной дороги не нашли. Холод, снег. Бессердечный людоед Менкв преследовал их, часто выгонял из насиженных обжитых мест, оставляя золу и пепел. И манси разучились ковать железо, прядь из шерсти красивую одежду, позабыли запах вкусной еды, а чаще стали есть сырое мясо и рыбу. В своих песнях они уже пели:

Мы уйдем, покинем Землю.
Чтобы больше не родиться,
И на быстрых конях-лыжах
Не скользить за соболями.
Наши лодки и могилы
На песках сгниют тоскливо,
И в деревнях опустелых
Будут жить одни лишь мыши

«Будут жить одни лишь мыши?» — вырвалось когда-то из истерзанного сердца моего далекого предка... Я мышь? Нет! Я — человек! Так значит я все же выжил! Выжил. Но долго оставался младенцем. Теперь я заговорю, раскрою свое сердце, а добрый мир будет слушать древнюю исповедь.

Ленинград! Даже ты меня слушаешь. Слушаешь меня и всех моих братьев-северян. Пумасибо! Большое спасибо!

Капли рождают реку, реки рождают море, ширь и глубину... Ленинград! Твоя река стала мне родной. И чем-то напоминает мою Обь. И я невольно хочу прошептать:

А теперь в полдневном солнце
Предо мной Нева смеется,
Кажется, у ног сверкая,
Катит волны Обь родная,
Плечи мне обвив руками.
Так же щедро ветерками,
Невскими я зацелован,
Той же ширью очарован...
Пусть не люльку у причала —
Ты, Нева, мой ум качала,
Крылья мне дала навечно.
О, спасибо, друг сердечный!
Схожи рек различных воды
И добры сердца народов,
Потому я всюду дома,
Все родные, всё знакомо.

Реки сливаются. Сливаются и судьбы народов. Жизнь становится глубже и шире. Тепло. Сердце мое стучит и остановить его невозможно...

ЦВЕТЫ В СНЕГАХ

СЦЕНЫ ИЗ ПЬЕСЫ

Действующие лица:

- Любовь Николаевна — начальник рыбоучастка.
Павло Тарасович — ее муж, капитан рыболовного траулера, говорит с украинским акцентом.
Алёт — помощник капитана, молодой ненец.
Ефимыч — механик траулера.
Иван — помощник механика траулера.
Миша — тралмейстер.
Гриша — помощник тралмейстера.
Тит — матрос траулера.
Вэварка — второй матрос траулера, ненец.
Айна — радистка на траулере, ненка.
Феня — кок на траулере.
Матрена — техничка в конторе рыбоучастка.

Картина первая

Палуба рыболовного траулера. Справа видна часть штурвальной рубки, поручни, спасательные круги с надписью «Веселый», висит Доска показателей. Посередине палубы — траловая лебедка. Сети грудой вдоль борта, бухты канатов, пустые ящики, носилки, ведро. Люк задраен. Судно стоит у причала рыбоучастка. За

траулером слева видна корма плашкоута, оттуда — трап на борт траулера. Правее плашкоута за траулером простирается водная гладь с небольшими плывущими льдинами.

Весна. Ясный день. С берега доносится трудовой гомон, невнятные людские голоса. Иногда слышатся гудки проплывающих где-то близко судов. Вверху — веселый крик чаек. Тит, прижав к себе черенок швабры и низко свесив голову, сидит на груде сетей и спит. Иван с гармошкой ходит по палубе.

И в а н! *(играет и поет задумчиво).*

Там, где кончается Обь
И рядом студеное море,
Найду ли в бескрайнем просторе
Радость в труде и любовь?
Найду ли, найду ли в бескрайнем просторе
Радость в труде и любовь?
Может, напрасно, друзья,
Сменил я на белые ночи
Волжанок любимые очи,
Милые сердцу края?
Волжанок, волжанок, любимые очи,
Милые сердцу края.
Вон как сверкает река
В лучах заполярного солнца!
Зачем же тревожно так бьется
Сердце в груди рыбака?
Зачем же, зачем же тревожно так бьется
Сердце в груди рыбака?

М-да, тревожно так бьется... Есть из-за чего. Путина началась, а мы — на якоре: нет второго матроса. Был, да сплыл. Испугался Севера. Отдал концы перед самым выездом на промысел. Разве это дело? Верно, Тит? Слышь, что ли?.. Вот тоже матрос — на вахте спит. Не Тит, а тип... *(громко растягивает гармонь)*. Подъем! Полундра!..

Т и т *(испуганно вскакивает)*. Полундра! Тснем!..

И в а н. То-о-нем. Это у причала-то?..

Т и т. А-а... тоже мне... Иван-болван! Не дал доесть во сне уху из свежей рыбы... *(Собирается лечь)*.

И в а н. Отставить! Все равно не разговеешься. И нельзя спать на вахте.

Т и т. Я не обязан батрачить за двоих. Отчаливай! Твое место в машинном.

И в а н. Вот налим-лежебока.

По трапу спешно, запыхавшись, спускается Алет.

Алет. Полундра! Важная новость, шайтан подери!

Иван. Что случилось, помкапитана?

Тит. Опять полундра. Не дадут доесть уху... даже во сне.

Алет. Готовьтесь к отпору! Матроса дают. Сейчас капитан причалит сюда с женой. Велел собрать команду. *(Торопливо уходит.)*

Иван. Матроса дают? А к чему отпор? Радоваться надо! Вот чудак Алет!

Тит *(быстро встает)*. Дают матроса? Второго? Живем! Теперь буду высыпаться! Значит, сегодня в море. А там и уха настоящая!

По трапу спускаются на палубу, громко споря, Павло Тарасович и Любовь Николаевна.

Павло Тарасович *(с трубкой в одной руке и со свернутым плащом — в другой)*. Не имела баба хлопот, да завела порося... На який бис он мени треба!

Любовь Николаевна. Нет у меня больше свободного человека на рыбоучастке. Понимаешь?..

Разговаривая, появляются гурьбой члены команды с видом людей, только что оторвавшихся от дел: Миша и Гриша с клубками дели, Айна с листом бумаги и мелом в руке, Ефимыч, вытирающий замасленные руки, Феня с поварешкой и Алет.

Любовь Николаевна. Здравствуйте, рыбаки! Опаздываете на промысел.

Миша. Мы не виноваты, товарищ начальник.

Гриша. Выручайте, Любовь Николаевна. Наш траулер прикреплен к вашему рыбоучастку.

Тит. Дайте второго матроса.

Любовь Николаевна. Даю... Вэварку.

Голоса. Кого, кого?

Павло Тарасович. Да поворотят же — Вэварку, бывшего Саварку!..

Голоса. Вэварку-у-у?! *(Недовольный гул.)*

Павло Тарасович *(жене)*. Ну, що я говорив? Протестуе команда.

Любовь Николаевна. Спокойно, товарищи! Поговорим серьезно.

Алет. А мы серьезно. Он же ни рыба ни мясо.

Павло Тарасович. Це один бис знае, що за чоловік! Беспробудный пьяныца! Сорви голова!

Голоса. Выслать его! Подальше! Туда, где раки зимуют!..

Любовь Николаевна. Перестаньте! Он же богатырь. Надо лишь обуздать. Да и сам сюда просится. Умолял меня. Любовь, говорит, моя на этом судне. Высохну, говорит, без нее...

Павло Тарасович. Слыхали, яка штука? Любовь його на нашем судне! Боже мий!

Голоса. Любовь?! У Вэварки?! (Смех).

Феня. Батюшки-и!

Павло Тарасович. Уж не ты ли, Феня, зазноба?

Феня. Что вы, Павло Тарасович!

Павло Тарасович. А хто же? Айна?

Айна. Шибко он мне нужен.

Алет. Да ну его, шайтан подери!

Иван. Стоп, Алет! (Встает между Алетом и Айной). Я как литератор...

Алет (Ивану). Не просят — не пляши! Тоже мне, писака-марака...

Ефимыч. Вот те, ядрена-Матрена!

Павло Тарасович. Ну, быв бы он хоть Саваркой — Гарным, а то Вэварка — Поганый. И такого в мою команду. Позор!..

Любовь Николаевна. Рыба не без костей, человек не без изъяна. Сделайте из Вэварки Саварку.

Алет. Как раз...

Ефимыч. Мы сами-то, чай, Вэварки.

Любовь Николаевна. Подтянитесь!

Павло Тарасович (жене). План же у нас. План. Вот штука. Тебе це не беспокоить?

Любовь Николаевна. Беспокоит. И даже очень. И план, и судьба людей — все!

Миша. А если попробовать? Мы с Гришей мудрим сейчас над новым тралом. Увлечем и Вэварку. Верно, Гриша?

Гриша. Правильно, Миша. А механики, Ефимыч и Иван — мотором, Айна — радиотехникой, Павло Тарасович и Алет — вождением судна, Тит — шваброй.

Павло Тарасович. Э-э, це треба разжувати!

Голоса. Ладно, Павло Тарасович. Возьмем Вэварку. Некогда загорать у причала.

Айна (*отдает капитану бумажку*). Радиограмма с траулера «Серьезный». (*Все столпились вокруг капитана*).

Павло Тарасович. Побачимо... Вот бис! У них уже е ще исть, а мы ще не нюхали нынишнюю рыбу. Паршиво!

Любовь Николаевна. Кончайте стоянку! Павло... Павло Тарасович.

Павло Тарасович. Треба в море. (*Жене*). Посылай техничку за Вэваркой. Нехай едет! Но щоб без всяких там любовных дил... Готовиться к отплытию!

Любовь Николаевна. Удачного промысла, рыбаки!

Голоса. До свидания, товарищ начальник! Счастливо оставаться. (*Расходятся, разговаривая*).

Павло Тарасович (*взволнованно ходит по палубе*). Вот це штука! И зачем нас прикрепили к чему участку? Да й ще тебе начальницей назначили.

Любовь Николаевна. Уж так пришлось. А хорошо тут, на воде! Лепко дышится. Так и полетела бы... за вами. Во-он, как та чайка. (*Поет*).

Ой, летай ты, чайка, над рекою
И маши крылами, как платком!
Снова я с тревогой и тоскою
Расстаюсь с любимым рыбаком.
Расстаюсь с любимым рыбаком...

(*Машет рукой мужу, потом хочет поцеловать*.) Попрощаемся, как подобает...

Павло Тарасович (*отстраняясь*). Но-но. Це не гоже. Я ж капитан. И молодым запретив... (*Подает руку*.) Вот так гоже..

Любовь Николаевна. Подумаешь, какой важный. Капитан траулера!

Павло Тарасович. На судне не треба такими дилами заниматься. Отойдем трошки. (*Уходят на трап, целуются, затем возвращаются на палубу*.)

Любовь Николаевна. Смешной ты, Павло, ей-ей!

Павло Тарасович. Ну, чего забуксировалась за мной?

Любовь Николаевна. Дай еще немного погляжу на тебя. Надолго расстаемся.

Павло Тарасович. Уходи. Зол я. Пидсунула мени

Взварку, лоботряса, щоб ему провалиться в тартарары! По-
сылай! Некогда ждати. И лобызаться — не пасха..
(Уходит.)

Любовь Николаевна. Хохол упрямый! (Уходит
по трану сердитая.)

Возвращаются Айна и Алет.

Айна. Забыла записать... (Пишет мелом на Доске по-
казателей.)

Алет. Ну капитан! Придумал тоже... Айна!

Айна. Что, Алет?

Алет. Люблю я.. тебя...

Айна. Да? (Поет.)

Коли любишь хоть немножко,
Это нужно доказать.
Ведь любовь-то не картошка,
Не игрушка, так сказать...

Алет. Верно. (Поет.)

Дело это очень сложно,
Надо взвесить каждый шаг,
Доказать любовь возможно,
Я считаю, только так...

(Целует Айну, та не противится.)

Появляются Миша и Гриша, молча, деловито подходят к сети,
проверяют укладку.

Миша. Все в порядке, Гриша!

Гриша. Все в порядке, Миша!

Айна (вырывается из объятий Алета). Ой! (Поспеш-
но уходит.)

Алет (Мише и Грише). Опять вы? Смотрите, шайтан
вас подери! (Уходит.)

Миша. Видно, миловались... (Вздыхает, берется за
сердце.)

Гриша. Видно, целовались... (Тожe вздыхает и тожe
берется за сердце.)

Миша. А тебе-то что?

Гриша. А тебе? (Поют.)

Нет на белом свете хуже
Вестолковщины такой —
Каждый раз в одну и ту же
Мы влюбляемся с тобой.
И пока решаем, споря,
Уступить кому из нас,
Наше «яблоко раздора»
Нежит третий в этот час...

(Уходят).

Появляется Ефимыч, хлопочет возле лебедки.

Е ф и м ы ч. Все на мази! *(Бросает взгляд вверх.)* И небо сулит ведро. А кости ноют. *(Вздыхает.)* Эх-хе-хе! Старею! А море люблю. Сердце рыбака — что сердце моряка. *(Хватается за 'поясницу.)* Ой-ой-ой!..

Появляется Феня.

Ф е н я *(ищет ведро, поет).*

Женихов на свете много,
Есть такой и есть сякой.
Но для девушки, для кока,
Не подходит никакой.
Есть такой и есть сякой,
А не подходит никакой!..

Е ф и м ы ч *(приосанившись, подходит сзади к Фене, берет за талию).* А ежели такой?

Ф е н я *(быстро оборачивается).* Батюшки! Опять ты, Ефимыч?

Е ф и м ы ч. Люба ты мне, ядрена-Матрена.

Ф е н я. Я тебе не Матрена, а Феня. Чего липнешь, как чешуя? Ты же старик! Ухаживай за техничкой Матреной. Сохнет она по тебе.

Е ф и м ы ч. Ветхая посудина. Далеко не уедешь.

Ф е н я. А сам-то! *(Иронически.)* Ой-ой-ой!

Е ф и м ы ч. Это я-то? *(Браво выпрямился).* Да я... *(Вдруг согнулся, схватился за поясницу.)* Ой-ой-ой!..

Ф е н я *(смеясь).* Ухажер!.. *(Берет ведро.)* Вон Матрена

маячит. Как раз пара — гусь да гагара. (*Уходит, напевая «Женихов на свете много».*)

Ефимыч. М-да-а... (*Поет.*)

Видно вправду вышел срок —
Не клюет, не ловится...
«Знай, сверчок, свой шесток!» —
Говорит пословица...

(*Хватается за поясницу*). Ой-ой-ой!..

По трапу спускается Матрена со свертком.

Ефимыч. Пришла?

Матрена. Пришла.

Ефимыч. Теперича отчаливай!

Матрена. Да че ты, Ефимыч? Пирог вот рыбный испекла тебе на дорожку...

Ефимыч. Я не просил.

Матрена. Ну и че? Домашние-то твои так не испекут. Я уж постаралась для тебя.

Ефимыч. Что ты липнешь, как чешуя?

Матрена. Ефимыч, милай! Денно-ношно сохну по тебе.

Ефимыч. Сохнешь. Сама, как бочка. Истинно ядрена Матрена. Влюбилась перед пенсией. Оно и понятно — человек я достойный и, как мачта, стройный. Вот и Феня ходит по пятам.

Матрена. Вижу. Чтоб ей ни дна ни покрывшки. Обведет она тебя вокруг пальца, глупого дурака. (*Чуть не плачет*).

Ефимыч. Это я-то глупый дурак? Катись ты от меня бочкой ко всем лешим! (*Уходя, поет*).

Не посватаюсь к старухе,
Не нуждаюсь я в такой.
Поженюсь на молодухе...

(*Хватается за поясницу*)

Ой-ой-ой-ой-ой-ой-ой!

Матрена (*с отчаянием*). Ох, горе, горе! Че же делать-то? (*Бросает сверток под ноги, пинает его, затем*

вышвыривает за борт. Уходит по трапу, плача).

Появляется Иван с раскрытым блокнотом, ведет за собой Айну.

Иван. Айна! Ягодка моя тундровая!..

Айна. Оставь! Боюсь шибко — капитан увидит.

Иван. Но люблю я. Послушай, что тебе посвятил.
(Читает с пафосом по блокноту).

Айне

Ты пленяешь мое сердце,
Как Полярная звезда,
Как полуночное солнце,
Как на небе сполоха!..

Айна. Че-пу-ха. Ни складу, ни ладу: звезда — сполоха. Да и не «сполоха́», а «споло́хи». Тоже мне поэт...
(Уходит.)

Иван. Айна! Ушла. Ни складу, ни ладу? *(Смотрит в блокнот.)* Звезда — сполоха́... Верно, нет рифмы. А если «споло́хи»? Тоже не подходит. Сейчас обмозгуем — на то мы и литераторы... *(Садится на ящик, сочиняет.)* Звезда — вода, всегда—ерунда! *(Пишет. Со стороны плашкоута доносится голос Вэварки. Прервав запись, прислушивается.)*

По трапу спускается Вэварка с большой трубкой в зубах, с огромным чемоданом, с букетом тундровых цветов.

Вэварка *(поет на национальный лад).*

Был я в детстве Саварка,
А потом стал Вэварка.
Так давно меня зовут
Люди северные тут.
Мало-мало я чудил —
Много пил, баклуши бил.
Но отныне я влюблен,
И теперь всю глупость — вон!
Повторяю вновь и вновь:
— Покажись, моя любовь!
Выходи встречать скорей.
Приголубь и обогрей!..

Иван. Кажись, новый матрос.

Вэварка. Ани торово! Привет!

Иван. Привет, привет! К нам в матросы?

Вэварка. Рыбак рыбака видит издалека! (*Ставит чемодан на палубу.*) Вот тебе за это цветок. (*Дает Ивану цветок.*)

Иван. Цветы? Откуда? Здесь же тундра, снег кругом...

Вэварка. У нас цветы растут будто в снегах. Тут — земля, тут — снег, а цветы уже растут. Красивые! Верно?

Иван. Верно, верно. Цветы. В снегах. Это же образ! Понимаешь? Как тебя? Будем знакомы — Иван, псевдоним — Лучезарный. Иван Лучезарный!

Вэварка. Ага, Иван, Ванька, значит? А я матрос Вэварка, бывший Саварка.

Иван. Слышал — Вэварка, бывший Саварка.

Вэварка. Не-ет, ударение маленько не так — Вэварка, бывший Саварка. Можно просто Вэварка.

Иван. Вот ты какой! Запишем. (*Записывает.*)

Вэварка. У тебя что? Башка маленько того?

Иван. Что ты? Я — литератор, поэт.

Вэварка. А-а, понятно. Много книг написал?

Иван. Пока ни одной. Но будут — я настойчивый.

Вэварка. Тарем, тарем. Так, так. (*Читает надпись на спасательном круге.*) «Ве-се-лый». «Веселый!» Подходяще! А где жок?

Иван. Ты что — хочешь начать с еды?

Вэварка. Не-ет. Жок — любовь моя! Цветы — ей.

Иван. О, у нас насчет этого строго. Капитан запретил.

Вэварка. Меня это не касается. Я — Вэварка, бывший Саварка.

Иван. Как не касается? И почему ты бывший Саварка?

Вэварка. Ты не знаешь?

Иван. Новичок я здесь.

Вэварка. Тогда слушай. (*С пафосом.*) Когда я родился, я был—во. Звали — Саварка. Это по-нашему, по-ненецки. По-русски — хороший. Потом, когда вырос, плохой стал. Отец, мать умерли — всех оленей промотал. Пил, гулял, веселился. Всем надоел. Вот лешак-дьявол! Меня прозвали Вэварка — плохой, значит. Потому я — Вэварка, бывший Саварка...

Иван. А дальше как думаешь жить?

Вэварка. Как-нибудь. Вэварка не пропадет. Вэвар-

ка любит Феню. Саваркой Вэварка будет.. А у тебя есть Феня?

Иван. Айна у меня. Радистка. Да вот мешает «шайтан подери».

Вэварка. Алет? Э-э, не пугайся. У него с Айной одна фамилия — Вануйто.

Иван. Ну и что из этого?

Вэварка. Как — что? Фамилия одна — нельзя жениться. Поверье такое у нас, у ненцев, есть. Грех! На том свете черти сделают из них консервы. В томатном соусе.

Иван. Да? Погоди — это же хорошо!

Вэварка. Что хорошо? Очень вкусно?

Иван. Да не-ет... Слушай, будь другом, пострашай их этим!

Вэварка. Могу. Это для меня — плюнуть.

Иван. Вот спасибо, дорогой!

Вэварка. А где остальной народ? Почему никто не встречает меня?

Иван. А тебя что — с музыкой встречать? Команду выстроить? Тебе самому надо представиться. Первым делом — капитану.

Появляется Павло Тарасович.

Вэварка. А вот и сам капитан... (*Подходит к капитану, козыряет, отчеканивает.*) Матрос Вэварка прибыл, товарищ капитан корабля «Веселый», Павло Тарасович!

Павло Тарасович (*Вэварке*). А ну — марш в кубрик! Отнеси сундук и — за швабру. Покажи ему, Иван, мисто в кубрике и предупреди вахтенных. Треба отчалити!

(*Уходит в штурвальную.*)

Иван. Слушаюсь, товарищ капитан!

Вэварка. Вот так встреча! Ай-яй-яй-яй-яй!

Появляется Феня с кастрюлей.

Феня. Батюшки! Вэварка! Какой здоровый, статный, симпатичный! А говорят — плохой. (*Не знает, уйти или нет.*)

Иван. А вот и Феня...

Вэварка. Феня! Рыбка золотая! Здравствуй!.. Во, цветы! Тебе! От всего сердца!

Феня *(растерянно принимает букет)*. Батюшки, что же это такое? Ни с того ни с сего... *(Оглядываясь и прижимая букет к груди, спешно уходит.)*

Вэварка *(хватает чемодан)*. Пойдем! К Фене! К рыбке золотой! *(Чемодан раскрывается и из него на палубу вываливаются со звоном бутылки с водкой и винами.)*

З а н а в е с .

Н О В Ы Е И М Е Н А

Владимир Петров

Владимиру Петрову двадцать восемь лет. Родился он в Краснокамске. В 1958 году окончил Свердловский горный институт и уехал работать на Дальний Восток. По профессии — геолог. С 1963 года живет и работает в Тюменской области.

ЗАБРОШЕННЫЕ ПОСЕЛКИ

Как только руда кончается,
 Люди бросают поселок.
 Много в тайге встречается
 Мест таких невеселых.
 Зброшенные поселки,
 Зайдешь в такой год
 спустя,
 И не поймешь толком —
 Вымерли все или спят.
 Заросшие огороды
 В небо плетнями ощерились.
 И жутко немного и
 вроде бы
 Везде притаились звери.
 Подсолнухи несчастливые
 Поникли к земле лицами,
 Смотрят дома сиротливо
 На горы пустыми глазницами.

Поселки края лесного,
Рано окончен ваш путь.
До боли в вас хочется

снова

Бурлящую жизнь вдохнуть.
Ждите, не будьте строгими
К людям, что вас бросили.
Не зря же мы гробим ноги
С весны до глубокой

осени.

Скоро, скоро откроем
Все, что скрывают горы,
И вместо поселка построим
Новый цветущий город.

Л О Ш А Д И

Лошади, лошади добрые,
Вам трудно шагать под вьюком.
По вашим вспотевшим мордам
Струится соленая мука.

В гнилой, болотистой мари,
Не раз провалившись по уши,
Просили глазами жарими
У человека помощи.

Человек.

Ему все посильно.

У него вездеходы-ноги,
А вам под силу лишь пыльные
Проселочные дороги.

Но нужно, лошади, нужно
Работать и в этом болоте.
Добрые наши труженики,
Вы нас, конечно, поймете.

Тревожат таежный вечер,
Сливаются воедино
Теплая речь человечья
И ржание лошадиное.

Вячеслав Попов живет на Севере, в городе Ханты-Мансийске. Член литературного объединения.

Ханты-Мансийским геологам

Мне исполнилось сорок
Не в закутке — в пути..
Путь мой труден и долог,
Где-то нефть впереди.

Шест споткнулся в болоте,
Оплошай и — хана!
И скрипит: не пройдете, —
Как колдунья, сосна.

Мы, спасая друг друга,
Ноги тащим едва.
И на нас с перепугу
Пялит бельма сова.

Сквозь болотистый морок
Нам идти и идти.
Мне исполнилось сорок
Не в закутке — в пути...

Родился и вырос на Урале. В 1953 году окончил Свердловский горно-металлургический техникум. Работал на медеплавильном комбинате. После службы в армии поступил на факультет журналистики Уральского государственного университета. Учится заочно. С 1962 года работает в Тюмени — сначала в «Тюменском комсомольце», в настоящее время — в «Тюменской правде».

ПРОМЕЛЬКНУВШИЙ ДЕНЬ

Рассказ

Галя любит людей. Маме и ей много пришлось испытать после гибели отца, и Галя по опыту знает, что люди бывают трогательно добры. Во всяком случае, большинство.

Она ненавидит пьяниц и хулиганов. Каждый вечер, возвращаясь с работы, она проходит мимо дома с косыми неоновыми буквами «Ресторан». Оттуда вываливаются мужчины со сбитыми набок шапками, в распахнутых пальто. Они отвратительны. Их голоса напоминают мычание. Гале непонятно: какое удовольствие в водке? Если бы Галя была сильнее, она остановила бы пьяницу, встряхнула его и спросила:

— Зачем ты пьешь? Лучше бы читал книги. Это же гораздо полезней!

Не может быть, чтобы не подействовал такой довод!

Хулиганов она встречает у клуба. Они стоят кучкой в тени колонн, ослабившиеся и наглые, и задирают девушек, у которых нет спутников. Галя недоумевает: почему их не арестовывают? Ведь каждому ясно, что это за птицы.

Лора (ее полное имя — Глория) тоже ненавидит этих ребят. Она говорит своим спокойным и резким голосом:

— Я бы со всей этой шпаной не так расправлялась.

Выругался — садись на пятнадцать суток. Замахнулся ножом — расстрел.

— Но ведь перевоспитывать тоже надо. Макаренко же перевоспитывал, — возражает Галя.

— То был Макаренко, — усмехается Лорка. — Не больно-то они перевоспитываются.

Глория — высокая и красивая. Она работает продавщицей в универмаге и завидует Гале.

— Тебе повезло в жизни, а я невезучая.

Она пошла в магазин после десятого класса. А хочет в медицинский. Но не поступает.

— Бесплезно, — хладнокровно объясняет она. — Все равно физику завалю. Мне эти омы-биномы никогда не запомнить.

Однако Лорка не очень-то стремится постигнуть «омы-биномы». Почти каждый вечер она проводит в кино или на танцах. Каждый вечер ее провожают домой эффектные парни — часто разные, и Лорка долго стоит с ними у ворот.

— Зачем это тебе? — удивляется Галя.

— Много ты понимаешь, — фыркает Лорка. — Жизнь-то короткая.

У Глории холодные, чуть-чуть презрительные — «меня не проведешь» — глаза. Но она только на вид такая — не подступись. В сущности она добрая. Гале очень повезло, что она встретила Глорию, когда искала квартиру в частных домах. Она тогда очень измучилась. Всю улицу прошла — и безрезультатно. В этот дом постучалась уже без всякой надежды.

Вышла Лорка — высокая, накрашенная, в халате.

— Комнату не сдаете? — струсив, пролепетала Галя.

— Ты кто?

— Приезжая. Я здесь учительницей буду работать.

Лорка взяла ее за руку и привела к хозяевам.

— Сестренка моя, — надменно объявила она. — Со мной будет жить.

И потянула ее в свою комнату.

— А если они не согласятся? — прошептала Галя.

— Старики-то? Чего им не согласиться! Еще десятку в месяц сдирать будут. Обдиралы! — И добавила зло: — Скорее бы на них коммунизм, что ли...

Увидела удивление — отрывисто объяснила:

— При коммунизме-то они с голоду подохнут. Кварти-

рантов не будет. Мясо ихнее, спекулянтское, на базаре никто не купит.

С Глорией они часто спорят. О коммунизме. Галя думает о нем с благоговением. Когда она пробует представить будущую жизнь, в груди сладко замирает, словно с большой высоты смотрит. Лорка не верит, что коммунизм будет так скоро.

— Посмотри, какая стройка идет! — горячится Галя.

— Стройка что! — отмахивается Лорка. — Несознательных еще много. Из-за них и коммунизм задержаться может...

Глория собирается на работу. Она долго массирует лицо, втирает крем в кожу, укладывает глянцеви́то-рыжие (крашенные) волосы. После туалета она становится прямо-таки шикарной.

— Ой, мамочки! — ужасается она, взглянув на часы. — Опять опоздаю.

Уже на бегу бросает:

— Застелишь мою кровать, Галина Терентьевна. А впрочем, не стели. Черт с ней!

Галя остается одна. Она укрепляет на столе круглое зеркальце и причесывается. Честно говоря, она себе очень нравится. Конечно, не обязательно быть такой пышной, как Глория, но она, Галя, чересчур уж хрупкая. «Мой гусенок», — говорила мама.

Галя себя недооценивает. В ней много неброской прелести, скрытой для невнимательного взгляда. Кто приглядится — испытает нарастающее очарование.

Галя немножко догадывается об этом. Костя Зайцев сказал ей однажды на танцах:

— А ведь ты здесь самая красивая. Мне смешно, что тебя никто не замечает.

Вспомнив о Косте Зайцеве, она чуть-чуть розовеет.

Костя — курсант авиационного училища. Будущие учительницы шефствовали над курсантами и часто проводили совместные вечера. Костя, по мнению Гали, не похож на своих товарищей. Курсанты казались ей близнецами: все щеголеватые, громкоголосые и немножко развязные. Костя — очень застенчивый. Он даже разозлил ее этим в первый вечер. Он не отрывал от нее глаз и молчал. Гале это надоело, она оделась и вышла на улицу. Костя выбо-

жал следом и попросил разрешения идти рядом. Так они познакомились.

Она не встречала человека умнее Кости. Только он был слишком влюблен, и на руках у него веснушки. Когда Галя закончила педагогическое училище, курсантов отправили в лагерь, и они с Костей даже не попрощались.

Галя проверяет тетради. Она разворачивает тетрадку и улыбается: словно наяву видит своих учеников. Вот Оля Курочкина — кругленькая, чистенькая, очень старательная. Буквы тоже круглые, чистенькие. Галя со вздохом подчеркивает слово «замарозки». Четверка. У Мамонова все листы в кляксах и захватаны чернильными пальцами. Красным карандашом она крест-накрест перечерчивает страницу...

Восемьдесят тетрадей. По письму и по арифметике. Все учителя жалуются: из-за этих тетрадей некогда передохнуть. Галя не жалуется. Ей нравится проверять тетради.

...Поет, заливается, всех тербит звонок. На Галю он действует, как глоток шампанского. Бодро стучат каблукшпильки. Галина Терентьевна входит в класс.

Своих учеников она называет про себя: «Мои третьеклашечки». Все сорок, они с первого дня вошли в ее сердце, крикливые и тихие, неуклюжие и суетливые, плаксивые и восторженные. Галя любит представлять их взрослыми. Какими они будут? Вот Сережа Знаменский. Не по годам рослый, серьезный. Родители работают на электромеханическом, учатся в вечерней школе. Галя видит Сережу высоким крепким парнем. Он инженер. С закатанными по локоть рукавами, стоит в солнечной комнате у чертежной доски.

— Галина Терентьевна! — летит к ней тонкий голосок Оли Курочкиной. — А Мамонов парту ковыряет!..

Галя объясняет Мамонову, почему нехорошо портить парту. Он вряд ли понял. Он сидит злой, нахотленный, и, наверное, Курочкиной достанется после уроков. Что выйдет из Мамонова? Во дворе он, подкравшись сзади, толкает в снег девочек. Может быть, лет через семь он будет стоять у клуба в компании наглых, недобро улыбающихся парней, затевающих драку?

Галя знает, хорошо знает, что в этих третьеклашках скрытно, исподволь созревают будущие, взрослые люди.

Как хочется разглядеть и осветлить их черты, вышвырнуть нехорошее, злое, мелкое!

Коля Фатеев решает пример у доски. Тихий мальчик в побелевшей от стирки форме. Он волнуется, путается, со страхом поглядывает на учительницу.

— Не торопись, Фатеев, — успокаивает Галя. — Кто скажет, где у него ошибка?

Почти весь класс поднимает руки. Галя гордится своими третьеклашечками. Они хорошо решают примеры. Это она их научила. Она даже больная приходила на уроки.

Но что с Фатеевым? У него закатываются глаза. Он покачнулся и, цепляясь руками за стенку, сползает на пол. Девочки взвизгивают. Галя бросается к Фатееву, непослушными пальцами расстегивает воротник рубашки. Мальчик открывает глаза и виновато смотрит на учительницу.

— Что с тобой, Коля? Ты болен?

Он ничего не может объяснить.

После уроков — политучеба для учителей. Потом Галя идет к родителям Фатеева. Она еще не знакома с ними. Они ни разу не приходили в школу. Вообще странно: родители хороших учеников приходят часто, а о плохих никто не беспокоится.

Фатеевы живут в новом многоэтажном доме. Это большой, веселый дом. Из своих окон он выплескивает на улицу электрический свет и бормотание телевизоров. Гале нравится думать, что в этом большом доме живут счастливые люди. Там, за желтыми, голубыми и розовыми стеклами возятся с игрушками дошколята, целуются молодожены, седенькие бабушки чинно сидят у телевизоров.

Дверь открывает беленькая девочка лет семи, похожая на Колю Фатеева.

— Мама дома?

Она испуганно качает головой.

— А папа?

Она кивает, хочет что-то сказать, но только часто-часто моргает.

Галя проходит в комнату с распахнутой дверью. На диване сидит босой мужчина с багровым скуластым лицом. Он не поднимается ей навстречу.

Галя мельком оглядывает помещение. Комната произ-

водит странное впечатление. Дорогой телевизор, роскошный буфет и рваное одеяло на кровати.

За столом, над «Родной речью» — Коля. Он смотрит на учительницу, губы у него нервно кривятся.

— Я Колина учительница,—строго говорит Галя багровому мужчине.

Он тупо разглядывает гостью.

— Мм? — вопрошает он, не разжимая зубов.

— Ваш сын неважно учится. Вот я и пришла поговорить с вами о нем, — через силу улыбается Галя и замолкает.

Ее собеседник пьян. Она только сейчас замечает это.

Он неуверенно встает.

— Учи...ница? — мычит он и старается изобразить улыбку. Получается пугающая гримаса.

Потом он поворачивается к сыну. На потном лице отражается трудное, тупое движение мысли.

— Колька! Подлец!.. — рявкает он и срывает с себя тяжелый солдатский ремень.

Безумный ужас стекленеет в голубеньких колиных глазах.

— Папка, не надо! — надрываясь, кричит он.

С глухим стуком обрушивается на него пряжка ремня.

Галя бросается на помощь. Волосатая рука, как дубина, отбрасывает ее к дивану.

В комнату вбегает мужчина в полосатой пижаме.

— Петр, опомнись! Милицию вызову! — трясет он Фатеева.

Фатеев вдруг сникает и словно просыпается.

— Воды... дай.

Вошедший подает ему графин. Фатеев жадно пьет, расплескивая воду на пол, потом опускается на стул и начинает тихо стонать, закрыв ладонями лицо.

Мужчина в пижаме — лысоватый, полный — выводит в коридор дрожащую Галю.

— Вы учительница Коли? — спрашивает он, справляясь с одышкой.—Я его сосед. Скворцов—моя фамилия.

— Извольте видеть — сосед попался, — словно издалека доносится до Гали. — Мучаюсь с ним третий месяц. Трезвый — человек. Пьяный — сами видите... Поднимает жену, говорит: «Сейчас тебя бить буду». Меня боится. Боится — милицию вызову.

— Надо вызвать. Он калечит детей, — говорит Галя. О, как ненавидит она того, багрового!..

— Вам легко рассуждать, — хмуро усмехается Скворцов. — Милиция не любит впутываться в семейные дела. А мне с ним жить. Он, знаете, на все способен.

— Но надо же что-то делать! Где он работает?

— Кажется, на ДОКе. Не помню только, в каком цехе. Галя вдруг находит решение.

— Завтра я пойду к нему в цех, — быстро-быстро произносит она. — Пусть соберутся рабочие, и я все расскажу. И вы придете. Хорошо?

Галя настойчиво смотрит ему в глаза. Рыхлое, в клеточках оспы, лицо Скворцова делается растерянным и жалким.

— Видите ли... — мямлит Скворцов. — Он все-таки мой сосед. И поверьте: он по-своему несчастен.

— Вы боитесь? — не щадит его Галя. — Я пойду одна.

Стоны и сопенье за дверью стихают.

— Уснул, — резюмирует Скворцов. — Как говорится, спектакль окончен.

Галя бросает на него недоверчивый взгляд. Нет, она не может уйти. Если она уйдет, здесь обязательно что-нибудь случится.

— Не беспокойтесь, — мягко убеждает Скворцов. — Если он разбушует, я справлюсь. Когда я дома, обижать семью не даю.

Он выходит за ней на лестничную площадку и притворяет дверь. Галя презирает его. Она смотрит вниз, на шахматный кафель пола.

— Завтра утром я приду к вам, в школу, — слышит она его невыразительный голос. — Вы правы: надо что-то предпринимать.

— Но ведь он на все способен? — поддевает Галя.

— Представьте себе, — серьезно и сухо подтверждает Скворцов. — Но вы правы: надо как-то спасти детей.

«Кажется, я обидела его», — думает Галя. Может быть, надо извиниться. Она молча протягивает ему руку. Влажная ладонь Скворцова бережно прикасается к ее пальцам.

— Спасибо, что зашли, — говорит он.

Галя медленно идет по лестнице. Странное дело: ей кажется, что она только что, сейчас, стала большой и взрослой. Может быть, так всегда бывает, когда в тебя

вселяется ответственность за чьи-то жизни. Она не боится завтрашней встречи с тем, багровым. Только собственная решимость чуть-чуть пугает ее...

Галя подходит к дому. Запирает за собой калитку и застывает в изумлении. Сквозь закрытые ставни просачивается лихая разноголосица джаза. Кто-то крутит пластинки. Вечеринка у хозяев? Не может быть.

Она торопливо сбрасывает пальто в темных холодных сенях. Дверь открывается. Глория.

— Обдиралы-то в деревню укатили, — радостно сообщает она. — Керосиним, Галка!

В комнате три пары. Эффектные, только слишком накрашенные девушки — должно быть, подруги Лоры. Эффектные молодые люди — из тех, что провожают Глорию с танцев.

Глория властвует в избе. На клеенке — винегрет, седетки и бутылки, бутылки... Неужели они все это выпьют?

Галя знакомится с гостями. Девушки критически осматривают ее простенькое штапельное платье. Молодые люди говорят: «Очень приятно!» и вежливо пожимают руку.

Ребята выпили, но ведут себя очень прилично. Только разговор что-то не клеится. Так бывает в компаниях, где все мало знают друг друга. Но Глория оживлена, она в своей стихии. И ее кавалер, Валерий, тоже весел: заигрывает с девушками, острит:

— Братцы! Вино выдохнется!

Он стучит ножом по столу и наполняет рюмки. Мужчинам — коньяк, девушкам — портвейн. Все пьют. Галя тоже выпивает свою рюмку. Горячей змейкой проскальзывает в горло вино.

Глория меняет пластинку. Танго. Кладет на плечо Валерия белую обнаженную руку. Ребята приглашают своих девушек. Танцуют. Все очень серьезные, словно думают о чем-то важном. Гале вдруг становится грустно. Может быть, от вина: ей некому положить руку на плечо.

Она тихо выскальзывает за дверь, выходит на крыльцо и удивляется, что не чувствует холода. Она стоит, ни о чем не думая, глядя на теряющиеся во мгле голые ветки сада.

— Звезды считаете, Галочка? — Рядом стоит Валерий, немножко пьяный, как всегда, улыбающийся. Он уверен в себе.

— Давайте считать вместе, Галя. Вы справа, я слева.

Галя молчит. Ей не о чем говорить с ним. Но он не понимает.

— Хотите, угадаю, о чем вы думаете?

Это называется флирт. Очень старая и неумная игра. Ей полагается ответить: «А вы умеете угадывать мысли?» А он скажет: «Попробуем. Дайте Вашу руку...» Или что-нибудь другое в том же духе.

Она молчит. Она не любит пошляков. С пошляками ей становится душно.

Растерявшись, он нарушает правила игры. Он пытается обнять ее. Галя его отталкивает.

— Ты какая-то дикая! — говорит он грубо. — Людей не видала, что ли?

Она не удостаивает его ответом. Она бросается в сени, и, на ходу одеваясь, выбегает на улицу.

Тихая окраинная улица спит. Или притворяется спящей. Ей наплевать на чью-то обиду. Ставни везде закрыты. Только псы во дворах позванивают цепями и изредка лениво подают голос.

Галя бредет по дощатому тротуару. «Что со мной?» — шепчет она, прикладывая пальцы к горящим щекам. Ей нехорошо. Глухое отчаяние паутиной обволакивает сердце. Она очень несчастна и одинока на этой чужой улице.

А Глории весело. Она, наверное, танцует сейчас. Глория никогда не будет вот так, бесцельно, куда-то идти, приказывая себе не плакать. Значит, все-таки Лорке счастье?..

Потом она вспомнила Костю Зайцева.

— Когда я тебя встречаю, — говорил он, — мне кажется будто врывается музыка, будто вносят цветы или всходит солнце..

Ей становится легче. Она почти уверена, что Глории никто не говорил таких слов. И она благодарна Косте Зайцеву. У нее где-то записан его адрес. Хорошо бы послать ему письмо. Ведь это ничего, что она, девушка, первой напишет юноше письмо? Конечно, ничего! Просто как товарищу!

Навстречу идут четыре парня. Галя замедляет шаг и вся напрягается, готовясь к отпору. Если они будут приставать, она не испугается, она накричит на них или еще что-нибудь сделает.

Ребята подходят. На рукавах — повязки «Дружина».

— Что вы одна гуляете, девушка? — весело окликает один из них — в армейской фуражке.

— А вам обязательно знать? — смягчаясь, задирает Галя. — Это входит в обязанности дружинников?

Парни останавливаются: хочется побалагурить.

— Не положено в одиночку гулять, — выдерживает тон армеец и вдруг предлагает — уже серьезно: — Может, проводить Вас? Нам нетрудно.

Она благодарит за внимание и отказывается.

— До свиданья! — говорят парни и расступаются, пропуская ее.

«Какие славные, симпатичные ребята», — думает Галя, глядя им вслед. Особенно тот, в армейской фуражке, кажется, он немного похож на Костю Зайцева.

Девушка возвращается домой. В сених, прижавшись друг к другу, стоят Глория и Валерий. Они даже не пошевелились, когда Галя прошла мимо.

В гостиной по-прежнему гремит радиола. Скользят, мечутся, изгибаются в танце две пары. Серьезные лица, глаза полузакрыты. Время остановилось для них.

Галя проходит в свою комнату, плотно закрывает дверь и, быстро раздевшись, закутывается в одеяло.

Бьются, трепещут жилки под тоненькой кожицей на висках. Пронесется, дробятся, ломаются картины промелькнувшего дня. Она хочет думать о хорошем. О маме, о Косте Зайцеве. Наплывает багровое лицо Фатеева... Хохочет Глория... Крадутся руки Валерия. «Остановитесь! — кричит она. — Слепые, слепые!»

Галя спит. Ненависть и любовь теснятся в ее сердце.

Евгений Бородин — журналист. Как собкору «Советской России», ему время от времени приходится менять место жительства. Перед тем, как переехать в нашу область, он жил и работал на Дальнем Востоке.

Но Бородин не только журналист. С ружьем за спиной любит он бродить по тайге, прислушиваться к ее голосам, присматриваться к ее жизни. Увиденным, услышанным, подсмотренным делится он с читателями.

Публикуемые новеллы взяты из книги, над которой Евгений Бородин сейчас работает.

Рассказы о природе

С РУЖЬЕМ ПО ТАЙГЕ

ХОЗЯИН ЛЕСОВ

Попав впервые в глухие таежные крепи, человек обычно больше всего боится встречи с ее «хозяином» — медведем. Ему чудится этот зверь чуть ли не в каждой коряжине. Боязнь так парализует его волю, что путешествие, вместо радостного и здорового, превращается в тяжелую душевную пытку. Такой новичок и не представляет себе, что любой зверь почует его присутствие в тайге гораздо раньше, чем он, и постарается исчезнуть тихо и незаметно. Страх перед человеком слишком велик и неодолим у него. Не раз мне приходилось наблюдать, что даже медведица, повинувшись инстинкту самосохранения, убежала от человека, бросая на произвол судьбы детенышей.

Когда ты научишься бесшумно ходить по тайге, растворяться в ее тишине, тебе откроется чудесный живой мир. Ты можешь быть свидетелем любопытных сцен.

Однажды я со своим приятелем, человеком типично городским, забрался в нехоженые дебри уссурийской тайги.

Шли по увалу, сплошь заросшему исполинскими кедрами. На деревьях я заметил свежие царапины — следы медвежьих когтей. По обильной шелухе от кедровых шишек было ясно, что Мишка лакомился орехами. В одном месте мое внимание привлек огромный камень, вывороченный из земли. Я заглянул в яму, и мне представилось интересное зрелище. На дне суетливо сновал крохотный полосатый зверек — бурундук. Он торопливо подбирал кедровые орешки и закидывал в свой маленький рот. Щеки его раздулись. Заметив меня, бурундук стриганул прочь.

Здесь, под камнем, было гнездо этого зверька. На зиму он обычно запасает с ведро самых отборных орехов и заботливо перекладывает их сухими листьями. Но теперь кладовая была разграблена медведем. Не спас даже камень. Мишка-пакостник не только зорит гнезда, но нередко устраивает и охоту на их хозяев. Ранней весной, отошавший за зиму, медведь выбирает проталину вблизи бурундучьих поселений и ложится на нее, притворившисьдохлым. Непоседливые и шустрые бурундуки очень любопытны, не усидят долго в своей норе. Увидев чудовище, зверек храбро запрыгивает на него. Вот тут-то и сгребет его когтистая лапа медведя.

Чтобы не смущать своего спутника, я умолчал о том, что произошло у вывороченного камня. Зарядив на всякий случай оба ствола дробовика пулевыми патронами (трудно все же полагаться на доброту хозяина леса), я пошел дальше, осторожно ступая по земле. Вдруг рядом со мной грохнулась сломанная кем-то большая кедровая ветвь, густо унизанная шишками. Потом просвистела в воздухе вторая. Мой приятель недоуменно смотрел то на кедр, откуда летели ветви, то на меня. Я поманил его рукой и увлек к соседнему дереву. «Медведь»,— тихо сказал я ему на ухо. Мой спутник изменился в лице, побледнел, крупные капли пота выступили на его лбу. Я громко свистнул. Наверху зашуршали ветви, на землю посыпались сухие сучья, кусочки коры. Потом что-то гулко шлепнулось. Раздался короткий рев, и тут только я увидел матерого медведя. Он до того проворно махнул в кусты, что я даже глазом не успел моргнуть. Как ошибаются люди, когда дают сравнение — «неповоротлив как медведь». Немного найдешь среди диких животных еще такого изворотливого, стремительного и сильного зверя.

Надо сказать, что мой приятель был все же мужествен-

ным человеком. Он выстоял. Но страха своего не стал скрывать. Положив мне руку на плечо, он тихо сказал: «Не надо туда, страшно». Мне было жаль его, и я повернул назад. «Что ж, еще две-три таких встречи,—думал я,—и он выкует в себе самообладание и поймет, что хозяином леса является человек».

НОЧНОЙ РАЗБОЙНИК

Как-то осенью я приехал в небольшое селенье, что стоит в устье реки Кан — притока Енисея. Там у меня был знакомый охотник Андрей Нечвидов. Все лето он добывал сосновую живицу и высмотрел немало глухаринных выводков, о чем написал мне.

Не успел я переступить порога его дома, как он сказал:

— Ну, брат, я тебя должен огорчить: сычей развелось у нас много, побили почти всю дичь.

Я знал, что филины — страшный бич для пернатого царства, не пощадят ни малую птаху, ни большую.

— Давай поохотимся на сычей, отомстим им за разбой, — предложил я.

Андрей согласился. Мы вышли из дома в предутренних потемках. Андрей отлично знал все тропы и даже в темноте легко находил их. Как истый таежник, он шел быстро и бесшумно. Я еле поспевал за ним.

Первого филина мы встретили за околицей. Он плавно парил над нами, отлетал в сторону и снова возвращался. Я ударил влет. Хищник замертво упал на землю. Второго сыча нам помогли найти пичужки. С громким писком, криком целым роем кружились они над своим врагом, сидевшим в лохматой кроне ели, остервенело набрасывались на него, ослепленного утренним светом. А он ошалело вертел шаровидной головой и зло шипел, когда к нему подлетала какая-нибудь смелая пичуга. Я поразился храбрости этих крохотных птичек.

В борьбу с ночным разбойником вступил и Андрей. Он выстрелил, и филин повалился вниз. Уже у самой земли сыч зацепился за сухую ветку. Вскарабкался на нее, отряхнулся, устоял на Андрее огромными зелеными глазами. Андрей, видимо, полагал, что хищник, хотя и глядит прямо на него, все равно не видит своими глазницами. Он подошел ближе и замахнулся рукой, пытаясь сбить птицу.

И сию же минуту филин молниеносно чиркнул лапой в воздухе и впился когтями в руку Андрея. Андрей растерялся, хотел второй свободной рукой сбросить сыча. Но тот схватил и другую руку и стал ожесточенно клевать в грудь Андрея, рвать его одежду, бить крыльями. Он все силился достать клювом до голой шеи и лица охотника. Еще какой-нибудь миг, и он, наверно, дотянулся бы, но Андрей быстро нашелся — всем туловищем прижал филина к толстому стволу дерева. С большим трудом я высвободил окровавленные руки Андрея из когтей мертвого хищника.

Домой мы возвращались молчаливыми и грустными, оба потрясенные тем, как яростно дрался сыч за свою жизнь.

СПАСИТЕЛЬНИЦА

В прошлом году я путешествовал по реке Амгунь. Погода стала заметно ухудшаться, и мне надо было до ледостава успеть доплыть до железнодорожной станции, чтобы там сесть на поезд и добраться до Комсомольска-на-Амуре. Чуть брезжил рассвет, и я уже садился в лодку и махал веслами до самых плотных сумерек. На берег выходил совершенно разбитым и в сплошной темноте собирал дрова. После ужина я передвигал костер, а на то место, где он был раньше, набрасывал толстый слой еловых веток. Спать было тепло, как на печке.

Однажды сквозь сон я услышал слабый лай, раздававшийся откуда-то издалека. Я делал страшное усилие, чтобы проснуться, но усталость была так велика, что мне долго это не удавалось. А лай как будто бы все приближался и приближался и наконец раздался над самым ухом. Я открыл глаза. Кругом жуткая темень. Костер давно погас, и в нем даже не теплился уголек. Отыскав в темноте припасенную растопку, я хотел было уже разжечь огонь. Но тут до моего слуха долетел какой-то странный шорох гальки на берегу. Я глянул туда и увидел горящие светлячки чьих-то глаз. «Волки!» — пронеслось в голове. Схватив ружье, я выпалил по светлячкам. Потом еще раз. И огоньки скрылись.

Когда запылал мой костер и в душе улеглась тревога, я стал размышлять, что за добрый зверь разбудил меня. Кто может так отрывисто и тонкоголосо лаять?

— Ба, да это же лисичка! Эх ты, моя спасительница!»— невольно воскликнул я.

И лишь наутро я понял, зачем она пожаловала ко мне: в подвешенной на дереве связке недоставало двух уток...

ЖИВОЙ БАРОМЕТР

Хорошо продить по лесам с человеком, знающим и любящим природу. Идешь с ним и словно перевертываешь страницы интересной книги — все ему знакомо и понятно в лесу. Выполз ли муравей из хвойной кучи на разведку, прогудел ли одинокий комар над ухом, он скажет: быть теплу. А ты стоишь и не веришь. Холодный сырой ветер гуляет по лесу, в ложбинах лежит еще почерневший снег. Казалось бы, ничто не предвещает перемены погоды. Но глядишь и выдался на другое утро ясный и тихий денек, какие не часто встретишь в Сибири в раннюю весеннюю пору.

Поехал я раз с одним таким бывалым человеком на гусиную охоту. Все предвещало удачу — в эти дни один за другим шли на север большие косяки гусей, по небу быстро чертили ломаные живые строчки утиные стаи.

Прибыли на место к утру. Мой спутник вышел из машины, посмотрел на небо, долго прислушивался к бормотанию токовавших тетеревов.

Не будет охоты — не тот азарт у косачей,—наконец, объявил он. — Погода испортится. Заворачиваем оглобли, пока не поздно.

Я не поверил ему и настоял на своем. Дичи-то полно, да и дорога неблизкая. Чего зря раскатываться. Он пожал плечами: мол, я предупредил, а ты решай, как знаешь.

Между тем погода стояла хорошая, если не принимать во внимание слабого северного ветерка. Я облюбовал место на перевале, через который больше всего шли гусиные стаи, сделал скрадок, сплел маскировку — мат из сухой прошлогодней травы. А мой приятель был занят другим — мастерил добротный шалаш, таскал валежник для костра.

В два часа дня начали сниматься гусиные стаи с островов. Они почему-то высоко поднялись в небо и, вопреки моим предположениям, даже близко не подходили к перевалу, где я сидел в скрадке, а улетали снова на юг, отказавшись от кормежки. Я недоумевал. Под вечер стал ша-

рить глазами по верхушкам голых берез — не покажется ли где косач. Но тетерева не вылетали из чащи. До самой темноты так я и не услышал ни одного тетеревиного боя. В лесу стояла гнетущая тишина. Замерла жизнь и на протоке, и на многочисленных озерцах. Редко-редко где раздавалось утиное кряканье.

Ночью налетел ветер, посыпал снег. Где-то в вышине испуганно кричали гуси, застигнутые снежной бурей. Мой приятель грелся у костра, был угрюм и молчалив. Наконец он философски сказал:

— Убедился? Живой барометр никогда не подведет.

ЛЕСНОЙ ДИРИЖЕР

Ночью в тайге всегда немножечко тоскливо и тревожно. Тем более, когда ты один. Только костер тебе отрада и защита. Он, как магнит,— никуда от него не хочется. Ступишь шаг, другой — и сразу тебя поглотит неуютная темнота, обступят какие-то неясные шорохи. Изредка дерево скрипнет, из черной глубины леса донесется зловещий крик ночной птицы.

Вот почему всегда так ждешь рассвета. Люблю я наблюдать эту радостную пору пробуждения. Сначала на небе задрожит синевагый всполох, вспыхнет и тотчас погаснет. Потом опять появится и разольется уже во всю ширь. И вдруг тебе откроется сказочный мир. Вдали загорятся пышные вершины низких кучевых облаков, будто величественные армады гор. Краски меняются удивительно быстро. Уже заалел восток, и первые лучи солнца робко коснулись верхушек деревьев. Поверху неудержимым потоком льется свет, а внизу, в глухой чаще, еще долго будет стоять сумрак. Но он уже не смущает тебя, ты видишь земной мир.

Ночные хищники — совы, филины, летучие мыши — бесшумно прячутся. Просыпается пернатое царство. Сначала услышишь несмелое и жалобное щебетанье: «Озяб, озяб». Я не вижу этой пичуги, но мне всегда хочется крикнуть ей: «Вот чудачка. Прыгни к ручью, плесни на грудь студеной водицы, и сразу станет жарко».

Но я молчу, зная, что сейчас раздастся чудесная лесная симфония. И я не обманываюсь. Невидимый дирижер уже поднял всю капеллу. Проходит минута, другая — и тайга

оглашается дружным хоровым пением. И сразу на душе становится легко и весело, в пору хоть в пляс пускаться. Но кто же этот неизвестный дирижер? Уже много лет я силюсь увидеть его и все тщетно...

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Я пробирался через Буреинский хребет в далекое стойбище эвенков Могды. Здесь сливаются две горные речки— Сулук и Аякит, которые затем образуют реку Амгунь. Горная тропа вывела меня к реке Сулук. Я долго искал брода и наконец в одном узком месте нашел переход — сваленное поперек реки большое дерево. Найдя длинный шест, я было собрался ступить на валежину, но тут увидел занятную картину. Из воды выскакивали огромные рыбыны и ловко перепрыгивали через дерево. Некоторым это не удавалось. Они запутывались в ветвях, долго бились в них, обдирая чешую, и навсегда застревали в такой ловушке.

«Это же кета!»—догадался я.

Летом и осенью в дальневосточные реки на нерест устремляются из глубин Тихого океана огромные косяки кеты и горбуши. Рыба проходит по рекам расстояние, иногда превышающее две и более тысячи километров. Израненная, с обтрепанными плавниками и хвостом, с красными кровоподтеками на боках, истощавшая (в пресных водах лосось не употребляет пищу), она наконец добирается до тех мест, где сама вывелась из икринки. Здесь лосось выдалбливает в дне реки лунку, мечет в нее икру и затем заботливо закрывает ее галькой, чтобы сберечь от хищных рыб — ленка, форели. Почти до самого ледостава кета будет охранять свое гнездо, пока не оставят ее силы. Много по осени плывет по реке погибшего после нереста лосося.

Как странно устроила природа эту очень ценную рыбу. Родившись из икринки в светлой, прозрачной речной воде, малек скатывается весной в океан. И там, добравшись до нагульных пастбищ, растет, зреет, чтобы потом, через четыре-пять лет, повторить путь своих родителей — дать жизнь тысячам мальков и погибнуть. Дважды ему не суждено родить.

У сваленной ели кишели стаи кеты. Ее уже собралось здесь так много, что, кажется, поставь в эту кучу шест — он не упадет. Сбросив с плеч рюкзак, я с топором стал

пробираться по дереву на середину реки. Торопливо рубил сучья, холодные брызги воды ударили мне в лицо. Вот уже образовалась щель, и в нее одна за другой начали проскакивать измученные кетины. Их не пугал даже человек — так властно в них говорила жизнь. Наконец я сделал большое окно, рыба свободно хлынула через него и быстро поплыла дальше вверх по реке, к своим родным местам.

РЕЧНОЙ ЖЕМЧУГ

До сих пор помню один рассказ о ныряльщиках, которые доставали со дна Индийского океана ракушки-жемчужницы. Я считал, что жемчуг водится лишь в южных морях и океанах. И, оказывается, очень ошибался. Мы поднимались по реке Кур — притоку Амура. На песчаной косе медленно догорал костер. Над ним лениво вился голубоватый дымок и тонкой прямой струйкой уходил вверх. Возле костра, скрестив ноги калачиком, сидели трое пожилых нанайцев и сосредоточенно раскуривали длинные трубки. У речки мыла посуду молодая нанайка. Эту группу мы увидели сразу, как только наша долбленая лодка вышла из-за кривуна. Более сотни километров осталось у нас позади и ни одного населенного пункта. Поэтому встреча с людьми была особенно приятна. Девушка, откинув с лица черную прядь волос, приветливо крикнула по-русски:

— Айда чай пить!

Один из нанайцев поставил на горячие угли закопченный чайник и жестом пригласил к костру.

Мы вступили на берег, размяли затекшие ноги и, прихрамывая, пошли к людям. Пройдя несколько шагов, увидели большущую кучу ракушек, прикрытую ветками. Я поднял одну ракушку и стал с любопытством рассматривать ее. Это был массивный двустворчатый моллюск, весом не меньше килограмма. Мой спутник был ихтиолог, знаток речного царства.

— Да это же даурская жемчужница! — воскликнул он. И рассказал мне интересную историю.

Моллюски-жемчужницы обитают, оказывается, и в реках, в частности в Амуре и некоторых его притоках. Обычно поселяются они в тихих плесах, зароятся в грунт

и сквозь полуоткрытые створки прогоняют воду, фильтруя из нее невидимые на глаз органические частицы. Иногда в тело жемчужницы попадает песчинка, которая постепенно обволакивается слоями перламутра. Так образуется в моллюске жемчуг.

Один из наших новых знакомых, вынудив из-за пазухи тряпицу, развернул ее. Перед нами лежали жемчужины: мелкие, с каплю величиной, и более крупные, как горошины, чистые, отливающие приятной нежной синевой.

Местные жители раньше и не подозревали, что крупинки, которые они находили в ракушках,—большая ценность. Бывало, охотники варили собакам мясо ракушек и на дне котла находили беленькие зерна. Обычно их выплескивали вместе с водой, иногда собирали для забавы детишкам.

Лишь при Советской власти здесь начал развиваться жемчужный промысел.

Добывают ракушки очень просто. На длинном шесте укрепляют обыкновенные вилы с сильно загнутыми концами. Ими бороздят по дну реки и зацепляют ракушки. Затем улов складывают в кучу на берегу, и через день—два погибшие моллюски открывают створки. Вот тогда-то и начинают чистить ракушки и искать в них спрятавшийся жемчуг.

Поблагодарив искателей жемчуга за гостеприимство, мы тронулись в путь. У меня было очень хорошее настроение. Еще бы! Я прочитал еще одну страницу лесной книги.

Николай Иванович Недобежкин бывший летчик гражданской авиации. Двадцать семь лет провел он на воздушных трассах области. Богатые жизненные впечатления дают ему материал для рассказов. С одним из них мы знакомим наших читателей.

ХУДОЙ ЧЕЛОВЕК

Р а с с к а з

Второй день хмурилось небо. Рваные облака медленно сползали с каменистых хребтов Урала, цеплялись за макушки деревьев, седыми бородами свисали над берегами Сосьвы.

Воздух был насыщен влагой до предела, остро чувствовался крепкий запах пихты и кисловатой гнили прошлогоднего листа.

В ожидании летной погоды механик Алексей Шурин, как всегда возился с мотором, а мы со сторожем Никитой, охранявшим самолет, сидели около его избушки. Попыхивая самодельной трубкой, набитой листом махорки, Никита вытесывал из сырого дерева кормовое весло. Это был одинокий старик-ханты. Он никогда не сидел без дела, всегда что-нибудь мастерил: выдалбливал из осины лодки, изготавливал без единого гвоздя легкие прочные шарты, охотно варил нам уху и всегда говорил:

— Уху варить только ханты может, русский не может.

По-русски Никита говорил неважно, зато человек был превосходный, слов на ветер не бросал. Не шутил он и насчет ухи. Из любой рыбы получалась она у Никиты бесподобная. Замечательно приготавливал он на вольном огне и насаженных на черемуховые прутья слегка подсоленных щук. Сверху щуки получались золотистые, мясо их оказывалось сочным, сохраняло приятный тонкий запах дыма.

Тихо на реке. Мимо нас на длинной лодке с сетями проплыл пожилой ханты. Положив весла на борта, он поприветствовал Никиту, исчез в тумане, и снова — тишь...

Прошло часа два, пока вновь донесся скрип уключин. К берегу причалил местный житель, сосед нашей хозяйки, Софрон. Уроженец верховьев Тавды, Софрон лет тридцать назад появился в этих краях. С тех пор он жил здесь безвыездно. Временами работал проводником в экспедициях, но в основном занимался промыслом. Имел хороших собак, которые держали любого зверя.

— Откуда это он приплыл? — спросил я у старика про Софрона.

Никита посмотрел в сторону лодки, вынул из кармана небольшой кусок черного камня, поточил им топор и с презрением проговорил:

— Худой человек. Плут... Утку шибко много промышляет, все на пароход сдает. Поди смотри... Олень, лось — все ему надо стрелять. Зачем тайгу грабить? — Старик вопросительно посмотрел на меня, видимо, хотел сказать еще что-то, но, не подобрав нужного русского слова, печально вздохнул и неторопливо принялся за свою работу.

Софрон складывал в мешок дичь. Я подошел, стал рассматривать трофеи. Он пугливо обернулся, скупко ответил на приветствие и продолжал свое дело. Сколько я ни вглядывался, ни на одной птице не было следов крови.

Одноствольная «Ижевка» с поржавевшим стволом и поломанной ложей, скрепленной медными планками с боков, лежала на брезентовом плаще Софрона, рядом валялся патронташ для пяти патронов — все пять были на месте, заряжены круглыми пулями.

— Сколько же ты сделал выстрелов? — спросил я.

Софрон взглянул на меня с усмешкой.

— Это в городе на одного чирка десять зарядов палят, а мы, паря, не стреляем — добываем. Не хватало по утке заряд портить.

— Где же ты их добывал?

— На своем озере.

— Разве озера у вас распределены персонально?

— Дык... хватит их на всех.

— Добыча солидная... Куда же девать будешь?

Софрон, пожав плечами, как бы сожалея, что терпит убыток, промолвил:

— Плохо! Самим надоели, продавать некому. Собакам да свиньям скормлю. Часть посолим.

Он взвалил мешок, согнулся под его тяжестью и пошел к дому.

...После пасмурных дней установилась теплая, ясная погода. По-северному, без усталости, светило солнце: пройдет в полночь над горизонтом и снова в зенит.

Невесомо поплыли кучевые облака, разрастаясь, принимали причудливые формы. К полудню их макушки розовели, а потом, к вечеру, облака исчезали.

Но на севере погода изменчива, коварна даже летом. Внезапно засинеют на западе тучи, вихрем закружатся вокруг них холодные потоки воздуха, засверкают извилистые молнии, раскатисто ударит гром. Пройдет над тайгой прозванная туча, молния сразит лесину в обхват, расщепит до корня смолистый ствол, белесым дымком закурит сухой валежник, порохом вспыхнет сизый ягель, дует ветерок, и начнут лизать красные языки могучие кедры.

Еще не осушило солнце росинки на хвое, не сошла ночная сырость с мягкой подушки мха, а мы уже более трех часов летаем над лесом. Обнаружив пять очагов лесного пожара, нанеся кроки, направились в сторону базы.

Единственно, чем можно было предотвратить пожар и спасти от него большой массив госфонда, — высадить рабочих на ближайшее озеро. Лесник созвал людей с топорами и лопатами. Я сделал два рейса и вернулся на базу.

Алексей стал осматривать двигатель. Никита сидел на своем излюбленном месте с Софроном, курил трубку.

Я протянул Софрону планшет с картой и попросил показать «его» озеро. Софрон долго рассматривал карту, шевеля губами. Взгляд его выражал беспомощность.

— Не нашел? Вот наша река, вот поселок, — показал я карандашом.

Софрон снова уткнулся в карту.

— Что-то, паря, не могу я разобраться в этой самой штуке, в глазах рябит. Никогда не приходилось в руках держать. Пешком или по речке сразу найду.

— Ну, а так можешь показать, в каком месте?

Он повернулся и показал направление.

— Там два озера соединены речкой?

— Так, так... Соединены.

— Избушка на перешейке с большими кедромы, лодка на берегу?

— Так, так... Есть там у меня.

— Я сейчас оттуда прилетел.

— Ишь ты, оттуда? — удивленно переспросил Софрон.

— Теперь я знаю твое озеро. Называется оно Варчаты.

— Ну, ну, Варчаты, Варчаты. Ханты его так называют.

— Скоро я снова полечу туда за рабочими. Хочешь, возьму тебя, обратно на лодке приедешь?

Софрону, видимо, хотелось полететь, но сразу он согласия не дал, стал чесать затылок, точно решал сложную задачу.

— Как бы того... Чего не случилось со мной.

— Погода хорошая, ничего с тобой не случится. Тайгу посмотришь сверху, покажешь, как уток добываешь.

— А говорят, воздушные ямы есть?

— Кто тебе сказал? Обойдем, если встретятся.

— Ладно!

Вскоре мы взлетели и взяли курс на Варчаты.

Софрон сидел со мной рядом и все время рассматривал землю. Когда я делал круг с левым кленом, он сторонился вправо, крепко держался руками за сиденье, закрывал глаза и втягивал голову в плечи. Наклонясь к нему, я спросил:

— Это твое озеро?

Софрон точно очнулся, пожал плечами, видимо, не совсем разобравшись с высоты в местах, вдоль и поперек им исхоженных, но когда я показал на избушку, он часто закивал головой и расплылся в довольной улыбке.

После посадки я подрулил к избушке. Песчаный берег зарос хвойным лесом, лишь около избушки место было чистое, только торчали пни спиленных деревьев. К озеру вела прямая тропа, по ее краям росли кусты маличника, смородины, крапива. Два косматых кедра, сомкнув кроны, образовали темно-зеленый навес, защищая избушку от дождя и солнца. На шершавых стволах кедров были растянуты шкурки лебедей. На плоской крыше, заросшей сорняком, валялось множество лосиных и оленьих рогов. Над дверью лежал череп хищного зверя с крупными кошачьими зубами.

Я пошел к берегу речушки. В ней суетилось множество мелких рыбешек. Некоторые выпрыгивали на поверхность воды.

Пока я был у речки, Софрон принес из садка ведро крупных живых окуней.

Сухие смолевые дрова темным пламенем со всех сторон охватили закопченное жирное ведро. Софрон, подбрасывал сушняк в костер, рассказывал о весенней охоте.

— Весной, когда начнутся забереги, много всякой дичи прилетает. Вон мой скрадок, тут всегда вода раньше появляется. Годами птицы мало бывает — проходит быстро. Это когда на Севере тепло.

— Сколько же ты селезней убил из скрадка?

— Селезней? Лешак их знает, не считаем мы их. Сядет табун, смешаются... разбери!

— А если пара сядет?

— Если пара? Тогда сначала самку надо стрелять.

— Это зачем?

Софрон, не поняв укоризны, прозвучавшей в моем вопросе стал снисходительно объяснять:

— Самцов стреляют опосля. Ну, скажем, сядет пара, стреляют сперва самку: самец, если улетит, то снова сядет около нее.

— А не жаль тебе самок? Ведь они утят выводят. Одна может к осени десяток приплодить.

— Хватит их тут.

— Разве тебе неизвестно, что самок запрещено стрелять весной?

— Все стреляют. Кто тут видит?

Зеркальную водную гладь угрюмо окружали вековые кедры. Они вплотную подступили к берегу, купая в прозрачной воде свои тени.

Наша лодка скользила вдоль берега. Софрон сидел на корме, я — в середине лодки. Белые чайки низко кружились над нами. Вертя маленькими головками, они без тревоги рассматривали непрошенных гостей. Впереди, разбегаясь, взлетали белобрюхие поголи. Вдали отчетливо различался табун белобоких чернетей. Чем ближе мы подъезжали к ним, тем загадочнее вели себя утки. Они не взлетали. Одни лишь беспомощно хлопали крыльями, другие часто ныряли, тут же всплывали и вытянув шеи, испуганно прижимались к воде. Мы совсем близко подплыли к большой стае. Софрон затормозил лодку. Она развернулась, зацепив боком за торчавший из воды позеленевший кол.

Софрон недовольно промолвил:

— Мало за ночь попало. Меньше вчерашнего.

Даже опытному глазу охотника было трудно разоб-
раться, в чем тут дело.

Представьте себе большую стаю чернети. Одни птицы неподвижно держатся на воде, другие ныряют, третьи, поднимая грудь, машут крыльями, думаешь: вот-вот улетят. Среди двух десятков искусно сделанных перовых чучел (а делал их Софрон не хуже любого музейного препаратора) было много живых, ранее пойманных чернетей. Привязанные двухметровым шнуром за лапки, они могли нырять, доставая со дна скудную пищу. Весь табун был обведен прочной тонкой веревкой метров двести в окружности. По окружности веревки Софрон вплетал петли-удавки из конского волоса, так часто, что, сев в круг, утка могла миновать петлю только в том случае, если ей удалось поднырнуть. Голодные, уставшие при длительном весеннем перелете, утки, завидев, «спокойно отдохавших» подруг, доверчиво садились на озеро, расплывались в стороны и попадали в петли.

Софрон выпутал из петель несколько заочневших самок, потом поднял белобокого самца, перекрутил ему шею и небрежно бросил в лодку. Тот судорожно распустил нарядные крылья, чуть приподнялся, зацаратал когтями по дну лодки, гордо закинув за спину сизую голову, замер в этой позе.

Я не выдавал кипевшего в душе негодования, но не скрываю — у меня было желание свернуть шею самому «конструктору».

— Сколько у вас таких охотников? — спросил я.

Софрон бросил в лодку непотухшую спичку, выпустил изо рта облако дыма, заносчиво ответил:

— Манчиков никто делать не умеет, а без них не добудешь... Сетями хорошо добывают.

— Это как же — в воду, что ли, ставят?

Софрон усмехнулся.

— Что ты, паря. В воде пугицу сетками не пымаешь! Видит она. Просеки делаем в лесу и перевесы ставим из сетей. Нешто не видел просеку около избушки на другом озере? Там и имаем. На прошлой неделе за два дня около двухсот накрыл. Больше серой попадает.

— Разве она не видит сетку, когда летит?

— Ночью, в худую погоду, при ветре или тумане, низко ходят и попадают.

— Что же ты, головы им скручиваешь или живыми вытаскиваешь?

— Нам торопиться надо. Как накроешь сеткой, тут же скручиваешь головы.

В это время я осторожно высвободил из петли непокалеченную утку. Софрон приказал крутить ей шею, чтобы хрустнуло в позвоночнике. Я сделал вид, что свернул утке голову, бросил птицу в нос лодки. Утка, тут же, не касаясь дна, выпорхнула и скрылась под водой. Вторая без моего намерения вырвалась из рук, поцарапав ладонь, захлопала по воде крыльями, нырнула и больше не показалась.

Насмешливо взглянув на меня, Софрон съязвил:

— Тебе, паря, только вшей в рубцах иметь, а не уток. Вперед надо голову крутить, потом с силка снимать, а у тебя наоборот выходит.

— Мне жаль самок. Я не браконьер — охотник. И тебе советую убрать свои удавки.

Софрону, вероятно, мой тон не понравился, он невнятно заворчал что-то про себя, быстро выпутал полуживых селезней, и мы молча поехали к избушке.

На берегу Софрон тоже не проронил ни слова, лишь выкурил козью ножку и собрался плыть на второе озеро.

Из бора поднялись две синие ракеты — ребята возвращались с пожара.

— Софрон, — обратился я к «хозяину озера», — ханты сознательнее тебя. Они стреляют дичь только для пропитания, а ты спекулируешь. Завтра я буду в округе и передам акт на твое браконьерство. Будешь платить за каждую утку... Вчера ты их целый мешок привез.

Софрон, спустив голову, молча сидел на сухой лесине.

— Мне школьники говорили, что ты и лебедей стреляешь, шкурки выделываешь на шапки. За них судить будут.

Услышав про лебедей, Софрон побледнел, на лбу появилась испарина. Он без конца затягивался махоркой и почти не выпускал дыма.

На третий день один из рабочих рассказал, что Софрон после нашей встречи снимал все ловушки, забрал охотничий скарб и уехал домой.

ЮНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ

Мишии Юхма

От автора

Есть на Волге небольшая, но удивительно самобытная республика Чувашия. Край песен, край сказаний, легенд об отважных борцах за народное счастье, край вековых дубрав, рек, озер, край добрых и трудолюбивых людей.

Здесь, в этой республике, родился и вырос Андриян Николаев, космонавт-три. Чувашская земля вскормила его, чувашские песни дали ему первые крылья.

Родное село космонавта — Шоршелы. Стоит оно на красивом месте. Дома — и на горе, и на склоне горы. Близ села змеятся говорливые веселые речки, раскинулись луга, леса. И Цивиль — полноводная чувашская красавица — протекает рядом. И Волга тут же!

А до чего хороши в Шоршелах родники, бьющие у подножия горы! Как слеза, чиста и прозрачна их вода. Шоршелы, в переводе на русский язык, — Белые (Чистые) ключи.

В этом красивом селе — дом, где родился и вырос космонавт-три, школа, где он учился, здесь живут его родные.

Собирая материалы о детстве космонавта, мне пришлось долго жить в Шоршелах. Я старался встретиться со всеми, кто помнит детские годы Андрияна Григорьевича. Узнав, что я собираюсь писать о их прославленном земляке, люди с радостью соглашались помочь мне.

Вспоминали, рассказывали, улыбались...

Так появились эти небольшие новеллы.

Мечта

Родственник Николаевых, Михаил Громов, приехал на побывку. Он — летчик. Бывал в дальних полетах.

— Летчик, он, мой мальчик, — хозяин воздуха, — рассказывает Михаил Громов маленькому Андрияну. — Взлетишь и паришь, как орел. Как сокол! Видал, как летают аэропланы?

Не раз видел их Андриян. Стоило появиться над деревней самолету, он задрал голову, смотрел в небо и кричал:

— Миша пичче! Миша пичче¹, возьми меня с собой!

Одобрительно поглядывая на возбужденного племянника, Громов продолжает:

— Лишь храбрый может стать летчиком. Если

¹ Пичче — вежливое обращение к старшим родственникам.

хочешь стать летчиком, надо быть смелым, как Улып.¹

Глаза маленького Андрияна горят, сверкают. В них — искры. В них — дерзость. Их зажигает мечта.

Как только ушел гость, Андриян подбежал к матери.

— Анне,² я тоже, когда вырасту, буду летчиком, как Миша пичче.

Мать, Анна Алексеевна, погладила сына по голове:

— Будешь, мой мальчик, будешь. Расти. Учись...

Так родилась мечта Андрияна стать летчиком. Тогда ему было пять лет.

Первые полеты

Анна Алексеевна сегодня вернулась с работы раньше.

Маленький Андриян обычно встречал ее у каютки. Сейчас его не было видно.

Встревоженная, зашла мать в дом.

О диво!

Уцепился Андриян одной рукой за крючок, на котором когда-то висела его зыбка, и качается.

— Ах, тур-тур-ту-у-у-ур!³ — воскликнула Анна Алексеевна, испуганная. — Как ты забрался туда? Упадешь!

— Не бойся, Анне! — объясняет Андриян, — поставил на стол табуретку и — пожалуйста.

¹ Улып — великан-добряк в чувашских сказаниях, восстал против бога, чтобы добыть людям счастье. За это он был прикован богом к скале.

² Анне — по-чувашски мама.

³ Восклицание, обычно употребляется для выражения испуга и удивления.

И правда: посреди избы — стол, а на столе — табуретка.

— Что тебе вздумалось туда взобраться? — удивляется Анна Алексеевна. — Другой игры не нашлось?

Андрьян, еще раз лихо качнувшись на крючке, опустил на табуретку. Мать схватила его, поставила на пол.

Мальчик ясными глазами посмотрел на нее:

— Я буду летчиком. Чтобы стать летчиком — не надо бояться! Надо учиться летать! Так Миша личче говорил!

Дерево-киремет¹

В доме вели разговор. Старушки. Соседние.

— Дерево-киремет, что растет на берегу реки Шэнер, очень злое дерево, — сказала одна.

— Да, да, — подтвердила другая. — Вон четыре года назад, старушка Сахвине прошла мимо киремет вечером и сразу слегла.

— По ночам, говорят, там колдуньи собираются, — откликнулась третья, — с рогами, с хвостами, верхом на метлах...

Шестилетний Андрьян слушал их, не пропуская ни одного слова.

Наступил вечер. Старушки разошлись по домам. Мать приготовила детям постель и позвала сына:

— Иди, сынок, ложись!

Ответа не последовало.

— Куда он делся?

Анна Алексеевна поискала его и там, и тут — исчез Андрейка.

¹ Киремет — место, где чувашаи в старину приносили жертвы.

«К соседям ушел?» — подумала она.

Но и у соседей мальчика не оказалось. Начался переполох. Все искали Андрияна. Нигде его не было.

Через некоторое время открылась дверь и на пороге появился пропавший. Лицо хмурое, губы надуты.

Анна Алексеевна бросилась к сыну, прижала к груди.

— Где пропадал? — строго спросил отец. — Из-за тебя полдеревни на ноги подняли.

— Был у дерева-киремет, — хмуро ответил мальчик. — Колдуний искал. Нет их там!

— Ах, тур-тур-тур! — всплеснула руками Анна Алексеевна. — Ночью? Один?

— Один! Никого там нет. Ни одной колдуньи, — произнес маленький Андриян и недовольный, будто обиженный, отправился спать.

Щука

Летом ребята часто ходили на рыбалку на Цивиль.

Кто постарше, ставили рыболовные снасти. Маленькие — пугали рыб, гнали их по течению реки.

Андриян тоже был загонщиком. Кричал, хлопал изо всех сил ладошками по воде,

Однажды он заметил, как одна большая рыба всплеснула хвостом и повернула в заливчик. Спряталась там, затаилась. «Наверное, это щука! — подумал Андриян. — Очень большая и хитрая».

Он быстро запрудил заливчик камнями и начал ловить рыбину. Несколько раз скользкая щучья спина оказывалась в его руках, но затем щука вывертывалась, уходила.

На помощь прибежали другие ребята. И большие пришли.

Но они лишь взмутили воду — щуку никто не находил.

— Наверное, спряталась и лежит где-нибудь под камнем, — рассуждали ребята. — Все равно не поймаем. Пошли.

— Идите, а я останусь. Я ее поймаю, — убежденно сказал Андриян.

Ему никто не поверил. Махнули рукой, убежали.

Остался Андриян один и стал думать: «Как же мне тебя перехитрить, рыба-щука?»

И придумал.

Нашел дощечку и в нижней части заливчика стал рыть канал. Вот он и готов. Вот уже и вода идет!

Пусть попробует теперь рыбина спрятаться!

Ребята в это время растягивали сеть, готовясь к очередной загонке.

— Вот она! Поймал! — донесся до них восторженный голос Андрейки.

В руках его, извиваясь, сверкая белым брюхом, трепетала добыча.

За ягодами

Ребята отправились в ближний Пувайский лес за ягодами. Среди них — и Андриян.

Далеко зашли.

Только собрались было домой возвращаться — набрели на место, где оказалось очень много ягод.

В это время небо покрылось черными тучами. Полил дождь.

Летом всегда так. Только что было безоблачно, сияло солнце и вдруг — дождь.

Дети перестали собирать ягоды, побежали домой.

Долго бежали они, а опушки леса все нет и нет.

— Заблудились! — произнес кто-то страшное слово.

Малыши заплакали, ребята постарше, не зная, как быть, остановились, поглядывали друг на друга.

Дождь все лил и лил. Как из ведра.

— Что же делать? Пропали! — сказал мальчик, считавший себя вожаком. — Солнца нет, без солнца дорогу не найдем.

Младшие еще пуще заревели. Слово «пропали» напугало и старших.

Только один не растерялся.

Он посмотрел на стволы и сучки деревьев и сказал уверенно:

— Выйдем. Пошли!

Это был Андриян.

И правда, вскоре ребята вышли на опушку леса. Оказывается, и идти-то было совсем недалеко.

Дождь перестал.

Все окружили Андрияна.

— Как ты узнал, что надо было идти в эту сторону?

Андриян засмеялся.

— Все вы могли догадаться об этом. Вы просто растерялись, и это помешало вам. Разве забыли, чему учили нас в школе?

— По деревьям он узнал! — сообщила одна девочка.

— Правильно, — сказал Андриян. — Помните, учитель говорил: на южной стороне дерева сучьев

больше, а на северной — на стволах деревьев мох растет. Мы от деревни уходили в северную сторону. Чтобы выйти обратно, надо было повернуть на юг.

На льду

Еще маленьким Андриян очень любил кататься на коньках.

Как-то ребята гурьбой спустились на Цивиль. Река только что стала, лед тонкий-тонкий. Надели коньки, ступили на лед и понеслись.

Один из мальчишек отделился от ребят и помчался к другому берегу.

— Толя! — закричал ему Валерий, — Толя, смотри осторожнее, там прорубь!

Но тот не слышал.

Вдруг лед под ногами Толи треснул, и он очутился в воде. Вынырнув, Толя зацепился за край проруби, закричал.

Ребята растерялись. Первым нашелся Андриян. Быстро лег на живот и приказал Валерию:

— Ползи за мной!

Друзья поползли к проруби. Когда до нее осталось метра три-четыре, мальчишки остановились. Валерий схватил Андрияна за ноги и остался лежать неподвижно, тем самым застраховав друга. Андриян же подполз к самой проруби.

— Хватайся за мою руку! — скомандовал он перепуганному Толе. Тот было ухватился, но закоченевшие пальцы плохо слушались. Толя сорвался и с головой — в воду.

«Утонул», — обожгло Андрияна.

Нет. Толя не утонул. Еще раз вынырнул. Андриян схватил его за воротник.

— Тяни меня за ноги! — крикнул он Валерию.

Изо всех сил тянет Валерий Андрияна. Тот осторожными движениями помогает ему, не выпуская из рук воротника Толи.

Руки Андрияна замерзли. Скрюченные пальцы вот-вот не выдержат, выпустят оледенелый воротник.

— Нет, не выпущу! — прикусывая губы, шепчет Андриян.

Вот и берег.

Непослушными пальцами Андриян развязал шнурки Толиных коньков, заторопил друга:

— Беги домой! Что есть духу, беги!

Того только и видели.

Согрелся ли он на бегу или помогло то, что его сразу вытащили, но только Толя не заболел.

Лишь Андриян в тот день чуть не обморозил руки.

За орехами

Андриян с сестренкой Зиной пошли за орехами. Долго ходили они, орехов набрали много. Пора домой.

По дороге их встретили два мальчика из соседней деревни.

— Отдай орехи! — закричал один. И преградил им путь.

От неожиданности Андриян вначале растерялся. Да и как не растеряться. Ведь чужих двое. И каждый из них старше его. Рядом, правда, Зина. Но что она! Девчонка.

А мальчишка уже протянул руку к мешочку Андрияна.

Ветра вилами не остановишь, злого человека — словами.

Андриян передал свой мешочек сестренке.

— Беги домой!

Зина побежала что было сил. Любитель чужих орехов кинулся следом. Но не успел он пробежать несколько шагов, как кувыркнулся на траву, от ловкой Андрияновой подножки.

В этот момент второй мальчишка схватил Андрияна за пояс.

Где не хватает силы—зови на помощь ловкость. Андриян неожиданно опрокинулся навзничь, при падении поднял забияку ногами и бросил его через голову.

Из-за деревьев показался дед Мигулай, житель Шоршел. Он, оказывается, все видел.

— Ну, хватит, хватит, — прикрикнул он на ребят. — Хватит, сказано! Показали камит¹ и довольно.

— Мы его!.. — всхлипывая, грозились мальчишки. — Мы его! Чего он...

— Самый виноваты, — сердито проговорил дед Мигулай. — Сами начали. Сказано: кто поднимает дубину, сам рискует попасть под нее. Так и вышло у вас. Петушата...

Потом он повернулся к Андрияну.

Маттур,² сынок. Не надо сдаваться злему. Всегда оставайся таким. Но смотри, сам не будь злым!

Радиоприемник

— В школе организуется радиокружок! — сообщил учитель физики. — Кто желает записаться— скажите мне.

Вначале Андриян и не думал записываться. Он в то время увлекался стихами и много времени

¹ Камит — смешной случай, комедия.

² Маттур—молодец.

проводил за книгой. Но вскоре стал одним из активных членов радиокружка.

И вот как это получилось.

Соседи Николаевых купили детекторный радиоприемник. Андриян дружил с мальчиком из этого дома. Но тот, как только родители приобрели радио, стал зазнаваться.

— По всей деревне нет такого радио, как у нас. — то и дело говорил он.

Андрияну это очень не нравилось. Он с детства не любил хвастунов. Терпел-терпел. Наконец сказал товарищу:

— Хвалиться начал. Смотри, перестанут тебя любить товарищи.

Сказал не со злым умыслом. Просто ему хотелось предупредить парня, помочь ему исправиться. Но тот не понял.

— Ха, пусть не любят. Одни уйдут, другие придут. Если разрешу слушать радио...

— Зазнаваться нехорошо. Зазнайство, — начал было Андриян, но мальчик не дал ему договорить.

— Что учишь меня! Вот и самому не дам слушать...

В тот же день Андриян пошел к учителю физики.

— В радиокружке учат строить детекторные приемники? — спросил он.

— Будешь стараться, всему научишься, — сказал учитель.

Нерадивый становится знахарем, неленивый — мастером.

Через два месяца в доме Николаевых работал детекторный радиоприемник. Начиная с коробки и кончая винтиками, все Андриян сделал сам.

А товарищ?

Товарищ перестал зазнаваться.

Теперь детекторный радиоприемник, сконструированный Андрияном, хранится в краеведческом музее Чувашской АССР.

Первые крылья

Первые крылья!

Навсегда вы остаетесь в памяти. Хочется писать о вас, и не только рассказы, — романы, поэмы. Хочется петь бессмертные песни.

Как-то Андриян вернулся домой позже обычного.

Лишь только вошел в избу, подбежал к матери, хлопотавшей у печки.

— Анне, я сегодня был в кружке авиамodelистов. Там мы будем строить маленькие самолеты! — сообщил он радостно.

— Что, они и летать смогут? — удивилась мать.

— Смогут, анне, смогут. Далеко-далеко смогут летать. Конечно, если хорошо построить...

Мать поверила: «А что же! В наше время все возможно», — подумала она. Посмотрела на сына глазами, полными ласки: «Расти, сынок. Ты все сумеешь».

— Такой самолетик, анне, называют моделью, — продолжал объяснять Андриян.

Анна Алексеевна погладила его по голове.

— Учись, сынок, учись.

С этого дня Андриян с товарищами все свободное время что-то строгаили, пилили, клеили. Ребята готовили модели.

Пришла весна.

Наступил день соревнований.

Безветренная погода. А небо такое чистое, бездонное. Только изредка высоко-высоко покажутся

белые, легкие, словно перышки, облака. Покажутся и снова растают.

Захватив модели, ребята вышли в поле. Посмотреть на соревнования собралось много шоршелцев.

Маленькие дети толпятся возле моделей. Им хочется все рассмотреть, потрогать. Но конструкторы даже близко не подпускают.

Начались соревнования.

Одна за другой взлетают в небо легкие модели. Очередь дошла до Андрияна.

Он волнуется. Перед выходом на стартовую площадку посмотрел на мать.

Тепло светятся ее глаза, подбадривают: «Не волнуйся, все будет хорошо».

Последний раз проверив резинку пропеллера, Андриян легким движением руки направил модель в небо. Она легко, плавно, красиво набирала высоту. Потом, заняв горизонтальное положение, устремилась вдаль. Основную дистанцию модель должна проходить в таком положении. Но вдруг модель сделала рывок и, извиваясь, начала падать. Андрияна бросило в жар, на лбу выступил холодный пот. С трудом сдержался он, чтобы не крикнуть.

Да, видно, он счастливый.

Словно подразнив его, модель выравнялась, снова набрала высоту. А через некоторое время, пролетев дальше всех, спустилась на полянку возле леса.

Андриян сиял. Да и как не радоваться: на соревнованиях он занял первое место.

А впереди... Сколько интересного впереди! Мечты Андрияна устремляются вдаль. Они летят выше и выше. Они обгоняют самые быстрые крылья.

Ракета

Уже в детстве Андриян любил читать книги К. Э. Циолковского. Однажды он задумал сконструировать ракету. Было ему тогда десять лет.

О своих планах Андриян рассказал брату Ване и товарищам — Лене и Валерию.

Начали работать вчетвером.

Нашли небольшую деревянную бочку.

— Это будет корпус ракеты, — с ученым видом говорил Андриян.

Наполнили бочку берёстой, щепками, хвоей сосны. И еще заложили горсти две пороху.

Когда ракета была готова, друзья подхватили бочку и потащили ее в овраг Ахтан.

Овраг Ахтан — один из самых глубоких оврагов в окрестностях Шоршел. «Никто там не увидит, никто не помешает», — решили они.

Дошли.

Поставили «ракету» на пенек, принялись разжигать ее.

Минута и — «горючее» запылало.

«Полетит! Сейчас полетит!» Но «ракета» все не взлетала. Наконец пламя охватило корпус-бочку, а еще немного погодя на месте «ракеты» осталась кучка золы.

Опечаленные, вернулись друзья домой. Больше всех горевал зачинатель дела — Андриян.

Что же поделаешь? Не знали они, как строить ракеты, как запускать их. Маленькие были.

Хочу стать командиром

Андриян уже большой. Окончив семь классов, он поступил в Марпосадский лесной техникум. На каникулы приезжал домой, в Шоршелы.

В один из таких приездов мать встретила только что прибывшего сына в сенях.

— Дядя Вася приехал, сынок, — сообщила она ему.

— Правда? Где он? — Андриян радостно улыбнулся. С каких пор ждали его!

Дядя Вася — родной брат отца Андрияна. Несколько лет был на войне, пол-Европы прошел. В Маньчжурии с японцами дрался.

— Дома он, сынок. Тебя очень хотел видеть.

— Мама, тогда я пойду...

И, не заходя в дом, Андриян побежал к дяде.

Василий Терентьевич тепло встретил племянника.

— Ого-о! Как вырос! И не узнать тебя!

Андриян внимательно посмотрел на дядю. Точь-в-точь, как на присланной с фронта фотокарточке. С добрым, приветливым лицом. В гимнастерке, с погонами. Погоны не как у простого солдата, с полосками.

— Вася пичче, ты был командиром? — спросил Андриян.

— Был командиром, сынок. Был, — с улыбкой ответил Василий Терентьевич. — «Катюшей» командовал.

— «Катюшей!» — Глаза Андрияна восторженно сверкнули.

Про «Катюшу» он слышал много. «Для фашистов это было самое страшное орудие», — рассказывали фронтовики.

Андриян с завистью смотрел на дядю. Потом сказал вслух:

— Эх, Вася пичче. Вот бы и мне, как ты стать командиром.

Пришло время, и Андриян стал командиром.

Командиром космического корабля.

Турник

Учащиеся лесного техникума по программе физической подготовки должны были выполнять разные упражнения на турнике. Андриян отставал от других. Не ладилось у него. Летом, перед каникулами, учитель подсказал ему:

— Сделай турник дома. Будешь заниматься, можешь перегнать всех.

В деревне, собрав товарищей, Андриян, предложил им сделать турник. Все охотно согласилось. Около речки нашли изогнутый лом, понесли его в кузницу. Положив на наковальню, распрямили кувалдой. Неподалеку от дома Андрияна вкопали столбы, закрепили лом—турник готов.

Каждый день — и утром, и вечером Андриян прибегал сюда. Подтягивался на руках, выделял замысловатые упражнения. Скоро он научился крутить «солнце».

Упорство, настойчивость сделали свое дело.

...Турник Андрияна и его товарищей сохранился до сих пор. Он стоит на улице, названной именем космонавта.

Гири космонавта

Старшие ребята в Шоршелах стали соревноваться по поднятию гирь. Брат Андрияна, Ваня, тоже нашел для себя двухпудовую гирю. Каждый день показывал он свою силу. Попробовал и Андриян поднять гирю. Не получалось. Для мальчика шестнадцати лет двухпудовая гиря была тяжеловата. Брат на два года старше Андрияна, он, конечно, поднимал.

— Подожди, скоро и я подниму, — сказал Андриян.

Издавна говорят: каким будет конь, можно узнать по жеребенку.

Андрян сдержал свое слово. Скоро он нашел для себя пудовую гирию. Каждый день поднимал ее, тренировался. Через несколько недель попробовал поднять двухпудовую. Легче пошла.

Стал тренироваться с двухпудовой.

— Матгур, — одобрил его брат. — Если так дальше дело пойдет, ты станешь сильнее меня.

Со временем Ваня совсем забыл про гирию. Только Андрян, каждый день играя двухпудовкой, развивал свои мускулы, укреплял здоровье.

С тех пор прошло много лет. Эти две гири и сейчас сохранились. «Гириами космонавта» называют их.

Одна из них — двухпудовая находится в краеведческом музее Чувашской АССР, другая — пудовая — в родном доме Андрияна Григорьевича.

Звезды зовут

Андрян сдал последний экзамен. Скоро он получит диплом об окончании лесного техникума. Впереди — работа. Любимая работа.

На благодатной земле Родины он вырастит много-много деревьев.

Андрян сидел на чурбане перед домом и мечтал. Чудесные крылья у мечты. Волшебные.

— Ты приехал? — слышалось над ним.

Это был друг Андрияна, Валерий.

— Приехал. Садись.

Обменявшись новостями, друзья направились к подножию горы.

Прекрасна весенняя ночь. Легкими порывами набегают теплый ветерок. Ласкает лицо, грудь, пе-

ребирает волосы. С долины доносятся задумчивые, чуть грустные песни девушек.

Юноши дошли до склона горы, остановились.

Небо чистое, торжественное, словно бусы на шее любимой, сияют звезды. Кевенде силдыр — Созвездие Ориона — тремя яркими алмазами украшает потолок неба. На севере Алдыр силдыр — Большая Медведица — перевернула свой ковш и льет на землю изумрудные блески.

«Алдыр силдыр — сич силдыр, сич каласан сывап пулать», — вспомнил Андриян присказку бабушки. В переводе на русский язык это означает: Алдыр силдыр — семь звезд, семь раз скажешь, счастье, блаженство получишь. Бабушка постоянно твердила, что если эту присказку сказать семь раз не дыша, обязательно будешь счастливым. Маленький Андриян верил в это. Но такое время давно прошло.

К югу по потолку неба тянется Млечный путь. Чуваши называют его «Дорогой диких лебедей». Легенда гласит: эту дорогу построили дикие лебеди из кусков звезд. Построили для того, чтобы их подруга, оставшаяся на Севере, могла найти к ним путь.

Какая чудесная легенда! О вечной дружбе, о готовности помочь близкому говорит она.

...Звезды, звезды! Сколько же их!

— Посмотри-ка, Андриян, — схватил Валерий за руку друга. Присмотрись внимательнее, видишь — звезды будто подмигивают нам. То погаснут, то снова разгораются, словно открывают и снова закрывают свои ясные-ясные глаза.

Андриян ответил не сразу. Постоял в задумчивости и вслух начал мечтать:

— Это они нас зовут. К себе зовут. Хотят, что-

бы мы посмотрели на их красоту вблизи, хотя бы раскрыть нам, людям, свои тайны.

Потом опять замолчал. И как бы про себя добавил:

— Звезды зовут...

Мог ли знать он тогда, что ему самому придется рассказывать звездам сказочные были о чудесной стране Советов, о ее замечательных людях.

Перевел с чувашского И. Ермаков.

ДЕДУШКИН СКВОРЕЦ

На краю села, возле колхозного сада, живет садовод Максимыч.

Раз я зашел к нему, но дома не застал. Максимыч был в саду. Пошел я его разыскивать.

Иду и дивлюсь: почти на каждом дереве — по скворечнику. А что творится среди птиц, трудно и передать. Не пение, а сплошной гам.

— Скворцов пришел послушать? — приветливо спросил дед. Воткнул лопату в землю и, опираясь на черенок, выпрямился, насколько мог. — Молодец. Правильно. Я так вот страсть люблю скворцов. Редкостная, отменная птица. Всякая другая заучит какую-нибудь песенку и потом твердит ее всю жизнь. Все одно и то же! А скворец — особая статья. Он кого услышит, тому и подражает, да еще подсмеивается. То вороной закаркает, то кукушкой закукует, а то наседкой закудахчет. Все перенимает, лишь бы только услышать!

Поглаживая от удовольствия бороду, Максимыч похвастал:

— Есть и у меня один такой забавник. Пойдем, покажу!..

Старик захватил лопату и повел меня к своей избе.

— Вот его квартира! — он указал на старую развесистую березу с новой скворечней.

Жильца дома не было.

— Хозяйка на яйцах сидит, — пояснил дед, — а хозяин за кормом улетел. Сейчас у него пора трудная: надо и самому поклевать и хозяйку накормить. Да еще и пением ее потешить!..

Мы сели на лавочку под вишней, дед закурил. Прошло несколько минут.

— А вот и сам прилетел! — вдруг оживился Максимыч, кивнув головой на птичий домик.

Накормив свою подругу, скворец запел. Да как запел! Он свистел иволгой, трещал сорокой, каркал вороной, заливался жаворонком. И вдруг как залает собакой! Ну как есть наша Мушка! Да так зло, того гляди за пятки схватит.

Мы со стариком хохочем. У меня от смеху даже в бок закололо. Только успокоились, а скворец заржал жеребенком.

Я хохочу, Максимыч, давясь смехом, еле выговаривает:

— Вот какой у меня забавник!.. Нигде больше не сыщешь такого пересмешника!..

МИР В ПРИЩУРЕ

Поэтов надо любить. Если, конечно, поэт — действительно поэт. Это древняя истина. И когда поэт выпускает свою первую книжку, люди должны радоваться: ребенок не просто сделал три-четыре шажка, а встал, огляделся и — пошел!

Первые шаги в поэзии Владимир Фалей сделал давно. Но вот он «пошел» — по радуге, изображенной на обложке книги, написано — «Любопытство»*. Очень точно назвал поэт свой первый сборник. Человеческое любопытство — мать великих открытий. Ведь каждый из нас с первых дней жизни постоянно и заново открывает для себя мир.

Нами движет интерес к открытиям, пусть на первых порах даже к самым простым:

«Вон цветик желтый,
Ну просто — ах!
Я встал и пошел
На кривых ногах...»

Любопытство поэта, естественно, шире. Шире и мир, открываемый поэтом. И этой широтой определяется тематика первого сборника В. Фалея.

* Вл. Фалей. Любопытство, стихи. Тюмень, 1963.

«Думаю без конца
Думами миллионов,» —

пишет Фалей в стихотворении «Родина». И сразу подтверждает это стихотворением «О человек!», где думы миллионов выражены точно — поэт нашел образ свежий, выразительный, емкий:

«Грозный атомный век —
Крепкий, страшный орешек.
О, очнись, Человек!
Неужели ты пешка?
Ты умен и красив,
Ты сильнее, чем вчера.
Ты орех раскуси,
Не взрывая ядра».

Рецензию можно вогнать в схему: вот стихи хорошие, отличные, вот «поэту удалось», он «сумел, нашел» и т. д. А потом, в конце, уронить слезу: «однако...», «к сожалению, не все...». Скажем сразу: если прочесть всю книжку, а потом над каждым стихотворением подумать мы увидим, что в сборник попали и весьма слабые, посредственные стихи.

Нет стержня, нет четкой мысли в стихотворении «Съезжу-ка в деревню», хотя оно, чувствуется, написано искренне, легко, само «вылилось» на

бумагу. Это хорошо. Но неудовлетворенность после него остается: что же хотел сказать автор? Кому и по какому поводу он позавидовал?

Порой обидно, что В. Фалей из хороших строк, из свежих образов делает плохие, пресненские стихи, вроде «Я говорю ласково», «Фея», «Саксонской девушке». Вот пример — свежие сами по себе строки сложились в старый стих, кем-то давно написанный:

«...Любуюсь талией,
Гляжу на пальчики.
А ты под пальмами,
Ты в купальнике,
Ты кофейная,
Ты, как фея...
..Может, я тебя
все же выдумал?»

Говоря строкой самого Фалея, это — «слова—да еще не песня».

К счастью, таких стихов немного. В большинстве стихотворений сборника бьется взволнованная мысль поэта, которую он умеет «подать» интересно, свежо и поэтично.

Пожалуй, одно из лучших стихотворений сборника — «Осень». Оно несет точную мысль, сделано просто и экономно.

«Не люблю весенней парадности:
И льды идут, как железо,
И все хмелеет от радости
И целоваться лезет.
А мне милее—проселками
Осень идет веселая.
Нарядная, но не шумная,
Веселая — не бездумная.
Люблю чистоту небесную,
Земную люблю загорелость,
И осени скромность невестину,
Ее налитую зрелость.
Она с тончайшими чувствами
Уходит, светясь тоскою..»

И сеет она без устали,
О будущем беспокоясь».

Это — подлинная поэзия, ибо за этими строками есть не только прямой их смысл, они рождают у читателя драгоценные нити ассоциаций. «Налитая зрелость» осени-невесты вызывает представление и о созревшем фруктовом саде, и о спелом колосе, и о девушке — красивой, сильной, свежей. Две строки —

«Она с тончайшими чувствами
Уходит, светясь тоскою...»—

рисуют очень знакомую картину: светится на солнце тоненькая пряжа паутины в опадающей березовой роще, где невольно испытываешь легкую, светлую грусть...

Легко, но не легковесно написано «Про солнце»:

«Бил я по солнцу с толком—
Счастье цвело в осколках.
И поцелуй под этот бубен
На мои осыпались губы...»

Есть в этом стихе, и хорошее раздумье о бесценности людской ласки, любви, но более всего привлекает динамичность парных строк, дающая всему стиху хороший разбег к завершению темы:

«А мальчишки по солнцам звонят.
Шут с вами, друзья, звоните!
Солнце свое подняв,
Устанавливаю в зените».

Умеет В. Фалей «подать» и пустяк:

«Губки лакомые, ногти лаковые.
Приходите в грозу и слякоть.
Туфли—с тоненькими копытцами.
Парни лопнут от любопытства...»

Только стоит ли тратить поэтический порошок на такие сти-

хи, даже пришивая к ним бодрый конец о «земле-танцплощадке»?

В сборнике есть хороший стих о журналисте. Так он и называется. Строки его крепко сколочены, найдены в нем нужные и свежие слова:

«...Тыкать носом в правду
ноющего чиновника,
Плевать бюрократу
в непромокаемые глаза...»

Но этот же стих и пример небрежности В. Фалея. Великолепный образ — «непромокаемые глаза» бюрократа — рифмуется с полудетской, явно выпадающей из контекста строкой:

«...Иду недовольный—
коза-дереза!...»

Небрежность порой рождает неожиданно. Вот поэт рискованно рифмуется: «зонтик» — «горизонтом». В результате этой формальной ошибки искажилась мысль — воспринимается какой-то дешевый горизонттик:

«...Это ведь наш зонтик —
Купол над горизонтом...»

В таких рискованных, необычных рифмах отчетливо просматривается желание поэта не повторять чужих созвучий. Это похвально, но сложность формы (если отнести рифму только к технической «снасти») — не признак зрелости. Скорее наоборот.

Порой эта сложность и эффектность формальная оборачивается серьезной небрежностью, смысловой ошибкой. «Питекантроп—Канта» рифмуется, не задумавшись, поэт. И фашисты, эта «стая хитрых мерзавцев», становятся «наследниками Канта»

(а ведь мы привыкли понимать под словом «наследник» последователя, продолжателя).

Недоумение вызывают последние строки стихотворений «От имени поколения», «Журналист», «Слезы». Темы гражданского звучания завершаются в них сугубо интимно, «поцелуйно». Возможно, у автора есть между гражданственностью и «поцелуйностью» какая-то связь, цепь ассоциаций. Но у читателя этой связи нет, поэтому появляется чувство досады, когда после такого —

«Раз и два! Шар шагами
меряю...»

Мы ж не белоручки!
Мы ж — газетчики...» —

поэт «резво скатывается»: «давай-ка, девочка, досыта нацелуемся...» Удивить читателя концовкой — неоспоримое право поэта. Но удивить — не значит вызвать недоумение...

Почти треть сборника занимает поэма «Бальжинка». Прежде всего хочется сказать, что написана она способным, талантливым поэтом. Есть в ней великолепные, завидные строчки...

«...Но даль просторна,
Уйдя в кусты,
Спят ветры-штормы,
Поджав хвосты...»

«...Где ж ты, мечта и шалость,
Ну же, явись ко мне!
Сказочно русалочкой
Выплыви на волне!...»

На первый взгляд, это поэма на сугубо интимную тему — о любви. Но она ветвится размышлениями героя не только о любимой, но и о ее стране, о Бурятии, когда-то забитой, глу-

хой, и о новой Бурятии — советской:

«Ведь Рим воздвигнуть —
Сгоняли плетью.
И то возились тысячелетья!
А нашей жизни—
Едва за сорок,
Но дыбит голову
Каждый город...»

Трудно сказать — сознательно или нет в «Бальжинке» демонстрирует В. Фалей свою технику. Что ж, техника хороша и богата: с читателем и с Бальжи автор старается говорить по-разному, речь героини дана в выразительном, своеобразном ритме:

«Это я, это я,
Это я, Ангара!
Проклянет отец,
Не найдет жених,
Посмотреть дворец
Убегу от них...»

Однако ритмическое богатство обернулось ритмической неорганизованностью поэмы, часто ничем неоправданными переборами. Поэма рассыпается на отдельные куски, в каждом из которых есть великолепные на-

ходки (образы, ритмы, строки). Но из этих кусков не сложилась цельная вещь. Ей не хватает большой сквозной мысли — того поэтического стержня, который должен был скрепить все главы поэмы, пройдя через каждую. Пока же есть заявка на поэму — заявка способного, владеющего словом, но, видимо, еще недостаточно зрелого поэта.

В книге под общим названием «Любопытство» выглядит «Бальжинка» несколько «чужой» — в ней нет того «прищур», с которым автор глядит на мир в большинстве стихов сборника.

Первая книжка радостна не только для автора. Она первая и для читателя. Знакомство всегда бывает либо приятным, либо нет. Встреча с «Любопытством» — приятна. Есть в этой книжке стихи хорошие и похуже, но определенно можно сказать, что нет в ней стихотворений, сделанных равнодушной рукой ремесленника. А это радует и обнадеживает.

В. КЛЕПИКОВ.

КНИГА О СЕРГЕЕ САРТАКОВЕ

Немало славных имен дала большой советской литературе земля сибирская. Романы и повести Георгия Маркова и Константина Седых, Ефима Пермитина и Сергея Залыгина, Саввы Кожевникова и Афанасия Коптелова, пьесы Павла Мажаревского и Виктора Лаврентьева, стихи и поэмы Казимира Лисовского, Иннокентия Луговского, Александра Смердова, Игнатия Рождественского и многих других известны широкому кругу читателей не только по ту сторону Урала, но и во многих зарубежных странах.

Более четверти века успешно работает в литературе талантливый писатель-сибиряк Сергей Венедиктович Сартаков. Его монументальная эпопея «Хребты Саянские», чудесные поэтические повести «Горный ветер» и «Не отдавай королеву», недавно заверченный роман «Ледяной клад» пользуются большим успехом в народе.

Григорий Ершов. «Певец Сибири». О жизни и творчестве Сергея Венедиктовича Сартакова. Тюм. кн. изд-во, 1962.

А между тем критическая литература об одаренном писателе очень бедна, она ни в какое сравнение не идет с популярностью его произведений. Десяток — другой газетных и журнальных рецензий об отдельных книгах С. Сартакова, небольшой критико-библиографический очерк А. Павловского в сборнике «Писатели-сибиряки», изданном в 1956 году Новосибирским книжным издательством, — вот, пожалуй, и все, что опубликовано об интересном и своеобразном художнике.

Тем более отраден тот факт, что первое обстоятельное монографическое исследование о С. В. Сартакове — работа Г. Ершова «Певец Сибири» — издана у нас, в Тюмени, в конце 1962 года. Исследователь не ставит перед собой задачу осветить весь путь писателя, подвергнуть критическому анализу все его произведения — он рассматривает наиболее зрелые, этапные романы и повести С. Сартакова, явившиеся определенными вехами на его творческом пути. При этом критик исходит из глубокого и справед-

ливого положения о том, что книги Сартакова подчинены единой магистральной теме — теме народа-строителя, народа-созидателя.

С. Сартаков, как отмечает во вступлении к своей работе Г. Ершов, «неизменно верен своему главному герою — человеку труда. Таежный охотник, плотогон, лесоруб, землекоп, матрос, мостовщик-резонщик, радист, учитель — герои книг С. В. Сартакова — природы широкие и стойкие, полные силы и великодушия, порою строгие и суровые, как величава и сурова природа Сибири, родины писателя». Г. Ершов проследил за тем, как раскрывается в произведениях Сартакова величие Сибири, поэзия ее природы, пафос преобразующего мир труда.

Первая глава очерка Г. Ершова «Книга о счастье удачно сделанного выбора» посвящена обстоятельному анализу большой повести «Каменный фундамент» — наиболее значительного произведения С. Сартакова начальной поры его творчества. Это повесть о формировании характера молодых сибиряков Алексея Худоногова и его жены Катюши. Вчерашний таежный охотник «Алеха-чалдон» проходит школу заводской жизни, приобщается к рабочему коллективу и городской культуре, затем проходит «университеты» Великой Отечественной войны. Динамичен в повести образ Катюши, совершающей путь от малограмотной домохозяйки, ограниченной интеллекта, до деятельного медицинского работника, активного общественника-депутата.

Г. Ершов попутно исследует мастерство молодого писателя в создании портрета, в раскры-

тии «диалектики души», в лепке характеров героев. Много внимания уделяет критик пейзажной живописи «певца Сибири» Сергея Сартакова, справедливо обнаруживая благотворное влияние выдающегося мастера советской литературы М. М. Пришвина.

Центральное место в рецензируемой работе занимает глава, посвященная разбору трилогии «Хребты Саянские», созданию которой Сартаков отдал почти 20 лет напряженного общественно-политической жизни России конца XIX — начала XX веков, по глубине проникновения в судьбы народные «Хребты Саянские» — это поистине историческая эпопея, запечатлевшая развитие капитализма в Сибири, сложный процесс формирования, развития, мужания сибирского пролетариата, историю его борьбы против самодержавия и «хозяев жизни» — буржуазии. Заключительная книга трилогии «Пулей пробитое знамя» рисует события эпохи первой русской революции: классовые бои в Чите, Красноярске, Иркутске, на станциях и полустанках великой транссибирской магистрали.

Г. Ершов сумел в своей работе осветить основные сюжетные линии широкоразветвленного, многопланового повествования «Хребтов Саянских». Нельзя не согласиться с мыслью исследователя о том, что в личных судьбах героев романа Парфирия и Лизы Коронотовых нашли отражение судьбы многих тысяч русских людей, вовлеченных в круговорот революции, пробуждающихся, расправляющихся и растущих в ходе великих битв 1905 года. Думается, что было бы справедливо отметить в решении этой темы — темы идейного роста

под воздействием революции ранее отсталых и темных людей — влияние горьковских традиций.

Много внимания уделяет Г. Ершов характеристике большевика, революционера ленинского типа Михаила Лебедева, одного из создателей сибирского подполья, воспитателя народных масс, непримиримого борца против меньшевиков и других врагов революции.

Верный теме своего исследования («Сартаков — певец Сибири»), автор очерка вдумчиво и аргументированно освещает роль лирических отступлений и поэтических пейзажей в романе. «Читая роман, — утверждает Ершов, — мы как бы вместе с автором идем по земле сибирской и видим: вот какие здесь могучие реки, вот какая неповторимо красивая, необъятная, как море, щедрая и прекрасная в суровом богатстве своем сибирская тайга, вот какие эпически величественные отроги хребта Саянского, и вот какие красивые, могучие и даровитые люди — сибиряки, сумевшие сбросить иго насильников и способные на любые великие дела, чтобы заставить все богатства и красоты земли своей служить людям родной земли». Хорошо и верно сказано!

В последней главе работы «Книги о советской молодежи» речь идет о двух неразрывно связанных повестях Сартакова: «Горный ветер» и «Не отдавай королеву». Эти произведения объединены и общей идеей: «человек человеку — друг, товарищ и брат» и общими героями, прежде всего — образом рабочего юноши Кости Барбина. «Горный ветер» — это повесть о молодом современнике, о светлой любви, о силе коллектива, о радости труда. Идейный смысл второй повести рас-

крыт в подтексте ее заглавия: не отдавай недругам советского человека, борись за него, помогай устоять в беде. Нет, не отдал Костя Барбин Королеву Шуру — друга юношеских лет, попавшего в житейский шторм. Он дал бой прохвосту Шахворостову, угрозами и шантажом толкавшего девушку на скользкий путь во имя «летней» жизни, и вышел победителем в этом бою. В повестях Сартакова, как правильно отмечает Г. Ершов, звучит благородная, глубоко гуманистическая идея доверия к человеку. Повести поднимают и решают актуальные, жизненно важные проблемы, волнующие нашу молодежь: о дружбе и товариществе, о верности долгу, о морали и этике советского человека.

Несомненное достоинство критического очерка «певец Сибири» заключается в том, что он отнюдь не только плод «ума холодных наблюдений». Нет, на каждой главке, на каждой странице лежит печать истинной любви к исследуемому материалу, живой заинтересованности, не могущей не увлечь читателя.

Но эта влюбленность порой приводит к утрате объективности в суждениях и оценках, и тогда вместо вдумчивого критика и благожелательного исследователя появляется рьяный «защитник», охраняющий Сартакова от «нападок» «некоторых читателей», «не сумевших разобрататься рецензентов» и т. д. Вот, например, идет разговор об образе Михаила Лебедева из «Хребтов Саянских». Г. Ершов безоговорочно согласен со всеми положительными оценками, высказанными по этому поводу литературоведом А. Павловским, но решительно отвергает его критические замечания о

том, что герой в первых книгах романа схематичен и бесплотен, мало действенен и т. д.

А между тем Лебедеву действительно не хватает жизненной полноты и достоверности. А. Абрамович в книге «Критические статьи и очерки о творчестве сибирских писателей» (Иркутск, 1958 год) отмечает, что «с каждой новой страницей романа все реже и реже живет Лебедев полнокровной жизнью; все чаще и чаще он выступает преимущественно с речами, призывами, все суровее и суше становится его характер» (стр. 205), «его чувства оказываются гораздо более бледными, а порой и схематичными» (стр. 206), «торопливость, схематизм, эскизность художественного рисунка свидетельствуют о том, что авторская тема не «обросла» живыми и яркими фактами, деталями» (стр. 208). Этот взгляд разделяют и другие критики.

Влюбленность в тему порой мешает Г. Ершову высказать критические замечания о художественных просчетах, о некоторых недостатках произведений С. Сартакова — писателя, несомненно, интересного, талантливое, яркое. Восторженные риторические восклицания исследователя («Сартаков обладает счастливым поэтическим даром и в описании природы, и в описании людей», «все свои знания, жизненный опыт, писательский талант вложил он в крупнейшие из своих произведений», «в полную силу мастерства, присущего этому художнику...» и т. д.) нередко подменяют деловой разговор, конкретный доказательный анализ.

Не потому ли уклонился Г. Ершов от характеристики повестей С. Сартакова «По Чунским порогам» и «Плот идет на Север», его пьес «По-

дымется мститель суровый», «Песня над рекой», «Единым дыханием» — произведений во многом несовершенных, — что разговор о недостатках был бы неизбежен? Но ведь критик потому и критик, что он обязан разобратся в том, что такое хорошо и что такое плохо в творчестве писателя, помочь ему!

Слабо освещены в работе Г. Ершова вопросы художественного мастерства, своеобразия индивидуальной манеры Сартакова, особенности его писательского почерка. Есть в книжке Ершова глава «Творческий арсенал писателя». Заглавие многообещающее и обязывающее. Читатель вправе был ожидать, что здесь-то и состоится разговор о жанровом и стилевом своеобразии писателя, о тонком сартаковском юморе, об особенностях композиции его произведений, о творческой лаборатории и о многом ином. Увы, эти ожидания не оправдались. Критик ограничился беглой характеристикой, даже не характеристикой, а пересказом содержания (чем он грешит и в других главах своей работы) нескольких рассказов Сартакова. Какой же это арсенал? Правильнее было бы назвать маленькой кладовкой!

Огорчение и досаду вызывают язык и стиль исследования. Едва ли ни на каждой странице встречаются пустые риторические фразы, ненужные повторы, тавтологические обороты, неуклюже построенные предложения, мудреная «ученость». Вот, например, как пишет критик об одном из героев «Хребтов Саянских»: «Многие черты его характера, наиболее важные обстоятельства жизни этого таежного человека, так впечатлившие подростка, писатель

Сартаков положил впоследствии в основание конкретной характеристики своего героя, привнеся в образ немало и иных деталей, иных наблюдений над людьми, действовавшими в других условиях, добываясь выявления наиболее типических сторон в облике коренного таежного жителя, охотника-сибиряка, пришедшего в город и ставшего не только рабочим, но и одним из активных борцов за рабочее дело» (стр. 33). Приходится с немалым трудом продирааться сквозь дебри слов, чтобы понять смысл этой фразы. А попробуйте уразуметь, что хотел автор сказать вот таким предложением: «Цельного образа, характера, показанного во всех опосредствованиях его становления, у автора не получилось» (стр. 41)!

Немало в языке работы словесного мусора, набивших оскомину штампов. Так, говоря о чете Худоговых, Ершов умудряется на 2—3 страницах удручающе однообразно повторять, что «Сартаков изображает обыкновенных, простых людей», что «это простые советские люди», что «автор... сумел

на судьбах этих простых людей показать величие нашего времени» (стр. 26—27). На стр. 40 мы узнаем, что «образ женщины-революционерки написан С. Сартаковым с большим мастерством и художественным тактом», а на стр. 48 читаем, что с тем же «большим тактом и предельной художественной выразительностью автор нарисовал эпизод побега Лебедева из тюрьмы». Количество подобных огорчительных примеров не трудно увеличить.

Можно было бы закончить рецензию обычной итоговой фразой: «Отмеченные недостатки не снижают высокой ценности» и т. д. Нет, снижают, заметно снижают! От работы, посвященной вопросам художественной литературы, мы вправе требовать безупречной по стилю, по языку формы.

Но отмеченные серьезные недостатки не могут, конечно, перечеркнуть значение полезного и ценного в основе своей труда Г. Ершова о вдохновенном певце Сибири Сергее Сартакове.

Л. ПОЛОНСКИЙ.

В 1964 году исполняется 150 лет со дня смерти одного из интересных русских поэтов XVIII века — Панкратия Платоновича Сумарокова. 22-летним юношей Сумароков был сослан в Сибирь, где пробыл около пятнадцати лет. Почти все годы ссылки провел он в Тобольске. С тобольским периодом жизни связан расцвет его литературного творчества.

Для нас, сибиряков, Сумароков интересен не только как поэт. Огромный вклад внес он в развитие литературной жизни Сибири. Являясь, по существу, первым сибирским профессиональным литератором, П. Сумароков сумел объединить культурные силы Тобольска, создать литературный кружок, наладить издание первого сибирского журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену».

Статья М. Г. Альтшуллера познакомит читателей нашего альманаха с биографией и творчеством П. П. Сумарокова.

АЛЬТШУЛЛЕР М. Г.

ТОБОЛЬСКИЙ ПОЭТ И ЖУРНАЛИСТ

20 февраля 1787 года статс-секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий, как обычно вечером, записал свою беседу с императрицей: «По полученному известию, что К. Г. (Конной гвардии) корнет Сумароков с вахмистрами Ромбергом и Куницким поддельвали новые ассигнации, говорено о ша-

лостях, в том полку прежде бывших, и что исстари подписывались под руки и разные делали обманы для получения денег».¹

Главным виновником истории, рассказанной в записи Храповицкого, был молодой поэт и искус-

¹ А. В. Храповицкий, Дневник, СПб, 1874, стр. 25—26.

ный художник Панкратий Платонович Сумароков. Он скопировал сторублевую ассигнацию, которую выпросили у него его друзья Куницкий и Ромберг. Затем были нарисованы еще две такие же ассигнации. Вскоре обман раскрылся и началось судебное следствие.¹

Сумароков был приговорен к двадцатилетней ссылке в Сибирь. Его сын, Петр Сумароков, в биографии отца говорит, что наказание усугубили сатирические стихи, которые были найдены в бумагах арестованного, и «вооружили против него некоторых начальников».²

Панкратий Платонович Сумароков родился в 1765 году в городе Владимире. Он был родственником известного писателя и драматурга XVIII столетия А. П. Сумарокова. С двенадцатилетнего возраста Сумароков воспитывался в Москве в семье своего родственника И. П. Юшкова, где получил хорошее домашнее образование.

Службу свою он начал в Преображенском полку в Петербурге. К этому времени относится знакомство его с Н. М. Карамзиным.

Вскоре Сумароков был переведен в Конную гвардию. Служил он успешно, т. к. уже к 1 января 1787 года относится приказ о его производстве «из вахмистров в корнеты». Это был первый и по-

¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, СПб., 1866, стр. 049.

² Стихотворения Панкратия Сумарокова, СПб., 1832, стр. XXI.

следний служебный успех Сумарокова. Гусарская шалость разбила счастливо складывавшуюся жизнь молодого человека.

До трагической перемены своей судьбы Сумароков успел напечатать в 1786 году только одну небольшую эпиграмму «Клеон Дамону говорил». Расцвет его творчества приходится на годы ссылки, проведенные поэтом почти полностью в Тобольске. Долгое время считалось, что он был редактором и издателем первого сибирского журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Однако А. И. Дмитриев-Мамонов на основании изучения Тобольского архива пришел к выводу, что «журнал этот издавался от Тобольского главного народного училища на средства Тобольского приказа общественного призрения. Сумароков был только одним из многих сотрудников этого журнала, редакция которого лежала на обязанности учителей Тобольского главного народного училища, принимавших деятельное участие в издании журнала».³ Но П. Сумароков был, несомненно, ведущим сотрудником журнала и лучшим его поэтом.

«Иртыш» выходил в 1789—1791 гг. Прекращение его объясняется, видимо, экономическими причинами — журнал был явно убыточен. Писатель А. А. Шмаков пытается связать его закры-

³ А. И. Дмитриев-Мамонов, Начало печати в Сибири, СПб., 1900, стр. 14.

тие с деятельностью Радищева,¹ но для подобного заключения у нас нет никаких оснований.

В «Иртыше» появилось самое известное произведение Сумарокова — поэма «Лишенный зрения Купидон». Она была написана не позднее 1790 года, т. к. впервые напечатана в январском номере «Иртыша» за 1791 год. В этой поэме рассказывается, как боги отравились на пир к Гомеру, оставив дома Дурачество и Амура. Дурачество, выпросив лук у бога любви, нечаянно выбило ему глаза. Разгневанный Зевс приказал дураку никогда не оставлять Амура. С тех пор по земле любовь и дурачество ходят всегда вместе.

По жанровым признакам «Лишенный зрения Купидон» является ирои-комической поэмой. Такие поэмы либо намеренно низким слогом излагают героический, обычно античный сюжет (такова, например, «Энеида» И. П. Котляревского) либо, напротив, высоким слогом повествуют о каком-либо ничтожном событии. (А. А. Шаховской «Расхищенные шубы»).

Поэма П. Сумарокова принадлежит к первому роду «смешных ироических поэм», где «стихи, владеющие высокими делами... пишутся пренизкими словами».²

¹ Ал. Шамаков, Радищев и журналистика дореволюционной Сибири, Сибирские огни, Новосибирск, 1952, № 5, стр. 137.

² А. П. Сумароков, Избранные произведения, Библиотека поэта, Большая серия, Л., 1957, стр. 122—123.

Начинается ирои-комическая поэма обычно, как и героическая, с традиционного «пою», за которым следует обращение к вдохновителю автора.

Нарочито принужденно подчиняясь установленной традиции, Сумароков пародирует правило, ставшее уже обязательным для самой пародийной поэмы:

Мне должно сделать здесь
возглас:
Отделаюсь тотчас.

Следующее затем обращение к Фебу отличается от традиционного явно ощущаемым автобиографическим элементом:

О ты, что на Сибирь взираешь
исподлобья,

Скажи мне, светлый Феб, за что
до нас ты лих?

.
Услышь же мой к тебе,
охрипший

С стужи глас,
Пожалуй, сделай одолженье,
Просунь сквозь снежных туч
Хотя один свой луч.
И мерзлое мое распарь
воображенье.

Так в несколько наивной форме появляется у Сумарокова стремление к изображению действительно-го, конкретных деталей окружающего мира, которое развивается в русской поэзии под влиянием Державина.

Наиболее значительным предшественником П. Сумарокова в жанре бурлеска—т. е. сниженного изображения античных персонажей—был Богданович в «Душень-

ке», что и позволило П. А. Вяземскому назвать П. Сумарокова «...удачным подражателем Богдановича в карикатурных изображениях...»¹

Мысль Вяземского была повторена несколько позднее уже в категорической формулировке: «Стих Сумарокова, например, в «Амуре, лишенном зрения», не только напоминает, а прямо-таки скопирован со стиха и манеры «Душеньки» Богдановича, и по легкости и бойкости своей несколько ему не уступает».² Эти замечания в общем справедливы, но гораздо более важным представляется не сходство, а различие между «Амуром» и поэмой Богдановича. Язык П. Сумарокова отличается большей близостью к разговорному при некоторой грубоватости. Если Богданович систематически очищал с каждым переизданием свою поэму от просторечных оборотов, то П. Сумароков тщательно сохраняет бытовые вульгаризмы во всех публикациях поэмы. У него Эрот хочет «калякать о любви», отец богов, разинув пасть, «Ревет быком и стонет», «Потом с отчаянья он на стену полез». Когда боги возвращаются с пира, который давал им Гомер, «на лицах их, от спирта красных, сверкают радости следы».

¹ П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. VIII, СПб., 1883, стр. 3.

² А. В. Арсеньев. Словарь писателей среднего и нового периодов русской литературы, СПб., 1887, стр. 143—144.

Имя П. Сумарокова, прежде всего как автора поэмы «Лишенный зрения Купидон», пользовалось довольно широкой известностью. Так, А. Бестужев в известной критической статье «Взгляд на старую и новую словесность России» писал: «Панкратий Сумароков отличен развязною шутовливостью в стихах своих, не всегда гладких, но всегда замысловатых. «Слепой Эрот» доказывает, что сибирские морозы не охладили забавного его воображения».

Небольшая поэма П. Сумарокова занимает значительное место в ряду других ироик-комических поэм, получивших довольно широкое распространение в русской литературе второй половины XVIII века.

Этот жанр, несомненно, оказал влияние на творчество молодого Пушкина. Оно явно ощущается в «Руслане и Людмиле».

Думается, что, изучая ту литературную почву, на которой формировался талант молодого Пушкина, нужно учитывать и творчество Панкратия Сумарокова. Поэтические сборники его, вышедшие в 1799 и в 1807 гг., должны были быть известны молодому поэту.

Может быть, не простой случайностью объясняется совпадение строк «Руслана»:

...с ресниц, с усов
С бровей слетела стая сов,—

со сказкой П. Сумарокова «Испытанная верность»:

Из бороды его и также из
усов
С две сотни вылетело сов...

Показательно, что когда в 1832 году вышло собрание сочинений П. Сумарокова, Пушкин приобрел его для своей библиотеки.¹

Вообще сказки занимают важное место в творчестве Сумарокова. В них так же, как и в «Лишенном зрения Купидоне», сохраняется грубоватый, избилующий просторечными оборотами язык. В конце XVIII века, когда традиции классицизма были еще живы, это никого не шокировало. Характерно, что и Карамзин, проповедник изящного, ревнитель вкуса, принадлежавший к числу тех писателей, «кого читают дамы», относился к творчеству Сумарокова весьма сочувственно: печатал его в «Аонидах», после возвращения

¹ Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание), «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 102, № 378: Сумароков Панкратий Платонович. Стихотворения Панкратия Сумарокова. Санктпетербург, 1832. Разрезано. Заметок нет.

Последнее замечание нуждается в уточнении. При просмотре экземпляра обнаружено 6 помет, являющихся, по всей вероятности, следами ногтя («отметки резкие ногтей») на стр. 29, 93, 95, 109, 127. Особенно явственной является помета на стр. 127 против «Оды в громко-нежно-нелепо-новом вкусе». Для нас представляет особый интерес помета на стр. 29, где начинается сказка «Испытанная верность», может быть, узнанная поэтом во время чтения сборника в 1832 году. (Институт русской литературы, (Пушкинский дом), библиотека А. С. Пушкина, № 378 IV 8/7).

П. Сумарокова из ссылки, вероятно, пригласил на свое место в «Вестник Европы», одобрил книжку его стихов.²

Позднее о П. Сумарокове, в общем благожелательно, как мы видели, отозвался Бестужев, а Батюшков включил его имя в план книги об истории русской литературы.³

Но в то же время, когда в 1832 году, в связи с выходом сочинений поэта, появились статьи о его творчестве, выяснилось, что Сумароков подвергается нападкам за отсутствие вкуса, грубость и мужиковатость. Грубоватые, просторечные выражения, допускаемые в определенных жанрах эстетикой классицизма, оказались неприемлемыми с точки зрения эстетических требований сентиментализма: «...Вкус его необразован, и картины его, часто грязные, оскорбляют людей хорошего тона, людей с чувством изящного»⁴. По существу это упрек поэту за его демократизм. Часто П. Сумарокову противопоставляют Дмитриева, как автора сказок. Так, желчный

² «Посылаю тебе... Сумарокова стихи,—пишет Карамзин Дмитриеву 28 марта 1800 года,—в которых много шутивного и забавного. Он имеет талант. Скажи мне свое мнение. Я, может быть, пристрастен». (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, СПб., 1866, стр. 115).

³ К. Н. Батюшков. Сочинения, Гослитиздат, М., 1955, стр. 396.

⁴ Стихотворения Панкратия Сумарокова. СПб., 1832 (рецензия), Лит. прибавления к «Русскому Инвалиду», 1832, ч. IV, стр. 670.

Ф. Ф. Вигель писал, что Дмитриев представил свою музу в гостинных, поставив ее «гораздо выше гниющего болота, где воспевали Панкратий Сумароков и ему подобные». ¹

Одной из лучших сказок П. Сумарокова является сказка «Альнаскар». Впервые она была напечатана в «Журнале приятного, любопытного и забавного чтения» в 1802 году. Судя по примечанию: «Пьеса сия сочинена в Сибири», — написана до 1801 года, т. е. до возвращения автора из ссылки. Поскольку «Альнаскар» не попал в первую часть сочинений П. Сумарокова, вышедшую в 1799 году, он был, видимо, написан в 1798—1800 гг.

Сказка представляет собой перевод стихотворной французской сказки Эмбера. ²

Интересно вступление к «Альнакару». Как и вступление к поэме об «Амуре, лишенном зрения», оно сопровождается ссылкой на место сочинения.

На сивом Октябре верхом
Борей угрюмый подъезжает;
Сибирских жителей в тулупы
наряжает,

Зефиров гонит голиком;
Опустошая царство Флоры,
На стеклах пишет он узоры.
Мух в щели, птиц в кусты,
Зверей же гонит в норы.
С бровей на землю он стрясает!
снежны горы;

¹ Ф. Ф. Вигель, Записки, ч. III, М., 1892, стр. 82.

² Imbert, *Historiettes ou nouvelles en vers*, Amsterdam, 1774, p. 43—49.

В руке его блестит та хладная
коса,
Которой листьев он лишает
древеса,
Грозит покрыть Иртыш
алмазною корою
И пудрит мерзлою мукою
Сосновы черные леса.

Если предположенная датировка сказки справедлива, то между «Амуром» и ею прошло около десяти лет, не пропавших даром для творческого развития Сумарокова.

В «Амуре» пейзаж был лишен конкретности, в нем не чувствовалось поэтического видения мира. «Альнаскар» показывает, что П. Сумароков учился у Державина этой конкретности. Вступительные строки его поэмы, изображающие картины сибирской природы, несомненно, восходят к началу оды Державина «На рождение на севере Порфирородного отрока»:

С белыми Борей власами
И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой;
Сыпал иней пушисты
И метели воздымал,
Налагая цепи льдисты,
Быстры воды оковал...
Убегали звери в норы,
Рыбы крылись в глубинах.

Не говоря о бросающейся в глаза близости темы и вызванных этим лексических совпадениях (Борей, звери, норы), цветовая система во вступлении идет от Державина: отсутствие полутонов, резкость красок, противопоставле-

денной действительности. Могучее лирическое, творческое начало, свойственное Державину-поэту, не было воспринято Сумароковым. Это особенно ясно проявилось в отношении его к одному из центральных произведений Державина—оде «Бог».

В оде Державин изобразил человека как могучую мыслящую силу, повелевающего мирами, великого даже в падении. Торжественным гимном человеку звучит у Державина знаменитая строфа:

Я связь миров повсюду
сущих,

Я крайня степень вещества,

Я средоточие живущих,

Черта начальна божества.

Я телом в прахе истлеваю.

Умом громам повелеваю.

Я царь—я раб, я червь—я бог!

Для Сумарокова такое приподнято-романтическое изображение человека оказалось неприемлемым.

В декабре 1789 года он напечатал в «Иртыше» оду «Гордость». В конце ее упоминается Екатерина II. Она названа здесь Фелицей, т. е. так же, как в знаменитой одноименной оде Державина. Следовательно, П. Сумароков, работая над одой «Гордость», внутренне соотносил ее со стихами Державина. Однако уже в первых строфах ее он вступает в полемику с одой «Бог». Если у Державина человек—«черта начальна божества», «царь» и «бог», то П. Сумароков скептически возглашает:

Вспомни, червячок надменный,
Что и на малом шаре сем
Едва ты точку занимаешь;
Почто ж себя ты называешь
Всех видимых существ Царем?
И далее:

Тебе ли, слабое творенье,
Творцу себя уподоблять.

Хотя для Державина природа человека двойственна: раб—царь, червь—бог, но в общем контексте его стихов воспринимается главным образом значение и сила человеческой личности. Панкратий Сумароков, осознав эту мысль гениальных державинских стихов, решительно выступил против нее.

Ода «Гордость», напечатанная в «Иртыше», по-видимому, была замечена Радищевым, который имел возможность прочитать ее во время своего пребывания в Тобольске с декабря 1790 года по июль 1791. Там Радищев должен был познакомиться с Панкратием Сумароковым и его кружком, группировавшимся вокруг журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену».

Письма Радищева к Воронцову периода пребывания в Тобольске полны просьб о присылке русских и иностранных книг, журналов и газет.¹ И, конечно, не мог он не познакомиться с единственным издававшимся в Сибири журналом. А кружок авторов журнала, естественно, должен был испыты-

¹ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, Т. III, Изд. АН СССР, М-Л, 1952, стр. 354, 359, 366—368.

вать большой интерес к ссыльному столичному литератору. Однако характер отношений Радищева и Сумарокова нам неизвестен, хотя самый факт знакомства сомнений не вызывает. О нем свидетельствует лаконичная запись в «Записках путешествия в Сибирь»: «Пребывание в Тобольске... Ежемесячное сочинение». ¹ Здесь имеется в виду, несомненно, «Иртыш, превращающийся в Ипокренту».

В Тобольске Радищевым было написано стихотворение:

Ты хочешь знать: кто я? что я?
 куда я еду?—
 Я тот же, что и был и буду
 весь мой век:
 Не скот, не дерево, не раб,
 но человек!
 Дорогу проложить, где не
 бывало следу,
 Для борзых смельчаков и в
 прозе и в стихах,
 Чувствительным сердцам и
 истине я в страх
 В острог Илимский еду.

П. Н. Берков высказал предположение, что оно обращено к Панкратию Сумарокову. ²

Вопрос, на который отвечает стихотворение Радищева, видимо, исходил из круга «Иртыша» и ответ на него, скорее всего, должен был быть направлен тому,

кто уделял журналу больше всего внимания,—Панкратию Сумарокову. Показательно, что в своем стихотворении Радищев говорит о «борзых смельчаках и в прозе и в стихах». Это было особенно уместно в обращении к литератору или литераторам.

Ода «Гордость» Панкратия Сумарокова — несомненно, одно из самых значительных произведений, напечатанных в «Иртыше» — отражала философские воззрения автора, совершенно неприемлемые для Радищева, через год приступившего к работе над трактатом «О человеке, о его смертности и бессмертии», где он охарактеризовал человека: «...совершеннейший из тварей, венец сложенный вещественных, царь земли...» ³

В своем маленьком стихотворении Радищев, возможно, учел оду П. Сумарокова. Центральной частью его стихов являются строки, где противопоставляется человек, глашатай истины и борец за нее, рабу, скоту, дереву, в то время как для Панкратия Сумарокова человек — «слабое творенье», «надменный червячок».

Отвергая идеи Сумарокова, Радищев тем самым приближался к тому, против чего выступал автор оды «Гордость», т. е. к Державину. Ода «Бог» несомненно оказалась для Радищева более приемлемой, хотя с двойственной оценкой человека у Державина он не мог согласиться. Для него важна,

¹ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, Т. III, Изд. АН СССР, М-Л, 1952, стр. 260.

² П. Н. Берков, История русской журналистики XVIII века. Изд. АН СССР, М-Л, 1952, стр. 539.

³ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, Т. II, Изд. АН СССР, М-Л, 1941, стр. 45.

прежде всего, значительность человеческой личности. В стихотворении он выступает как борец за истину, не унизившийся, не смирившийся человек.

Оставаясь классицистом по характеру своего творчества и обладая незаурядным сатирическим дарованием, П. Сумароков создает интересную пародию под названием «Ода в громко-нежно-нелепоновом вкусе». Это стихотворение направлено против крайностей сентиментально-романтической литературы. В нем мы найдем прямой намек на популярнейшую песню И. И. Дмитриева «Стонет сизый голубочек».

Услышал стон я голубка.
У Клары слезка покатилась
Из левого ее глазка;
Катилась по лицу, катилась,
На щеке в ямке поселилась,
Как будто в лужице вода.

В то же время это стихотворение направлено и против представителя романтического направления в русской литературе С. С. Боброва. Сумароков пародирует его увлечение сложными словами и мрачные пейзажи, которые Бобров часто изображал в своих стихотворениях:

Жемчужно-клюковно-пожарна
Выходит из-за гор заря...
Сквозь бело-черно-пестро-красных
Булано-мрачных облаков,
Луна, стыдясь гостей столь
ясных,
Не кажет им своих рогов...
Октябро-непогодно-бурна.
Дико-густейша темнота,
Сурово-приторно сумбурна,
Сбродо-порывна глухота...

Творчество Сумарокова как поэта-классициста питают идеи русского просветительства. В программном стихотворении «Чудеса», которое, судя по содержанию, было написано в Тобольске, хотя и напечатано позднее—в 1804 году, Сумароков продолжает лучшие просветительские традиции русской литературы XVIII века.

В сатирическом журнале Новикова «Живописец», ч. 1, лист 5 помещен известный «Отрывок путешествия в ххх И ххх Т ххх», в котором говорится: «Вскоре после того пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все были босиками, с раскрытыми грудями и в одних рубашках и столь были дики и застрашены именем барина, что боялись подойти к моей коляске».

А П. Сумароков в стихотворении «Чудеса» пишет:

Но этого знать мне не видывать
во веки...
Пугать не стали чтоб боярами
ребят.

Здесь же мы найдем злободневную для русской литературы тему дворянского воспитания, классически решенную Д. И. Фонвизиным в комедии «Недоросль»:

Видал Российских я ученых
бедняков,
Которы площади топтали!
В учителя ж не их Бояре
к деткам брали,
А иностранных кучеров.

Последняя строка заставляет нас вспомнить учителя Митрофанушки кучера Вральмана.

КОРОТКО О КНИГАХ

А. НЕЖДАНОВ. Сибирское село на пути к коммунизму. Тюмень, Кн. изд. 1962, 48 стр.

Брошюра эта — не научное исследование и даже не обобщенный опыт. Это — простые зарисовки, показ труда скромных полеводов и животноводов со всеми его трудностями и пафосом. Удача автора состоит в том, что в повседневных трудовых буднях передового колхоза им. Кирова он сумел увидеть и показать то «фактическое начало коммунизма», о котором еще на заре Советской власти говорил В. И. Ленин.

Вот одна из страниц брошюры: «Вызвали в правление работников молочнотоварной фермы Любовь Ефимовну Осокину.

— Вот что, Люба, — обратился к ней председатель колхоза, — просим тебя пойти работать на «елочку». Первое время будет трудно, может быть, даже очень трудно. Дело новое, понимаешь...

Колхозница присела на стул. Задумалась, но ненадолго. Через несколько минут она встала.

— Я согласна. Если надо для колхоза, буду работать на «елочке».

Она не спрашивала, сколько ей будут платить за работу. Она не уточняла, насколько трудно будет. Она только заявила: «Если надо для колхоза...»

Вот оно новое, коммунистическое!»

А. Нежданов хорошо знает председателя сельхозартели им. Кирова, опытного колхозного вожака Филиппа Антоновича Плотникова и пишет о нем с большой теплотой. Он убедительно раскрывает силу и авторитет Плотникова, как руководителя: последовательная борьба за прогрессивную систему земледелия и опора на массы.

Брошюра «Сибирское село на пути к коммунизму» не лишена недостатков. Но каждый не только сельский, но и городской труженник с пользой прочитает ее, ибо она — в некотором роде летопись трудовой славы, летопись того опыта маяков колхозной деревни, который зажигает сердца людей и зовет вперед.

Евг. СОРОКИН. За все в ответе. Тюмень, Кн. изд., 1962, 88 стр.

«Перелистываю записные книжки... Мелькают даты и фамилии, проходят чередой события и встречи с людьми... На чем же все-таки остановиться? Кого выбрать в главные герои?..» — так начинается автор свою книжку — очерки о передовом хозяйстве области — совхозе «Коммунар».

Да, нелегко выбрать главное, когда в твоих записных книжках огромный материал о многих хороших людях и многих важных событиях. Но автор выбрал. Главные герои очерков — это сельские коммунисты, гвардии рядовые великой ленинской партии. Евг. Сорокин показывает совхозную партийную организацию в сложном многообразии деревенской жизни, через столкновения судеб и характеров десятков тружеников ферм и полей.

В книге шесть глав: «Ракитовый куст», «Новая высота», «Утро вечера мудренее», «На крутом повороте», «Как поссорились Иван с Анной», «Зарево славы». Каждая из них — одна из сторон многогранной жизни совхоза. Главы, содержание произведения отражены обложкой (художник Е. К. Кобелев). На голубом фоне в «окнах» — неоглядная ширь полей, волнуемое море пшеницы, алый флаг над фермой. И через все это — силуэтом простое, немного задумчивое, лицо сельского труженика-коммуниста, который за все в ответе: за хлеб и любовь, землю и песни — за счастье всех людей.

Ю. ВАСИЛЬЕВ. Тюменские коммунисты в Великой Отечественной войне (1941—1945). Тюмень, Кн. изд., 1962, 90 стр.

Чем дальше уходят от нас события грозных и героических дней периода Великой Отечественной войны, тем все больше и больше раскрывается страниц, повествующих о боевой и трудовой славе советского народа и его авангарда — ленинской партии коммунистов.

Одну из таких страниц раскрывает кандидат исторических наук Ю. А. Васильев в брошюре «Тюменские коммунисты в Великой Отечественной войне (1941—1945)». На конкретном историческом материале центральных архивов и, главным образом, партархивов Омского и Тюменского областных комитетов партии в ней показан героический труд сибиряков-тюменцев, внесших достойный вклад в дело победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Через всю книгу красной нитью проходят ленинские заветы о защите социалистического отечества. Работа тюменских партийных организаций излагается на фоне общенародной борьбы трудящихся Советского Союза. В конце приложены архивные документы за 1941—1945 годы, которые публикуются впервые на основе подлинников.

Брошюра, несомненно, вызовет интерес у широкого круга читателей, призовет трудящихся области умножать и развивать замечательные героические традиции сибиряков.

В. ЗОЗУЛЯ. Мальва. Тюмень, Кн. изд., 1962, 80 стр.

Автор этой книжки — агроном-селекционер Виктор Федорович Зозуля. Много лет он работает на сорто-испытательных участках нашей области. Трудится творчески, с подъемом, отбирая и испытывая все новые и новые сельскохозяйственные культуры, ловые высокоурожайные сорта.

Как-то в один из осенних дней 1956 года вместе со своим старым другом, тоже агрономом, обходил Виктор Федорович опытные поля Алма-атинского сельскохозяйственного института.

Вокруг — вспаханная земля, с которой давно снят урожай. Лежит, еще не успевший растаять от утреннего солнца, иней. А перед ними с изумрудно-зелеными курчавыми листьями стоит мальва.

— Мальва может стать хорошим кормовым растением. В ней много белков. Но вот никак не могу ее приручить. Скоро десять лет, как принес ее с предгорий Заилийского Ала-Тау, а все еще не изменил ее характера, — говорит агроном.

— Давай к нам, в Сибирь, — предложил Виктор Федорович. — У нас все хорошее легко приживается.

Так появились на Омутинском сортоучастке первые посевы новой кормовой культуры — мальвы.

Полевые опыты, лабораторные исследования показали, что мальва — очень ценная кормовая культура. Сейчас уже разработана система ее агротехники, решены вопросы семеноводства. Выведен новый сорт мальвы «сибирская». В 1962 году колхозы и совхозы области получили семян мальвы из совхоза «Прогресс» Омутинско-

го района более чем на 1000 гектаров посева.

Какие же урожаи дает кормовая мальва? На Омутинском сортоучастке получено с каждого гектара по 1084 центнера зеленой массы, на Шадринской опытной станции Курганской области — 600, под Москвой, в хозяйстве «Воскресенское» — 820, на полях института кормов — 997.

Эта культура устойчива к заморозкам, дает высокие урожаи и в суровых условиях северных районов. На Уватском участке, например, в 1960 году собрали урожай по 579 центнеров.

В листьях мальвы до 3-х процентов переваримого протеина. Растет она до поздней осени, оставаясь зеленой и сочной. Кроме того, она — хороший медонос.

О том, как возделывать мальву в Сибири для силосования, как выращивать ее семена, подробно рассказывает автор в своей книге. В ней дано много фотографий по опыту выращивания мальвы. Читатель с большим интересом познакомится с этой полезной и нужной книжкой.

О. МАРКОВА. Над рекой берега. Тюмень, Кн. изд., 1963, 132 стр.

Имя Ольги Марковой хорошо известно читателям. Ее книги выходят на Урале, в Сибири, выпускаются центральными издательствами.

Герои рассказов, повестей Марковой — преимущественно труженики села. О их трудовом мужестве, о большой любви и настоящей, крепкой дружбе рассказывает писательница.

Нелегкой оказалась любовь, названной гостьей явившаяся к Пе-